

С

*любовью, к
прошлому и
грядущему*

СТАРАТЕЛИ

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬБОМ РУДНЕВА Сергея

*Светлой памяти моей матери Болотовой
Людмилы Николаевны, зачавшей меня 09 мая
1945 в день Победы; и Анатолия, спасшего
мне её, в глухой Сибирской тайге на
Алданском нагорье – лица без определённого
места жительства (бомжа).*

Составление и компьютерная вёрстка автора.

Прошу извинения за крайне низкое качество позитивов. Съёмка велась холодным фотоаппаратом; негативы не сразу были проявлены; проектная печать из-за слишком тёмных негативов была не возможна.

Реконструкция негативов стала возможным, в результате современных компьютерных технологий спустя 24 года.

1985 год.

Леночке исполнилось 4 годика. Жить становилось всё труднее и труднее.

Дополнительно зарабатываемые мной деньги (халтурные) на монтаже телевизионных антенн давали свой значимый эффект. Тем более, что в Одинцове, в районном телеателье, где я живу, была распущена антенная группа монтажников по прокладке телевизионных кабелей. Только монтаж усилителей осуществляли из этого ателье. Весь объём по кабельным работам в квартирах забирали мы, халтурщики, как нас и мы себя тогда называли. Работая преподавателем сварочного производства в Техническом училище № 18, я познакомился с зашедшим туда Ампиловым Алексеем Сергеевичем, проживавшем в доме напротив. Наше училище готовило кроме электросварщиков, с которыми я работал, ещё и телевизионных мастеров, и он зашёл спросить, не починит ли кто ему телевизор. Мы разговорились. Алексей легко и непринуждённо шёл на контакт, рассказывая нам, что сам зарабатывает бешенные по тем временам деньги, стараясь в старательской артели, которая добывает золото. Я прислушался к нему. Мы разговорились. Он с жаром звал меня «ПОСТАРАТЬСЯ» вместе с ним утверждая, что моя рабочая специальность газоэлектросварщика наивысшего 6-го разряда будет там востребована. Колебался я не долго. Милиция тогда стала пасти нас, антенщиков, очень плотно. Да же удостоверение личности, подтверждающее мой статус специалиста, не останавливал их. Они нагло обирали нас всех: антенщиков; обивщиков дверей; слаботочников, запирающих коридорные карманы на дополнительные замки. Несмотря на то, что кабель телевизионный я мог смонтировать за 20 минут (это был мой личный рекорд по времени) добыча денег в то время превратилась в настоящий кошмар. Однажды конкуренты чуть не выкинули меня с 7 этажа.

И я решился. Решился доказать своей теще, что ещё способен, на кое что в жизни. Объявил своим домашним, что еду в Сибирь на золотые прииски.

Попрощался со своим отцом и матерью. Мы с женой и дочкой сходили в фотографию и сфотографировались. Один из этих отпечатков я затёр до дыр, нося его постоянно у сердца с паспортом, в левом внутреннем кармане полушубка. Он был мне самым дорогим талисманом там, и духовной отдушиной.

Лёша, залетая в свою артель, зашёл к начальнику ОБХСС г. Алдана и разговорился с ним насчёт меня. Ехать надо было срочно, потому, что если я попадал бы в артель после 10 ноября, то я бы в промышленном сезоне 1985 года не имел бы права принимать участие в общем долевого участия. В качестве благодарности за трудоустройство я должен был привезти 20 литров чёрной краски для той представительской «Волги», которая была уже отремонтирована для начальника ОБХСС. Решено было вылетать за месяц до этого срока в четверг 10 октября 1985 года.

Вот я испугался потом, когда мы летели в самолёте в г. Алдан. Канистру стало распирать при наборе высоты самолётом и я, срамливая давление, вынужденно открыл канистру. Воздух зашипел, и в салоне

самолёта резко запахло краской. Прибежал командир. Я успокоил его, сознавшись в том, что на борт захватил не положенный груз. Он успокоился сам, и успокоил пассажиров, пригрозив мне кулаком. Пришлось ему по прилёту покупать стеклянную отступную – бутылку хорошего коньяка. Но всё закончилось, тоже хорошо.

В Алдане меня сразу же встретил приятель Миши, которого попросил Алексей Анпилов встретить меня.

Пока ждали Мишу с машиной, успели сделать несколько снимков в аэропорту.

Вот так я и выглядел по прилёту в г. Алдан. Унты были точно того размера, который я ношу. А это плохо. Нужно на один размер или на два больше. Тогда свободное пространство, заполненное толстым шерстяным носком домашней вязки, будет выдерживать, какое-то время движение по морозам Сибирским. Пришлось мне их сразу же по прилёту на участок по дешёвке продать и облачиться в валенки артельские.

Помню, когда приятель Миши ненадолго отлучился, я в это время прогуливался вдоль этого здания аэропорта по тропинке вправо к дороге и назад к дверям. И вот, когда я в очередной раз наматывал свой круг собираясь повернуть от дороги назад то мимо меня проходила какая то женщина и она в сердцах мне кивнула на санитарную машину выезжавшую из аэропорта.

- Видели, - обратилась она ко мне, - на вертолёте только что двух старателей без сознания привезли? Вон их увозят.

- Нет! – обалдело, я уставился на неё, - а что несчастный случай что ли?

- Да нет. Кароси это. По Японски - смерть от переутомления означает. Не жильцы это уже.

И она, тяжело вздохнув сочувственно махнув вслед скорой помощи рукой, пошла дальше за шлагбаум забора.

Подошёл приятель Мишин, и я ему рассказал то, что увидел и услышал.

Он с равнодушным видом пожав плечами продолжая грызть свои семечки сказал: «Это у старателей бывает иногда».

Сзади этой решётки виден лайнер, на котором я прилетел.

А вот и Леха распахнул добродушно лемеха своего баяна и мы с одной бутылкой водки на пятерых весело дали песняка, по артельски выражаясь.

Тут он со своим ближайшим другом Михаилом, рассказывает между песнями какой-то весёлый анекдот.

Леха оказался самый главный заводила – баянист в этом рабочем общежитии.
Анекдоты сыпались из него как из рога изобилия.

Вся дружная компания, проживающая в 2-х соседних комнатах. Жаль имена ребят уже забыл.

Тут мы немного посерьёзнее, и вот почему. Секунд 15 – 20 тому назад без стука в комнате слегка приоткрылась дверь из коридора и в неё просунулась лицо старой якутки. Лицо её было старчески морщинистым. Как потом рассказали ребята, ей было лет 30. А выглядела она на все 80. Вылитая баба яга. И так было со многими местными, которые вместо водки пили дешёвый одеколон.

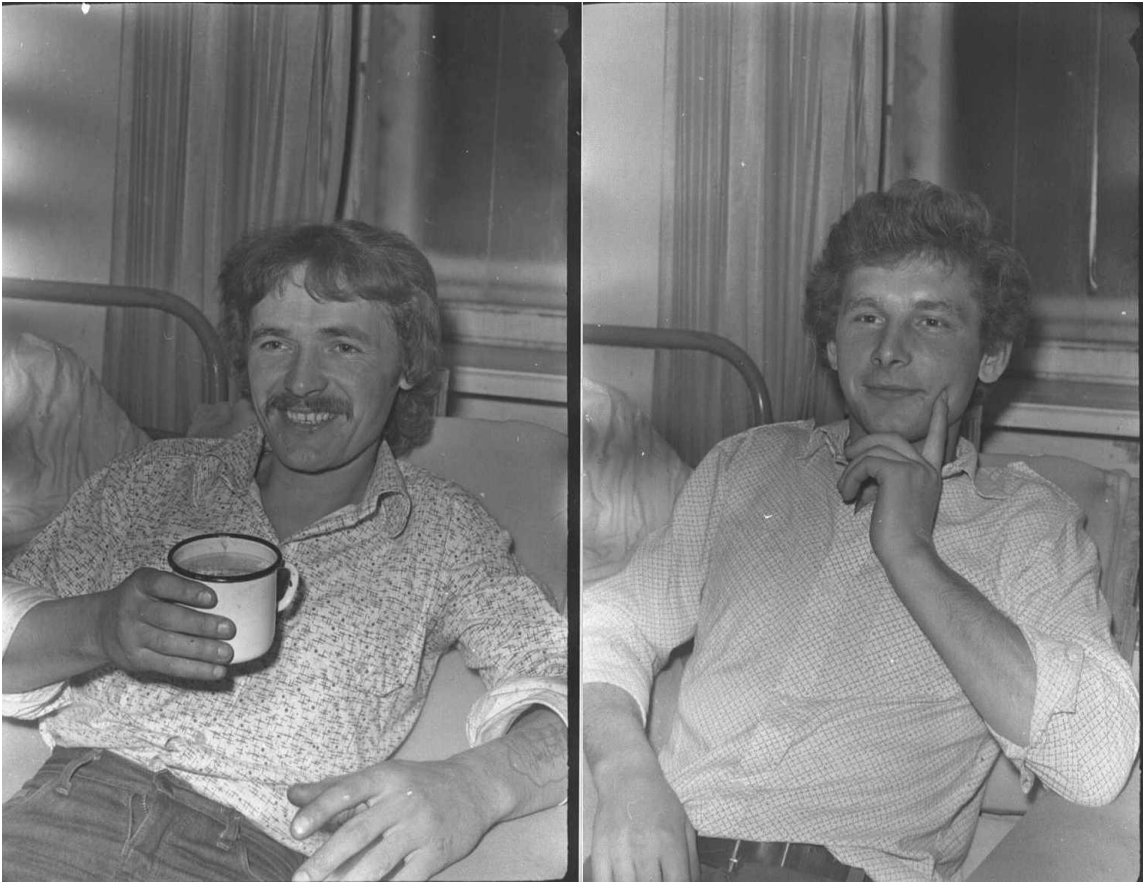
- П..... нада? – спросила она, почему-то глядя только на меня. У меня слегка открылся рот от удивления и такой наглости.

– Чего.о.о.о??? - рука машинально потянулась к стоящему неподалёку унту. Схватив его и размахнувшись, я швырнул его в эту бабу ягу. Но её рожа, уже быстро спряталась за резко закрытой дверью, пробормотав какое-то ругательство. Унт шлёпнулся о косяк двери и упал вниз.

- Откуда ж такое чучело взялось? – спросил я ребят.

- Да тут. Местная шалава шляется, - с сожалением ответил кто-то из ребят.

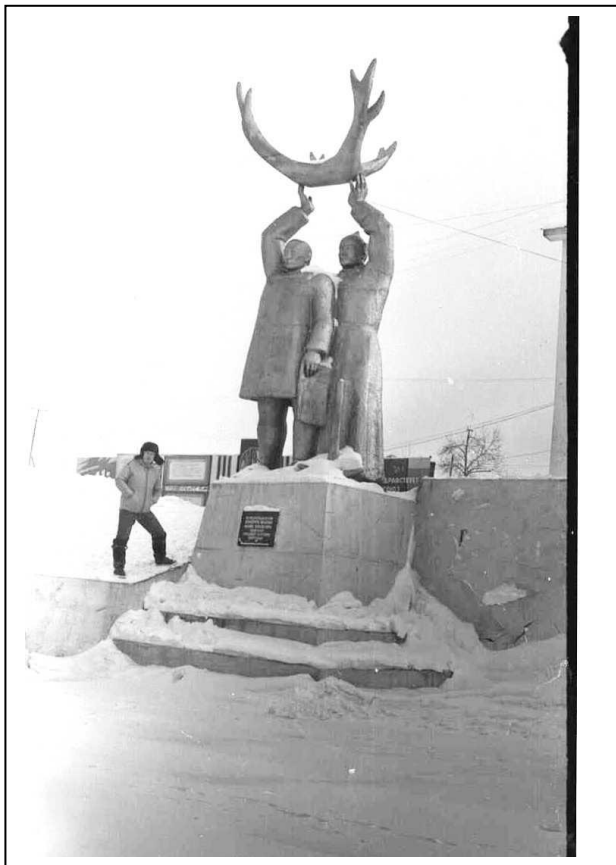
Минут через 5 мы уже забыли этот инцидент, и весёлый гогот из 5 здоровых мужских глоток заполнил нашу комнату.

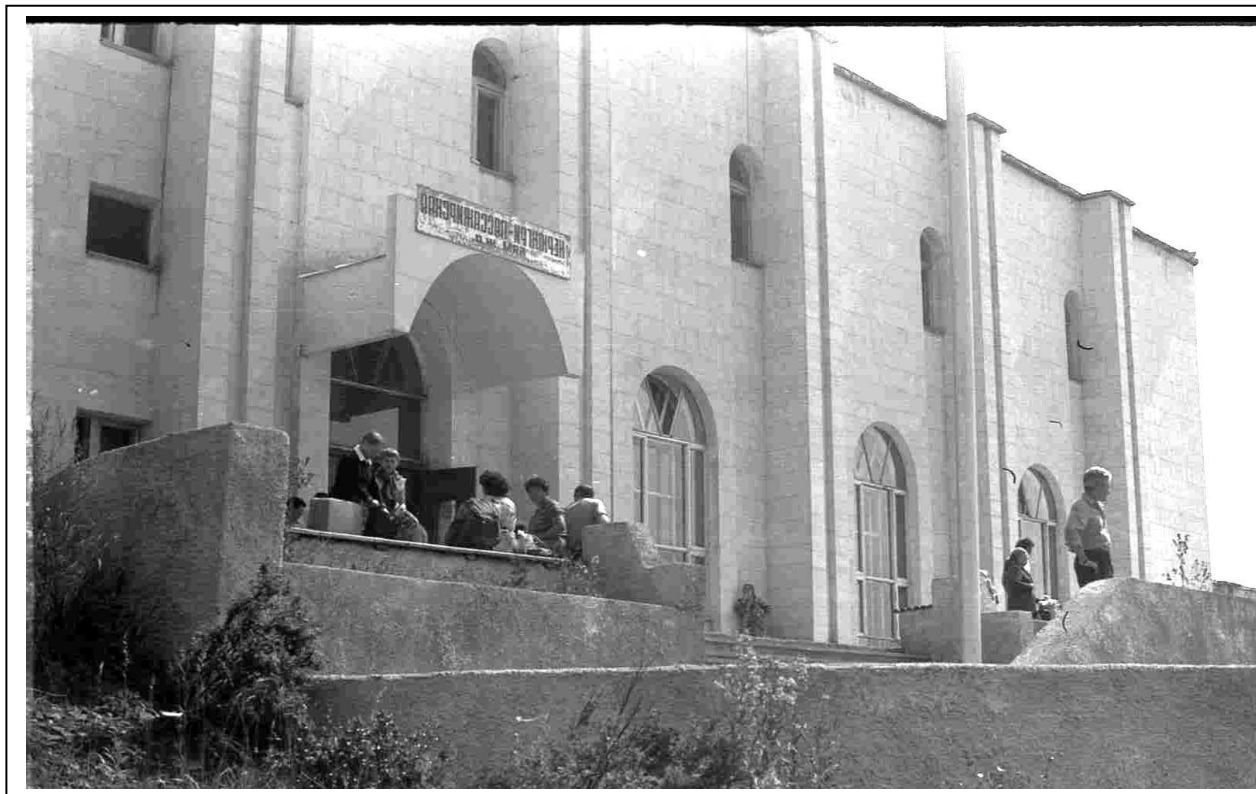
Я, фотографируя кого либо, заставляю человека улыбаться. Первому это хорошо удалось. А второму Михаилу Сорокину – не совсем. Он как бы вытягивает улыбку, откуда-то из своего нутра.

Это центр г. Алдана.
Памятный камень заложен в память самых первых старателей этого богатейшего края.

Скульптура, олицетворяющая дружбу Якутского и Русского народов. Теперь это Республика Саха-Якутия. Вот в таком клубе раньше и у нас за 20 копеек можно было бы посмотреть кинофильм. Детский билет стоил 10 копеек. Фильмы, правда, были тогда только чёрно-белые.

Здесь находилось Производственное объединение «Северо-Востокзолото. Алданский филиал.» Одно из главных золотодобывающих Российских производств. Там у меня было первое собеседование и экзамен на знание техники безопасности. Я его прошёл с первого раза. Этим удивил своих, в общезнании. Сказались свежие производственные знания и работа преподавателем в ПТУ. Ещё надо было сдать медицинские анализы. Там, то же оказалось всё в порядке. В тайгу берут только абсолютно здоровых старателей.

Вот это да! Шнырь проявился!

Сканируя свои старые негативы, натыкаюсь с большим удивлением на эту рожу.

В первое мгновение мне захотелось сразу же выкинуть её, из этого виртуального архива. Но потом, я всё-таки передумал.

Итак, начну излагать свои приключения, вернее «старания» по порядку.

Лёша Анпилов дал мне подробные сведения, куда и к кому обращаться.

Привезённую канистру с краской я сразу же, как мы только сели в машину, отвёз начальнику ОБХСС. Он, познакомившись со мной, гордо похвастался тем, что ему было особо доверено участие в охранных мероприятиях в г. Москве во время проведения Международных Олимпийских игр в 1980 году.

В заключение сказал, что «воткнуть» в артель он меня «воткнёт», а вот как я там удержусь – не знаю.

Стал агитировать на сотрудничество с ним, в случае если я узнаю о краже золота. То есть на особом слэнге, это значить «сэксотить». Осведомлять в случае чего. Залез в стол и протянул мне почтовую открытку с адресом п/я в г. Алдане. В случае если я замечу, какой-то недостаток в работе артели, я должен был её выслать с поздравлением с днём рождения, какогонибудь, например дяди Васи. В моём положении отказаться было бы не возможно. В таком случае обратный билет на рейс до Москвы мне был бы гарантирован, причём за свои же кровные.

Пришлось согласиться, подумав про себя, что эту возможность я использовать навряд ли когданибудь буду.

В заключение беседы, он сказал мне, что бы я прошёл инструктаж по технике безопасности и сдал результаты медицинских обследований. Потом я должен был придти к нему, и он позвонит, кому следует в старательскую артель, не назвав, правда её. В г. Алдане было несколько артелей и мне хотелось бы попасть в ту, в которой старался Алёшка. Она называлась «Печёра».

Я попрощался и вышел.

Так состоялась наша с ним первая встреча.

Прохождение анализов и сдача медицинской комиссии потребовала некоторое время. Врачи, увидев те документы, которые я им привёз из своего г. Одинцова, заявили мне то, что этим медицинским заключением у них веры нет. А вдруг Вы их просто купили? Заявили они мне.

Пришлось заново проходить всех врачей и сдавать все анализы. Это мероприятие я провёл с понедельника 14 по 17 октября. 18 октября я с утра первым с одного захода сдал экзамен по противопожарной безопасности и тут же пошёл к начальнику ОБХСС.

Сидя у его кабинета, я слышал в течении наверное 2-х часов как он «раскалывал» одного старателя допрашивая его и убеждая дать признательные показания на кого то из своих, артельских.

Но вот очередь, наконец-то дошла и до меня.

Бросив на меня уставший взгляд, поздоровался, и взяв трубку, набрал номер, как потом выяснилось, заместителя Председателя старательской артели «Амга» по хозяйственным вопросам Лосева сказав ему буквально следующее: «К тебе сейчас один сварной подойдёт, посодействуй, что бы его обязательно взяли. Ну а в остальном – как договорились. Варить он вроде бы умеет».

Положив трубку и взглянув на меня, устало вздохнув, сказал: «Я своё дело сделал. Если выдержишь и отстараешься сезон – простишься».

Коротко ответив: «Без проблем» я встал и, взяв рюкзак, спросил по военному: «Разрешите идти?»

- Постой - услышал я в ответ, ловя на себе его уставший взгляд. Он протянул руку и взял с полки журнал.

- Сейчас инструктаж с тобой проведу первичный и записку в артель напишу – тогда и пойдёшь, ответил он.

Инструктаж был коротким.

- Имей в виду, - начал он - ты направляешься на особый объект в старательскую артель. Когда увидишь автомашину со знаком «Внимание радиоактивность», - при этом он кивнул на знак стоящий на приоконной тумбочки, - беги от неё как чёрт от ладана. Иначе, если окажешься в зоне от неё ближе 100 метров получишь пулю в лоб из Калаша, без предупредительного выстрела вверх. На участках стоят небольшие одноэтажные дома, которые огорожены на 100 метров по периметру колючей проволокой. Это ЗПК (золото приёмные кассы) к ним - то же, запрещено приближаться. Если кому-то надо проникнуть в ЗПК он должен позвонить в звонок в калитке или громко покричать или постучать по железяке, рядом подвешенной, если электроэнергии нет.

- За калитку эту без разрешения входить категорически запрещено, - продолжал он.

- Войдешь без разрешения в зону ЗПК – получишь пулю в лоб. Понял?

- Да, - ответил я.

- На распишись, - при этом он протянул мне журнал, поставив галочку в той графе, где надо было поставить свою подпись.

Потом, написав короткую записку г-ну Лосеву сказал, - теперь иди - при этом посмотрел на меня уставшим взглядом.

Да – подумал я, выходя из его кабинета, - тяжёло по своему у них труд, стоять на охране Государственной собственности. Ишь, как его вымотала передо мной эта психологическая беседа. Как выжитый лимон стал. А ведь день только начинается.

---÷---

Притопав пешком на другой конец города, я узнал, что в конторе артели как раз наступил обед. Пришлось сидеть у входа и ждать. Пообедать где-либо поблизости, не представлялось возможным. Нужно было протопать обратно к автовокзалу или к центру города.

Пешеходная основная дорога из центра г. Алдана на его окраину.

Вдали у подножья сопки видны 2 этажа 3-х этажного общежития, где мне пришлось временно проживать до отлёта в артель.

Ориентировка - правостоящий столб. От вершины чуть правее.

---÷---

Алданское нагорье расположено в среднем на высоте 1100 метров над уровнем моря. Поэтому дыхание там всегда затруднено. Особенно не побегаешь. Пройдёшь быстрым шагом, и сердце колотиться начинает так, как после сдачи на зачёт по 100 метровому забегу.

Город Алдан расположен на нескольких наименее пологих сопках.

Самое более-менее ровное место отведено под аэропорт.

На верхнем снимке видна центральная пешеходная дорога, которая связывала центр города с одной из его окраин.

Справой стороны вдалеке на снимке виден верхний этаж рабочего общежития, где мне пришлось временно остановиться. Оно едва просматривается в правой стороне от вершины электростолба.

Цены в гостинице были для меня ещё в то время не подъёмные. Да и устроиться в неё нам, простым смертным было не возможно.

Мне рассказали, что брали туда в основном местных якутов. Или по звонку из Горисполкома или Обкома партии.

Поэтому я безмерно буду благодарен Алексею (светлая ему память) за то, что он смог насчёт меня договориться.

Ребята заступали по очереди в караульную смену в местной пожарной охране на сутки. И каждый заступающий, на это время уступал мне свою койку.

Итак, мотался я с одной кровати на другую каждый день, пока не наступило время собираться в дорогу.

Жили в общежитии мы весело. Не каждый день, а через день покупали одну бутылку на пятерых, по очереди, и баян до 22 часов помогал нам в нашем песенном репертуаре.

---÷---

Ну вот. В раздумьях и воспоминаниях пролетело время, и закончился обеденный перерыв. Я вошёл в коридор, и встал у двери заместителя Председателя старательской артели тов. Лосева, ожидая вызова. Сзади меня подошли ещё несколько человек и посоветовали мне не выжидать театральных 5 минут, а идти в кабинет сразу.

Вежливо постучав, я открыл дверь, спрашивая разрешения войти в кабинет.

Получив утвердительный ответ, - войдите, - я вошёл и поздоровался.

За столом сидел слегка полноватый мужчина в очках.

Взглянув на меня поверх очков, он спросил: - «Слушаю Вас?»

Ответив ему, что я пришёл к нему от... – назвав ему фамилию пославшего меня начальника ОБХСС, протянул от него записку.

Бегло пробежав её глазами, он спросил меня, действительно ли я умею варить металл?

Ответив положительно, я услышал в ответ: «А какой у Вас разряд?»

- Шестой – газосварщика, - ответил я.

- Ну что ж, нам хорошие газосварщики очень нужны. Именно хорошие, - при этом он опять пристально посмотрел на меня поверх своих очков.

- Давайте договоримся так, - продолжал он, - сейчас Вы напишете по форме заявление на приём Вас в артель, потом заявление на выдачу аванса и командировочных на 10 дней, затем я Вас направлю на работу в подшефный совхоз нашего объединения «Алданзолото». Находиться он в посёлке Якокит не доезжая г. Томмота. Работать там придётся неделю или от силы две. Там местному нашему совхозу надо цепной скребковый транспортёр для навозоуборщика наладить. Поедете своим ходом. Подойдёте к Председателю сельсовета, что бы он поселил вас. Там у них в сельсовете комната для приезжих есть. Попозже подойду вам ещё людей пару, тройку человек. Материалами, электродами и сварочным аппаратом они вас должны обеспечивать. Проявите себя как грамотный специалист – будете участвовать в нашем, общеартельском долевом участии Вы прибыли в конце сезона. Не выдержите – пеняйте на себя, - закончил он.

- Хорошо, - ответил я, при этом грустно подумав, что вот теперь придётся и в навозной жиже повозиться, вспоминая о том какой там стоит всегда специфический запах и как и где придётся от него отмываться.

- Выезд сегодня на рейсовом автобусе с автовокзала, продолжал он, - с сегодняшнего дня я закрываю Вам табель. Работа по 12 и более часов. С условиями работы ознакомились и согласны?

- Да, - ответил я.

- Тогда идите, - продолжил Лосев, - в коридоре перед бухгалтерией, все образцы документов имеются.

Выйдя в коридор и найдя нужный стол, я стал писать необходимые документы. Рядом было ещё несколько стульев, и за одним из них сидел мужик моего возраста. Всё лицо его было покрыто крупными каплями пота от того напряжения, которое он испытывал когда писал аналогичные необходимые документы.

Я, стараясь незаметно полубоком, посмотрел на него с сочувствием. Видно было, сильно переживает мужик, что бы ни ошибиться ненароком, где бы то ни было.

Написав необходимые документы и получив резолюцию руководства на них тут же в бухгалтерии, получил в кассу ордер и по нему деньги. Одновременно мне выдали два бланка пустых табеля, который я должен был вести как старший на этом объекте.

По дороге на автовокзал зашёл на почту и сразу же перевёл 50 рублей своим зайчикам. (Так я звал свою жену и дочку в то время).

Тяжело вздохнув, одел рюкзак на поясицу, потом поднял один чемодан, затем другой и тяжело перебирая ногами, двинулся в сторону вокзала. Благо дорога шла под уклон, и идти было легче.

Купил билет и стал ждать автобуса. Зал ожидания на вокзале был небольшой прямоугольной формы. В конце его, в левом углу находился довольно приличный, по тем временам, буфет. Кормили не плохо, и выбор был некоторый. Есть, правда, приходилось стоя за 6 небольшими круглыми столами. Заказал себе и первое, и второе с компотом, косясь, всё время глазами на стоящие поблизости свои чемоданы с лежащим на них рюкзаком.

Не прошло и трёх минут как быстро всё принесли и я, захватив поднос со своими блюдами, устремился к свободному столику. За ним правда стояла одна девушка. Подходя к стойке, я увидел, что эта молодая женщина, она была беременна. Причём видно было, что дохаживает она последние дни.

Поставив свой поднос, невольно бросив взгляд на блюдо, которое она ела - с ужасом увидел, что она за обе щёки уплетает полную миску репчатого лука обильно разбавленного сметаной.

Когда я начал вкушать свои блюда, и невольно ещё раз взглянул на тот лук репчатый, который она с таким аппетитом быстро поедает, то видимо перехватив мой взгляд, она вдруг заговорила.

- Не удивляйтесь, пожалуйста, я вот второго донашиваю. Так сильно лука захотелось. У нас тут вообще витаминов не бывает.

- Я и не удивляюсь, - покосившись в очередной раз на свои чемоданы, - не спёр ли кто, - спокойно ответил я.

Вскоре подали автобус и объявили по ретранслятору о посадке на мой рейс, и я, радуясь, что сыт, бодрым шагом пошёл на посадку.

Да, -думал я, - тут с витаминами действительно туго. Один репчатый лук и чеснок.

Автобус катил по алданскому серпантину, спускаясь вниз по городу к подножью сопки, на которой и был построен город Алдан.

Выскочив на трассу, вдоль одноименной речки Алдан, автобус вскоре стал забираться на другую сопку по такой же дороге.

По дороге я впервые в жизни увидел плавучую драгу.

Навстречу нам часто попадались самосвалы с прицепом, тяжело тянущие свой груз. Это везли породу на Алданскую обогатительную фабрику.

В каждом таком 4-х кубовом самосвале в среднем отмывается и аффинажируется золота 0,4 грамма.

Сколько же труда и средств надо вложить, - подумалось мне, - чтобы добыть этот металл.

Минут через 40 пути впереди по трассе, с правой стороны, стали проявляться какие-то постройки.

Кому в Куронах?, - Зычно крикнул водитель.

Я встрепнулся от лёгкой дрёмы укачавшей меня в дороге,

- Мне, - так же зычно крикнул в ответ.

Готовься к выходу, - приказал он мне.

Я стал по очереди подтаскивать к выходу свою поклажу.

Автобус уже лихо подкатывал к остановке.

Собственно говоря, остановки никакой не было. Просто дорога в этом месте несколько становилась шире. В центре её Т- образно так же шла небольшая асфальтовая дорога в пос. Куронах.

Метров в 100 от трассы виднелись три небольших одноэтажных дома, расположенных полукругом вокруг круглой центральной площади.

Крайний левый, как потом, оказалось, был медпунктом. Средний – магазином. А крайний правый сельсоветом.

- Здорово ребята, - обратился я к стоящим рядом мужикам, - здесь, что ли у вас сельсовет находится?

- Здравей видали. Здесь. Не видишь, ли, что ли, флаг болтается? – ответил мне один мужик, презрительно смерив меня с головы до ног.

- Да я вижу. Не слепой пока ещё. А чё, спросить нельзя что ли? – примирительно спокойным тоном ответил я.

- Москвач что ли?

- Да нет мужики. Я от Москвы в 120 километров живу в г. Можайске, - соврал я.

Соврал сознательно, потому, что Алексей перед отъездом мне рассказывал, что в Сибири, перевалив за Урал, москвичей ненавидят. И мне, как мы и договорились, надо было так и говорить, что я живу в г. Можайске.

Что-то не больно это заметно? – парировал собеседник.

- Старатель что ли? – задал ещё он один вопрос.

- Да, -ответил я, - только сегодня оформился.

Ну, давай старайся, если достараешься и не сломаешься, - более добродушно с ухмылкой ответил собеседник.

Подхватив чемоданы, и немного пройдя к дому над которым развивался красный стяг, я вошёл в сельсовет.

С удивлением стал осматриваться, поставив чемоданы в квадратном просторном не освященном коридоре размером метров 6 на 6.

Из центральной комнаты напротив меня распахнулась дверь.

- Вы из старательской артели? – спросила женщина средних лет.

- Да, - ответил я утвердительно.

- Насчёт Вас звонили нам. Проходите, - распахнула она пошире дверь.

Я ввалился в комнату со своей поклажей как медведь.

Это была рабочая комната, где находилась вся администрация.

- Поселим мы Вас здесь же в этом сельсовете. Только прошу Вас, не спалите нам наш сельсовет.

- Да что Вы? – изумился я.

- Знаем мы вас старателей. Пойдёмте за мной, я Вам комнату вашу покажу, - с этими словами она взяла ключи и, выйдя в коридор, сняла висячий замок с угловой комнаты.

- Сейчас я Вам электрочайник принесу. Поакуратнее с ним. Административное здание наше не спалите, - повторила она своё и так уже ясное требование.

Поставив свои чемоданы и сняв рюкзак, я внимательно осмотрелся в комнате.

Это было небольшое помещение около 20 м. кв., в котором стояло 4 панцерные кровати, с прикроватными тумбочками; в правой части от входной двери, в углу, небольшой стол, покрытый выцветшей клеёнкой. На столе стояла электроплитка на 2 конфорки. У стола стояли два стула. Ещё два стула находились рядом с близстоящими кроватями. На стене висела полка с кастрюлями и посудой.

- Вот Вам и чайник, - с этими словами женщина протянула мне алюминиевый электрочайник.

- Скажите, пожалуйста, - обратился я к женщине. – А Вы кем здесь являетесь?

- Я – председатель сельсовета, - ответила женщина и в её спокойном ответе слышались властные нотки.

- Давайте мне вашу командировку.

Я полез в карман и достал командировочное удостоверение.

Взяв его у меня, она ушла в своё помещение и вскоре вернулась.

- Возьмите, - протянула она мне мой документ, - завтра ещё один приедет газоэлектросварщик какой то.

Зачем, - подумалось мне. Я ведь и варю и режу газом.

Но зная по опыту, что начальству в таких случаях видней, и ничего уже не изменишь, я ответил:

«Хорошо. Пусть приезжает. Посмотрим, что за человек».

Следующий день выдался субботним.

Я в комнате спал один и утром несколько дольше обычного понежился с часик в постели, наслаждаясь тишиной и одиночеством.

Пугать особенно не пугала предстоящая перспектива работы, и не просто работы, а старательский труд.

Почему, думалось мне, этот местный авторитет, с которым я вчера разговаривал, так жалостливо посмотрел на меня в конце нашего разговора?

Алексей Анпилов мне очень много рассказывал об артельском труде, психологически готовя меня к тем испытаниям, которые могут со мной возникнуть.

Но действительность - превзошла все мои ожидания.

Итак, наступил субботний день 19 октября 1985 года.

Из моего окна была видна площадка грунтовая, магазин и медпункт.

Вспомнив, что надо было бы заглянуть в этот медпункт и спросить чегонибудь от возникших потёртостей на ногах из-за слишком свободных и не разношенных валенок я, как только увидел, что в дом вошла какая-то женщина, стал собираться на улицу.

Подойдя к дому и поднявшись по широкому прямоугольному крыльцу, я вежливо постучал в дверь, и слегка приоткрыв её, спросил разрешения войти в помещение.

Получив разрешение, вошел.

В нос ударила характерная гамма запахов этого медицинского помещения.

Поздоровавшись с женщиной, оказавшейся единственным фельдшером во всей этой округе изложил ей свою просьбу.

Посмотрев на меня, она спокойным и в то же время, властным голосом указав на стул, сказала: «Садитесь, и покажите ноги».

Я сел на стул и разулся.

Осмотрев ноги, она сказала: «Ничего страшного. Вот Вам присыпка. Каждый раз, одевая носки, сыпьте туда немного этого порошка. И без носок, накручивать как в Армии одни портянки не советую».

Вежливо поблагодарив эту уже в годах женщину, я полез в карман, за деньгами, спросив, сколько я ей должен за приём.

На её лице слегка мелькнула пренебрежительная ухмылка: - «Оставьте свои деньги себе. У нас ещё пока бесплатное медицинское обслуживание».

Когда я сунул вторую свою ногу в валенок, она с любопытством меня спросила: - А Вы из Москвы?

- Да нет. Из г. Можайска. Это в 120 километрах от Москвы.

- Что-то неверится. Да Бог с Вами. Всё равно рядом.

- А что вы все тут кругом так москвичей не любите? – спросил я в сердцах эту фельдшерицу.

- Да за что их любить? Все беды наши оттуда идут. Вот и меня с матерью, когда мне пять лет от роду было, из Москвы вывезли и сюда переселили.

- Да за что же это? – вытаращив на неё глаза, удивлённо спросил я её.

Видимо почувствовав мою искреннюю непосредственность, и не наигранное удивление, она продолжила: - за 5 колосков с пшеницей, которые нашли у моей мамы в её сумочке. Год этот был очень голодный, и она на тропинке у ячмённого поля подобрала их. Мне их везла. А на вокзале патруль милиции и обыск. Тот милиционер благодарность получил за проявленную бдительность по охране Государственной собственности. А мы сюда вот на ПМЖ (постоянное место жительства авт.).

Я хоть и слышал об этом неоднократно и от своих родных и из уроков истории, но всё равно услышать это от этой хрупкой и уже не молодой женщины, самой лично пострадавшей от этого, было для меня разительно; и я печально потупив свой взор желая как-то смягчить этот возникший тяжеленный разговор, решил сделать комплимент этой женщине.

- Да, - сказал я, растягивая последнее «А», - не позавидуешь Вашей работе. Всё абсолютно приходится делать. И за всех врачей – специалистов, наверное, приходится работать?

- Пришлось мне в Карелии потрудиться прорабом на крупной по тем временам стройке, - продолжал я, - так там один раз на самосвале догнали мы одну фельдшерицу. Она бедная маленькая, худенькая, здоровый чемодан с красным крестом тяжело так тащит. Пешком к посёлку Лепниemi шла. Ещё 3 километра оставалось. Так я её в самосвал посадил, довезли мы её до дома, а она меня просит не уезжать от дома, куда её мы привезли. Я и усестся поудобнее в кабине и вытянуть ноги не успел, как она выскакивает из дома и просит меня роды ей помочь принять у одной роженицы. Говорит, мужик тюфяком оказался. Я не колеблясь, согласился. Святое ведь дело помочь человеку родиться. Так я тот день до гробовой доски запомню. Как из самосвала вывалился, так почувствовал как ноги какие-то ватные стали, и сам я варёный какой-то весь сделался. Фельдшерица молодец. Она хоть совсем и молоденькая была, но моё состояние сходу просекла, и командовала мной чётко, и я старался также чётко выполнять все её приказы. Потом у меня руки часа 2 дрожали пока мой шофёр, видя моё состояние, не налил мне полстакана из своей дежурной бутылки.

Она внимательно посмотрела на меня и уже с некоторой теплотой в голосе сказала, что и роды ей приходится так же часто принимать хоть и город относительно близко; да и вообще - всех болезней не перечислить, которые приходится лечить.

Вежливо поблагодарив эту женщину, я попрощался с ней и вышел на крыльцо.

Холодный ветерок приятно стал обласкивать моё разгорячённое лицо и я, наслаждаясь этим, медленно побрёл от медпункта мимо магазина в сторону своего сельсовета.

На крыльце магазина стояло несколько мужиков. Я, не глядя в их лица, бросил на них беглый свой взгляд и опять устался себе под ноги, обдумывая услышанный рассказ этой фельдшерицы.

- Эй, москвачь, чё не здороваешься? – раздался из этой группы мужиков голос.

Я вскинул на говорившего свой взор и увидев того мужика, который общался со мной накануне искренне воскликнул: - О.о.о. – привет! Задумался вот, и не заметил Вас, парировал я в ответ, резко свернув своё направление к этой группе мужиков.

- Ну, здорово! Давайте знакомиться. Меня Серёгой зовут. А вас как?

Мужики по очереди степенно и не торопливо с чувством собственного достоинства по очереди протянули мне свои мозолистые ладони. Я уже в это время не знаю, кого и как звали. Но не в этом дело.

- Так значить стараться к нам приехал, да? - несколько миролюбиво спросил тот мужик, с которым мы в первый раз стали общаться.

Да, ответил я миролюбиво, хотелось вот деньжат подзаработать. Жене с дочкой на мебелишко, да на молочишко.

- Ну, на молочишко- это ладно. Ты гляди, чтобы не потянуло на золотишко. А то у нас за шесть грамм шесть лет дают, - продолжал мой собеседник.

- Как это шесть лет?, - удивился я.

- Да вот так, - расплылся в улыбке мой говорун, видимо наслаждаясь некоторым шокирующим эффектом неожиданности произведенной на меня, - у нас как провожать начинают старателей так обыскивают всех с приборами. А тут первый раз обыскали в артели, а потом второй шмон навели по прилёте в г. Алдан. Раньше никогда такого не было, а в этот раз навели. Так у одного в заднице пенал пластиковый из под карандашей готовальни нашли, и там песочек. Ровно 6 грамм. Вот ему неделю тому назад и 6 лет впаяли.

- Мда.а.а., - промычал я несколько шокированный этим фактом в ответ, мотая головой.

- Не, мужики, я с законом дружить привык всегда, поэтому и спать привык спокойно, - ответил я следом.

- Ну ладно, законник, давай за знакомство выпьем? – продолжил мой собеседник.

- Не, я не пьющий, - пытался парировать я.

- Ну, а говоришь, что не москвач?, - продолжал разговор мой мужик.

- А ты и не пей, а нам купи. Вот деньги. Водка здесь не продаётся.. Ты нам «Лану» купи.

- А что это такое? – вытаращился я на него.

- А это антистатик такой, «Лана» называется. Что бы юбка синтетическая у бабы к ногам сзади не приставала её обрызгают слегка из этого баллончика – и порядок, к ногам не липнет.

- Ты возьми нам пару баллончиков. Вот деньги.

- А вы что сами не возьмёте?, - спросил я мужика.

- Да, наши морды тут давно примелькались. У нас сухой закон теперича. Нам бабы и не дают. А ты приезжий. Тебе не откажут, - пояснил он.

Я взял деньги и вошёл в магазин.

Это был типичный сельский магазин, где было всё – начиная от гвоздя и селёдки, кончая отрезами материи.

Я не торопливо осматривал товар, разложенный по полкам.

Заказав хлеба и пару консервных банок с рыбой, я, претворившись, что не знаю, что это такое и для чего оно предназначено спросил: «А что это у Вас там, в банках, какая-то Лана написана?»

Задумка сработала.

Продавщица достала аэрозольную упаковку и подробно объяснила мне, для чего она предназначена.

- Значить для снятия статического напряжения?, - ещё раз переспросил я продавщицу.

- Да, слышался мне утвердительный ответ.

- Дайте мне пару баллончиков.

- А зачем Вам пару?, - спросила меня продавец.

- Да я работаю сварщиком. А у сварщиков сами знаете роба защитная большая. А у меня тем более замшевая, - продолжал лукавить я.

- На робу, пожалуйста, - доставая второй баллончик с полки, продолжала совсем не опытная молоденькая продавщица, - а вот пить не советую.

- Да как же её пить-то?, - удивился я, - это аэрозоль химическая.

- Вот умудряются наши мужики её пить. Но Вы не знаете как, и знать вам не надо, - заключила продавец, выдавая мне денежную сдачу.

Сказав дежурное, - спасибо, - я взял товар и вышел из помещения.

Мужики явно заждались меня и стояли, переминаясь с ноги на ногу.

- Чё, так долго? – спросил мой знакомый.

- А ты чё всё с наскака привык делать?, - парировал я, несколько вторив ему, его вопрос, своим вопросом.

- Дистанцию держать надо нужную при движении к цели, - продолжал я, доставая из своей сумки два баллончика с антистатиком.

Торопливо взяв баллончики с антистатиком, мужики, поблагодарив меня, удалились за близлежащие постройки.

Я, то же пошёл к себе в сельсовет, мечтая вскоре попить чайку со свежим хлебцем и рыбными консервами.

_____ «» _____

Подходя к сельсовету, я увидел, что дверь его приоткрыта.

В квадратном коридоре расхаживал, какой-то мужик. На вид ему можно было дать лет 50.

Как только я открыл дверь пошире, и вошёл, он перестал ходить и, уставившись на меня широко улыбаясь, поздоровался представившись.

- Здравствуйте. Меня зовут Анатолий Кузьмич. Или как меня мои работяги кличут, просто Кузьмич.

- Очень приятно, - ответил я, направляясь к двери комнаты. В одном из углов комнаты я увидел один единственный небольшой рюкзак приезжего.

- А Вы что, тот самый газосварщик, которого нам в помощь обещали прислать? – задал я вопрос мужику.

- Да, - ответил он, - тот самый. Только газорезчик.

- А у Вас командировка есть? – на всякий случай спросил я.

- Да есть. Он с готовностью полез в карман своей телогрейки и достал паспорт, из которого вытащил листок командировочного удостоверения.

Прочитав его, я убедился, что оно подлинное с уже знакомыми мне печатями, такими же как у меня и со знакомой подписью Царя.

Ну что ж проходите, располагайтесь, где Вам удобнее. Угловую койку с левой стороны, как видите, я уже занял. Остальные на выбор за Вами.

- Спасибо, - ответил Кузьмич. – Я, если не возражаете, рядом с Вами у стеночки и подальше от окна лягу.

- Рядом, так рядом, - кивнул я ему, включая электрочайник в розетку. - Давайте мыть руки и почаёвничаем на коротке. Вы сольёте мне на руки, а я Вам.

С этими словами, я полез в свой рюкзак, достав от туда мыло и полотенце.

Кузьмич то же долго не заставил себя ждать, мгновенно сдернув верёвку с многое выдавшего своего старенького рюкзака и достав то же такое же вафельное полотенце, как и у меня.

Мы, выйдя на крыльцо сельсовета, умылись, по очереди сливая друг другу воду из 3-х литровой банки с водой, которую набрали в специальной комнате, где стоял небольшой резервуар с вентилём.

Когда вошли в комнату, алюминиевый чайник уже во всю свою мощь выдавал нам в атмосферу, из под свой крышки, обильную струю пара.

- Вот и хорошо, - с этими словами я выдернул вилку из розетки, достал чайную заварку и бросил в чайник. Пачка была маленькая индийского чёрного байхового чая, и я высыпал в чайник одну третью часть пачки.

- Вы москвич? – опять поразил меня своим вопросом теперь уже Кузьмич.

- Откуда Вы это взяли? – удивлённо, вопросом на вопрос, ответил я. Думая – да что они все сговорились что ли? Москвач или москвич. Кто как хочет, так и обзывается.

- По тому, как Вы мало совсем заварки положили в чайник, - ответил Кузьмич.

- Да Вы не смущайтесь, - продолжал он, добродушно махнув рукой, - мне всё равно.

Я пододвинул ему раскрытую пачку заварки и добродушно предложил, - кому мало - в кружку насыплет.

Пока я раскрывал банки с консервами Кузьмич, оказавшись намного практичнее меня, достал из своего рюкзака увесистый шматок сала, и стал нарезать его толстыми кусками.

Я, видя, какой толщины куски он нарезает, и в каком количестве - пришёл от этого в ужас.

Кузьмич, - взмолился я, - я себе можно потоньше нарежу?

Ну вот, а говоришь не Москвич! Довольно растянув свой рот в улыбке, продолжал Кузьмич.

- А я вот хохол. И нисколько не стыжусь этого.

- А чего стыдиться украинец ты или еврей, или мусульманин. Какая разница? - парировал я, – лишь бы человеком был бы, а не скотиной.

Выпив по две кружки чая и так же разговаривая, в общем-то, ни о чём, мы, наконец, закончили завтрак и я, решив осмотреться на местности, предложил Кузьмичу то же со мной прогуляться.

Но он отказался, сославшись на то, что ему хочется отдохнуть, набраться сил перед стараниями.

Мне это было, как говорить на руку. Я, то же уже в это время полюбил одиночество. Одному легче думалось, не приходилось выслушивать других мнений, прислушиваться к ним, дипломатично подстраиваться под них.

Одевшись в свою, если так можно сказать, тёплую куртку на «рыбьем» меху и натянув пока ещё не проданные унты, вместо валенок, я вышел на улицу.

Погода стояла не солнечная и не дождливая.

Небо затягивала сплошная, но тонкая пелена высокой облачности.

Лёгкий морозец градусов в 10 – 15 слегка пощипывал нижние части мочек ушей, слегка румянил щёки и приятной прохладой вливался в грудь со свежим дыханием.

Было совсем светло, и казалось, что солнышко вот вот прорвёт эту тонкую пелену облаков, и хлынет на землю своим мощным потоком лучей обласкивая ими всё вокруг.

Снега было совсем мало, и я втапывал его своими унтами, отталкивая землю ногами от себя двигаясь бодрым шагом вперёд.

Посёлок был совсем не большим. Он раскинулся на небольшом пространстве в трёх направлениях.

В правой его части, почти сразу же у сельсовета стоял длинный одноэтажный деревянный дом. Судя по его компоновке, он представлял собой или школу или больницу с типичной коридорной системой в средней её части. Как потом выяснилось, я оказался прав в своих суждениях. Это был интернат для слаборазвитых и умственно отсталых детей. За ним начинались дома, в которых жили сотрудники этого интерната. В этом направлении жила и председатель сельсовета, и её секретарь. Всего так домов 15-20.

В левой части посёлка жили рабочие совхоза. Там на улице я насчитал приблизительно такое же количество домов.

Когда я пошёл по средней части улицы, то она оказалась заселённой только метров на 100. Остальная дорога шла в поле. В левой части виднелось какое-то одноэтажное удлинённое строение. Уж не это ли коровник? – подумалось мне.

Встретив на обратной дороге местную женщину, я спросил её об этом.

Она утвердительно кивнула мне в ответ.

А на сколько голов скота рассчитан этот коровник? – поинтересовался я у неё.

Да я не знаю, – отмахнулась она, – как завезут скотину, так посчитаем сколько.

А что он не рабочий?, – настороженно поинтересовался я.

Да какой там, никак не достроят. Ведь как у нас строят? – спросила она, – сначала пропьют всё, а потом строить начинают, – махнув рукой, закончила она.

Я повеселел, что нам не придётся возиться в навозе, попрощался с ней и бодрым несколько пружинным шагом поспешил к своему сельсовету.

В средней части посёлка между домами его жителей и построенным коровником стояла небольшая котельная, которая снабжала детский интернат, сельсовет и медпункт теплом. Остальные дома имели печное отопление.

Свернув с дороги, я зашёл ещё раз в магазин и попросил продавщицу продать мне картошки килограмм пять, и тушёнки то же пять банок.

Она удивлённо на меня посмотрела и переспросила: «Это Вы у меня недавно Лану покупали?»

- Да, – ответил я утвердительно, – а что случилось?

- Я думала, что Вы уже пьяный где-нибудь валяетесь.

- Девушка, я, что на пропойцу похож, что ли? – спросил я её.

- Да нет, не похоже вовсе, – ответила она, протягивая мне сумку с картошкой.

Я дождался, когда она мне отпустит тушёнку, положил банки поверх картошки и буркнув недовольно: «До свиданья!» вышел на улицу.

Придя домой заставил Кузьмича помогать мне, чистить картошку. Потом, порезав её на небольшие куски, поставил на электроплитку варить.

Через 15 минут кипения снял, попробовав её готовность, слил лишнюю воду и открыв две банки с консервами размешал содержимое их в кастрюле.

Пообедав, чем Бог послал, попив чайку, – Кузьмич завалился на боковую, а я стал перебирать содержимое своих двух чемоданов упаковывая и перебирая всё перед дальней дорогой.

Только разложил всё своё содержимое чемоданов и рюкзака на кровати и тумбочке как в дверь раздался стук и на пороге появился молодой и довольно симпатичный парень.

- Здравсте! – поздоровался он, – мне сказали, что здесь живут старатели?

- Да вроде бы так, – ответил я утвердительно. При этом видно было, что парень сильно заикается.

- А ты кто будешь? – спросил я в ответ.

- Меня Валеркой Шнырём кличут, – представился он.

- А что то я такой фамилии никогда не слышал?, – я спросил в задумчивости.

- Да не! Валерием меня с детства родители прозвали, а Шнырь – это кликуха такая.

Ну что такое кликуха я уже догадался, это кличка. А вот что такое шнырь, я не знал и подсознательно как то догадывался, что это слово, что-то трактует на местном жаргоне.

Тут Кузьмич, кося на нас своим взглядом из под бока, заворочался на кровати и сев на ней, пояснил:

- Да не мучайся ты москвич! – видя на моём лице напряжённое раздумье, – Шнырь это в тюрьме зовут того арестанта, который парашу с дерьмом от арестантов выносит из камер.

- Ну ладно, - согласился я, - а командировка у тебя есть? – язык как то не поднимался назвать этого молодого шустрика на Вы. Думая одновременно с печалью, что моей кликухой теперь, наверное, станет Москвач.

- Да, конечно, - он с готовностью полез во внутренний карман полушубка и, достав от туда свой паспорт, вынул из него сложенный вчетверо листок командировочного удостоверения.

Взглянув на него, и увидев, знакомые: бланк, печати и подпись руководителя, я широким жестом руки предложил Валерию располагаться на свободных оставшихся двух кроватях.

- У Вас есть фотоаппарат? - увидев его у меня в руках, спросил с загоревшимися глазами Валерий.

- Да. Как видишь.

- Сфотографируйте меня на память, пожалуйста.

Произнесено это было с таким жаром, что я не устоял, и тут же достав фотоаппарат предложил и Кузьмичу сфотографироваться вместе. Он, замахав руками, отказался, заявив, что ему уже 60, и он только что вышел на пенсию, и нечего ему с его старой физиономией плёнку портить.

Я особо уговаривать его не стал и сфотографировал Валерия Шныря прямо в полушубке у крайнего окна нашей комнаты.

Когда же Шнырь разделся до пояса, что бы умыться с дороги – у нас челюсти отвисли от того, что он с собой сотворил на зоне от безделья. Всё его тело было синим от сплошных наколок. Казалось, что нет ни одного сантиметра квадратного тела, которую, не покрывала бы противная синева.

Видя наши широко раскрытые глаза от удивления, Валерий явно довольный произведенным эффектом, предложил раздеться до гола. Кузьмич махнув рукой сказал: «Валяй, раздевайся.»

Пред нами предстал во всей своей блатной красе, неплохо скроенный, физически развитый молодой мужик, который от сплошной почти синевы своего тела казался лично мне каким-то синюшным петухом, завалявшимся на полке в холодильнике в течении нескольких лет.

На груди у Валерия в левой стороне был выколот силуэт Православного Храма; в правой стороне не плохо выполненное изображение Сикстинской мадонны. На спине я уже не помню, что было изображено. А вот на задних икрах тюремный мастер искусно изобразил на одной стороне паровозную топку, а на другой стороне кочегара забрасывающего в эту топку уголь. Когда он демонстративно прошёлся перед нами, то создалось впечатление, что этот кочегар забрасывает уголь в топку паровоза, вы я думаю догадались куда.

Кузьмич презрительно сплюнул на пол.

- Те не стыдно летом на пляже раздеться будет? – задал он вопрос Валерию.

- Не, не стыдно. У нас тут пляжи маленькие народу собирается – яблоку упасть негде. А я как приду и разденусь, так вокруг меня сразу же пространство свободное образовывается, метров на пять с каждой стороны.

- Во, во, - продолжал Кузьмич, - а какая порядочная девушка пойдёт с тобой прогуляться. Только отморозенная лярва какаянибудь.

- Да, - согласился Валерий, - с девушками действительно проблема возникает. Ну да ничего, найдётся такая, что и такого полюбит.

Выйдя на крыльцо и полив ему из банки воду, пока он умывался, я продолжил потом разбираться со своими вещами.

_____ «» _____

На следующий день было воскресенье.

Дед Кузьмич решил пойти в лес. Я же собрался прогуляться по посёлку.

Меня заинтересовал детский интернат, который был недалеко от нас расположен; буквально в ста метрах.

Кузьмич немного раньше меня вышел из сельсовета и слышу я, - он с кем-то разговаривает на крыльце.

Посмотрев в окошко, увидел здорового как медведь мужика какого-то. Он Кузьмичу совал в руки что то.

Я продолжил собираться на прогулку. Неторопливо оделся и, захватив фотоаппарат, вышел на крыльцо.

Вижу Кузьмич наш суёт этому мужику два баллончика с этим самым антистатиком Лана.

Он торопливо выхватил из рук Кузьмича эти баллончики и кинулся к нам в сельсовет, спрашивая на ходу: «Банка, какая ни будь есть?»

Тут ему на глаза и попалась наша стеклянная трёхлитровка, из которой мы поливали друг другу себе воду для умывания. На дне банки было немного на донышке воды, сантиметра на три высотой.

Он судорожно схватил её, и, наклонив немного, стал стравливать на стенку внутрь банки содержимое баллончика с антистатиком. Израсходовав один, порывисто схватил в руки другой и так же стравил всё её содержимое в банку. Потом прикрыв горлышко банки рукой, стал трясти её и раскручивать в том же слегка наклонном положении. Нити мутной серой жидкости антистатика потекли в воде миллиметровыми нитями и стали накручиваться друг на друга в комок сырой серой резины или ещё, какой-то дряни. Взглянув на этот начинающий образовываться комок, он так же судорожно припал к горлышку банки и с жадностью начал пить её большими глотками. Выпив почти всё содержимое банки, он, вдруг вытаращив глаза широким сильным движением отшвырнул банку разбив её о стенку одновременно оседая на пол. Рухнув на спину, он замычал что то. Живот его неестественно стал раздуваться. Губы покрылись пеной. Он дёрнулся несколько раз и замер с широко раскрытыми глазами и раскинутыми руками.

Я кинулся в медпункт.

Объяснив своей знакомой фельдшерице, что произошло, что-то страшное с ним. Мы оба вместе быстро выскочили из медпункта. Она, правда, одним движением руки схватила свою сумку скорой помощи. Я так растерялся, что забыл ей помочь.

Прибежав и покосившись на его живот, она склонилась над ним, вглядываясь в его широко раскрытые глаза одновременно прощупывая пульс на шее.

Тяжело вздохнув, она провела ладонью по его глазам, закрывая их навечно.

Всё, констатировала она, он умер.

- Что... здесь... произошло? – жёстко чеканя каждое слово, спросила она, чуть позже, подняв на нас глаза.

Мы спокойно по очереди объяснили, как всё было.

- Это вы все убили его! – приговоздила она нас этим приговором, поставив точку в нашем разговоре.

- Накройте лицо, чем ни будь, - рука её потянулась к сумке скорой помощи. Скоро здесь будет милиция.

Раньше её я перехватил сумку и, подняв, решительно заявил ей, - я её донесу Вам.

Она не стала возражать, и только с горечью взглянула на меня, медленными шагами направляясь к выходу.

У магазина толпилось человек 5 или 6 народу.

- Что помер? Спросила одна из женщин.

- Да, тяжело ответила фельдшерица, не взглянув да же на задавшую женщину вопрос.

В медпункте, беря из моих рук чемодан, фельдшерица задумчиво спросила, - и кто это придумал этот сухой закон? На лице у этой уже не молодой и одинокой незамужней женщины, творящий каждый день

благородство, врачую людей, читалась искренняя неподдельная человеческая жалость к такому здоровому мужику, ушедшему из жизни так рано и так глупо. Казалось ещё мгновение и из её груди вырвется надрывный и протяжный бабий стон. Но видно было, что при мне она держит себя в руках.

Потом посмотрев на меня, с сожалением констатировала, - а ведь это всё у вас там в этой Москве твориться. Так как же нам к Вам, москвичам относиться?

Потупив взор, и чувствуя на себе эту вину за смерть этого здорового, в общем, то мужика, я буркнув, - извините, - вышел за дверь весь мокрый от нервного пота.

Приблизительно через час приехала милиция на УАЗике из г. Алдана.

С шофёром был следователь.

Он сначала накинулся на нас и начал, грубо крича и угрожая, с нами разговаривать. Пришлось мне с ним спокойно начать беседу и спокойно парировать все его фантастические обвинения.

Есть такой у милиции приём «раскалывания» людей, когда они сначала накидываются на подозреваемого, обвиняя его во всех смертных грехах фантастически при этом выстраивая всякие домыслы.

Видя, что меня этим не проймёшь, тем более, что я требовал от него привлечения в качестве свидетелей продавщицу магазина и фельдшерицу он вышел и побеседовал со всеми людьми, стоявшими на крыльце магазина и с самой продавщицей. Узнав, что покойник был алкоголиком со значительным стажем, следователь несколько успокоился.

После этих бесед с местными жителями, он стал с нами спокойно разговаривать.

Заполнив протокол, следователь дал нам его по очереди всем подписать. Перед тем как его подписать я внимательно его прочитал.

Потом следователь вышел, и в магазине подписал протокол у продавщицы.

Мы помогли шофёру погрузить безжизненное тело покойника в кузов машины.

Прощавшись, милиционеры уехали к себе в г. Алдан.

_____ «» _____

Ну и воскресение выдалось, подумал я, снял с себя верхнюю одежду и завалился на кровать.

Ничего абсолютно не хотелось делать.

Все молча только и думали о случившемся.

Проворочавшись, минут 40 я не выдержал. Встал, оделся и вышел на улицу.

Надо было, как то отвлечься от тяжёлого нервного стресса, и я решил прогуляться.

Выйдя на улицу, меня, потянуло, почему то опять в сторону барака, в котором находился детский интернат. Сказалось видимо то, что последнее время я работал преподавателем в профтехучилище. И мне захотелось пообщаться с учениками, которым я привык отдавать всю свою душу.

Подойдя к барaku, я, замедлив свои шаги, стал пристально вглядываться в окна, на которых внутри не было штор, зато были решетки.

Прогулявшись вдоль барака пару раз, я заметил, как и на меня из одного окна смотрит одно любопытное лицо худющего подростка. Как заключенный из концлагеря Освенцим, - подумалось мне, и я решил заглянуть внутрь.

Подойдя к входной двери, я, нажав кнопку звонка, где то в глубине помещения услышал слабый сигнал.

Через некоторое время входная дверь немного приоткрылась, и в проёме показался женский силуэт.

- Вам кого?, - спросила женщина.

- Извините за беспокойство, - как можно вежливее начал я, - Вы знаете мы с Вами коллеги. Я только что приехал и устроился старателем в артель «Амга», которая меня направила к вам сюда в посёлок. Но я последние годы работал преподавателем в профтехучилище, и мне было бы интересно побеседовать со своими коллегами здесь, как поговорить в глубинке.

После этих слов, дверь приоткрылась несколько шире, и любопытный взгляд женщины Бальзаковского возраста стал меня с интересом рассматривать.

- Вы знаете, - через некоторое время заговорила она, - навряд ли я Вам могу помочь, чем либо. Дело в том, что это интернат для умственно недоразвитых детей, от которых в основном отказались родители. Они рождены в основном после нетрезвого зачатия или от родственных зачатий. Поэтому сами понимаете. Какое тут воспитание.

- Да?... , протянул я, - извините меня пожалуйста за беспокойство. Я не знал об этом.

Огорошенный таким сообщением я отступил назад с крыльца этого интерната и медленным шагом побрёл в сторону своего сельсовета, внимательно всматриваясь в зарешётченные окна.

В одном из них я увидел всё того же худющего подростка. Приглядевшись по внимательнее, я увидел что рот у него был открыт и из края его угла течёт слюна.

Э.э.э.! – подумалось мне, - дело здесь конченное. Этот парень до 20 лет не доживёт.

Одновременно вспомнилось мне, как в доме, где я живу, в соседнем подъезде у одной семейной пары родился такой мальчик. Первая девочка родилась у них нормальная и сейчас уже своих деток нянчит.

Бедной матери ещё в роддоме предложили оставить своего сына и отправить его в такой же интернат.

Но мать есть мать. И настоящая Мать никогда свою кровинушку не бросит на произвол судьбы.

Вот и эта женщина всё время возила своего сына до 17 лет на детской прогулочной колясочке постоянно вытирая ему текущую изо рта слюну. В 17 лет он умер. Врачи предупреждали её об этом. Хоронила она его вся в чёрном, не проронив на людях ни одной слезинки, с гордо поднятой головой. Мы все понимали, что Мать отдала всё, что могла своей кровинушке, и этим гордиться, что не оставила его в больнице.

С этими мыслями я вышел к центру посёлка и, свернув по асфальтовой дороге на правую сторону, стал углубляться вдаль от посёлка ближе к коровнику. Асфальтовая дорога вскоре перешла в грунтовую, в общем не в плохом состоянии. В конце её в левой стороне начиналась основная постройка коровника.

Это была новостройка. Оконные и дверные проёмы имели только новые рамы, дверей не было, но и они были не застеклены, что меня крайне удивило. Обычно рамы поступают на стройку уже застеклёнными.

Войдя внутрь помещения, я увидел длинное помещение коровника.

Стоил для коров ещё не было. Но во всю длину коровника шириной в 0,4 метра были в полу выполнены две неглубокие канавки. Вот в них то и предстояло нам смонтировать цепной транспортёр.

Детали его хранились неподалёку в деревянных ящиках. Цепь была свёрнута в клубок и была ещё в заводской упаковке.

Ну что ж подумал я, завтра как и положено, приступим к работе.

Походив ещё по новостройке и не найдя ни чего интересного я развернулся и пошёл к своему сельсовету. Идти больше некуда было.

_____ «» _____

На следующий день в понедельник 21 октября 1985 года, встав в 6 часов утра и позавтракав, мы все переоделись в рабочую спецодежду, и вышли на работу к 8 часам утра.

Придя в пустой коровник стали разбивать освобождать от вязальной проволоки ленту транспортёрную.

Рядом с нами часам к 10 появились строители.

Инструмента рабочего, совсем не было, ни какого. Да же молотка. Использовали валявшиеся железки и солдатскую смекалку.

До обеда освободили цепи ленточного транспортёра растянули их и с честной совестью, что не зря поработали ушли на обед.

Когда пришли в сельсовет, то я зашёл к председателю, и сказал ей, что работать мы приступили но нам крайне трудно работать, так как сторона Заказчика должна нас обеспечить всем необходимым инструментом и материалами. А у нас нет ничего. Тем не менее, я рассказал ей, что мы уже сделали и что собираемся сделать. И самое главное хотелось бы увидеть того, кто нами должен руководить и контролировать нашу работу.

От неё я получил комплект технической документации для монтажа коровника, и она попросила меня составить заявку на необходимые материалы для монтажа этого транспортёра и для изготовления отопительных регистров.

Потом вскрыли ящики с основным оборудованием.

Работали до 20 часов вечера по старательскому распорядку.

По 5 или 6 раз за день отключается напряжение. Электроэнергии не бывает иной раз и по часу. В это время приходится выполнять другую работу. Всё это создаёт дополнительную нервозность в работе.

В последующем изготовили сами себе рабочий стол, что бы не на земле работать.

Размотали все 4 транспортёрные ленты и обварили их. Смонтировали привода и редукторы к транспортёрным скребкам.

Заказали арматуру для армокаркаса фундаментного из расчёта не на 0,3 м³, а на 1,0 м³. Так попросил приехавший инженер по трудовым процессам, который нас курирует.

Ещё заказал труб двухдюймовых для сварки отопительных регистров; труб и арматуры сантехнической в нужном количестве для развязки отопительной системы.

Кузьмич оказался интереснейшем рассказчиком. Казалось, что это был не человек, а ходячая кладёз весёлых историй, анекдотов, шуток и прибауток. Он замолкал только на 2 - 3 минуты, а потом его рот опять раскрывался, и от туда излагалось, что то интересное и весёлое. От постоянного смеха мышцы на животе болели. Я там впервые ощутил, что такое, когда-нибудь возможно, когда вместо смеха из-за болей мышц живота, у меня из груди часто вырывался какой-то волнистый стон.

Вот такой редкостный рассказчик оказался наш Кузьмич.

В субботу вечером, когда собирались на ужин, решили отметить первую трудовую неделю с небольшим количеством самогона. Его нам предложила одна местная жительница как то вечером накануне. Поинтересовавшись, на всякий случай, из чего и как она его производит; продегустировав его, я купил пол-литра.

Вечером после застолья и очередного цикла весёлых жизненных людских историй и анекдотов немного возбуждённые от выпитого вина легли спать.

Засыпал я тогда сразу же, как только положу голову на подушку хорошим сном. Но спал всегда чутко. Армейская служба приучила. В тот день я правда не слышал когда ко мне Шнырь подобрался. Проснулся от того, что меня кто-то трясёт за плечо. Слышу Шнырь мне что-то горячо и возбуждённо шепчет на ухо и что то суёт в руки. Я спросонья ничего не понял и тихонько, что бы не разбудить старика нашего рассказчика, переспросил Шныря: «Что случилось?»

- Я хорошего детского крема достал, слышу как в ухо мне Шнырь шепчет, - пойдём.

- Куда?, - опять ничего не понимая, шепотом я его спрашиваю.

- Туда, тычет Шнырь пальцем в коридор.

- Да куда же, толком объясни, и зачем крем тебе детский? – опять спрашиваю я его и чувствую, как его рука проникает ко мне под одеяло и тянется к моему самому запретному принадлежащему только мне месту.

Реакция последовала инстинктивно и мгновенно. На какой-то миг я представил себя на бойцовском ринге, когда я ходил в школу юных боксёров в общество «Крылья Советов» и короткий хук с правой руки, правда, не совсем, но достиг своей цели. Сказалось то, что я наносил его лёжа на спине и вместо челюсти попал ему в нос. Особой силы в удар вложить не получилось. Сказалось сонное состояние и неудобное положение. Но из его носа мгновенно хлынула кровь.

Шнырь, схватившись за нос, кинулся на мороз приостанавливать кровотечение снегом.

Сон мой и лёгкий хмель как ветром сдуло. Я сел, на кровати, свесив ноги на пол.

С кровати Кузьмича раздался здоровый гогот.

Оказывается тот не спал, и прислушивался к тому что, уговорит ли меня Шнырь на подобное мероприятие или нет.

- Стариком себя называет, а слух как у младенца, - подумалось мне.

Я уже сидя на кровати, ошалело, осматриваясь по сторонам, приходил в себя от случившегося.

Сквозь окна пробивался свет от двух уличных фонарей освещавших остановку автобусную и участок дороги к центру посёлка. Было видно как Шнырь сгребает снег в пригоршни и подносит руки к носу.

- Ничего, - подумал я, - скоро дурная кровь перестанет течь, и боль намного утихнет. Мне, то же в боях на ринге и на тренировках приходилось испытывать это чувство. Зато это будет тебе хорошим ученьем на будущее пацан.

Минут через 15 – 20 видно застыв раздетый на морозе Шнырь зашёл в здание сельсовета. Было слышно за стенкой как он возится где то в коридоре.

Мне стало жалко пацана, и я, открыв дверь, посмотрел на осевшего в углу на пол Шныря примирительным, но жёстким тоном сказал: «Давай заходи в тепло и больше так не балуй. Как видишь, я не люблю таких фокусов и реакция у меня на это мгновенная. Так что повторяться не советую».

Дважды повторять приглашение не пришлось. Шнырь вошёл в комнату бросая на меня виноватые взгляды.

- Хорошо, подумал я, - смотрит без злобы, виновато, значить не совсем конченный человек. Такой мстить из-под тишка навряд ли будет.

С этими мыслями я завалился спать. Но сна крепкого не было. Я просыпался от каждого шевеления или движения на соседних кроватях.

Один раз услышал ночью как Шнырь встал, и взяв с подоконника стакан стал из него воду пить. Я наблюдал за ним через чуть приоткрытые веки. Выпивая воду, в конце наткнулся, на что то и выплеснул остатки воды с содержимым в угол на пол. О пол, что-то тихо звякнуло.

Утром, когда все проснулись и стали одеваться, Кузьмич сунулся к своему стакану на подоконнике, где оставил съёмный протез со свой вставной челюстью на ночь и, обнаружив пустой стакан, уставился на него в замешательстве, не понимая, куда делось его содержимое.

- Куда вставная челюсть моя делась? – спросил он, тыча пальцем в стакан, она ведь здесь в воде мокла. Он посмотрел на меня и медленно перевёл свой взгляд на Шныря.

Тот не дожидаясь соответствующей реакции теперь уже от Кузьмича, схватил свой полушубок в охапку накинув шапку на голову и уже на ходу хватая свою сумку пулей вылетел на улицу.

Я не мог не сдержать своего смеха над всей этой картиной, сказал Кузьмичу: «В углу поищи. Я видел как он ночью из стакана воду пил и выплеснул в угол что то».

- Что.о.о! – протяжно протянул старик, и упав на колени, стал шарить руками по полу в углу.

Через мгновение, он, уже найдя свою челюсть, вспоминая всех на свете своих родственников, на недоступном для изложения языке, сел на кровати и стал её внимательно рассматривать.

- Цела, кажись, - довольно произнёс он, потом встал и промыв свою находку крутым кипятком, дав ей остыть, причмокивая, водрузил её в положенное ей место.

Отвернувшись от Кузьмича, что бы он не видел меня, я тихо трясся от смеха.

Потом взяв себя в руки и успокоившись, я накинул на себя свою куртку на «рыбьем меху» и одев шапку ушанку вышел на улицу поискать Шныря.

Но того и след простыл.

Порасспросив народ идущий с рейсового автобуса к интернату, узнал, что на этом же автобусе укатил наш Шнырь, не известно куда.

Больше мы его оба никогда и не видели.

Попив чайку, как говориться с чем Бог послал, Кузьмич, вспомнив, что сегодня воскресенье и ему надо было бы к одной бабёнке в Алдане заглянуть, засобиравшись в дорогу. Он, уезжая к нам из Алдана, зашёл пивка попить в пивнушку и там одна уборщица пустых кружек, согласилась с ним ближе познакомиться. Я, обрадовавшись, что останусь один, стал собираться на работу посоветовав Кузьмичу не подхватить там чего нибудь и быть поосторожнее.

- Не бойсь. Всё будет нормалёк, - заверил меня Кузьмич и с этими словами вышел за дверь.

В это воскресенье 27 октября, пришёл с работы не в 20⁻¹⁵, а пораньше в 17 часов, так как в коровнике пропало электричество. В комнате было непривычно прохладно, и я обнаружил в ней холодные батареи.

Полежав минут, пять в тревоге поднялся. Пощупал опять батареи они стали ещё немного холоднее.

Одевшись, вышел на улицу и пошёл в сторону котельной.

Зайдя в помещение, я осмотрелся. Посредине у котла возился кочегар, выгребая угли из печки.

Здорово мужик! Что случилось? Почему система остывает? – спросил я его.

Подняв на меня уставшие глаза, он ответил: «Привет. Насос полетел, скоро гасить котёл буду, и воду сливать из него придётся».

- А что с насосом? – задал я вопрос.

- Да развалился он на две половины, - отвечал кочегар.

- Пойдём, покажешь.

С основным помещением находилось помещение насосной. Насосная, проектировалась из расчёта эксплуатации на два котла. Видя остатки трубопроводной арматуры у второго места, где должен был находиться ещё один насос, я спросил: «А где ещё один насос запасной?»

- Да пропили его, - напрямую без лукавства ответил кочегар.

- Как так пропили? – вытаращив глаза, от удивления уставился я на него.

- Да вот так. Молча. Был у нас тут один начальник котельной, бугор (бригадир, старший авт.) над нами кочегарами да слесарем. Вот он и пропили. Его сразу председательша и рассчитала за это по статье.

- Да.а.а! Весело, - протянул я. – А где слесарь?

- В Алдан на выходной уехал. Он Алданский у нас.

Склонившись над насосом, я увидел разломленный пополам старинный поддон. По крупным кристаллам в разломе я определил, что это чугун.

В задумчивости прислонился, к какой-то грязной тумбочке. В жизни мне дважды уже приходилось организовывать и непосредственно участвовать в восстановлении после размораживания крупных отопительных систем, в общем-то из-за разгильдяйства и преступного человеческого головотяпства.

- Ну и что делать собираетесь? – спросил я кочегара.

- Да из интерната уже дважды прибегали. Они детишек одевают пока, но по соседним избам разводить не спешат. Сами понимаете, кому с такими уродами ночевать хотя бы одну ночь понравиться?

Я ещё раз посмотрел на станину. На одной половине её крепился насос – на другой электромотор.

- И какого же это года выпуска насос? – спросил я кочегара, - Тысяча восемьсот последнего?

- Да, где то это так. Ещё в прошлом веке крепёжный поддон был отлит видно.

- Что же делать?, - лихорадочно проносились у меня в голове разные мысли.

- Сварочный аппарат есть? – спросил я кочегара.

- Да вон в углу стоит, - ответил он.

Подойдя к аппарату, я увидел, что это переменка СТ-34. (Варит переменным сварочным током авт.).

- Электроды?

- Есть немного - четвёрка.

- Медную проволоку найдёшь, какуюнибудь? Катушку обмоточную, например, что бы сечение проводов было полмиллиметра, приблизительно? – продолжал я допытывать кочегара.

- Да вон на полке валяется, какая то, - показал он.

Посмотрев на глаз сечение намотанной катушки, я отдал её кочегару и приказал: «На возьми её и аккуратно разматывай медный провод. Он нам нужен будет. Только не запутайся. На тебе нож перочинный соскребай с проволоки лак пропиточный аккуратно. Я сбегаю, переоденусь в рабочее, и скоро приду. Ты только не гаси котёл».

- Хорошо, согласно кивнул головой мой кочегар.

Быстрым шагом я направился к сельсовету.

Там уже толпился взволнованный народ. Председательша жёстким голосом требовала от женщин, собравшихся на сходку, что бы те взяли домой на временный постой интернатовских ребятишек. Те под разными предложениями не соглашались.

Быстро переодевшись, я достал из одного чемодана пачку электродов диаметром 3 миллиметра; водрузил на голову свою выдавшую виды маску сварочную, одел на запястье правой руки лёгкий клевок для обивки сварочного шлака и, сунув под мышку пачку электродов, радостно подумал, что не зря всё это тащил из своего подмосковного города Одинцово.

Когда я выходил из сельсовета, удивлённая председательша и женщины уставились на меня.

Поздоровавшись со всеми, и сделав несколько шагов направляясь в сторону котельной, услышал вопросы в свой адрес, куда я иду?

Махнув на них рукой и сказав, - некогда, - я двинулся быстрыми шагами к котельной.

Найдя, какие-то старые трубные ключи мы с кочегаром быстро размонтировали насос и развернули его, поставив плиту под прямым углом.

Кочегара, - кажется, его звали Василием, я заставил накручивать медный провод на сварочные электроды МР-3. Он крутил, электроды и периодически бегал к котлу посмотреть, не разорвёт ли его.

Я сплавлял чугун, раскрывая с обеих сторон трещины две фаски для будущего сварочного шва.

В дверях появилась председательша с кем-то из местных активисток. Поговорив о чём то с Василием они быстро ушли, боясь помешать нам в работе со своими женскими вопросами.

Толщина поддона была миллиметров 10, и за полчаса я раскрыл фаску. К тому времени Василий намотал мне штук 10 электродов, и я приступил к сварке чугуна. Варить начал короткими швами прихватив с обеих, сторон металл поддона, что бы не разошёлся. Проварив первый валик миллиметров на 15-20 проковал его, ставя острый край клевка на шов и стуча по нему молотком. Сварив три или четыре валика горкой с одной стороны и так же с другой, каким то внутренним чутьём почувствовал, что он у меня сейчас по этим швам лопнет. Опыт таких работ ранее подсказывал мне это, и я решил больше не рисковать, а действовать наверняка и применить так называемую технологию холодной сварки чугуна. Она заключается в том, что сам чугун предварительно не подогревают перед сваркой, а наплавив короткий валик горкой и проковав его нужно выждать время, когда металл остынет до такого состояния, пока сварочный шов можно будет брать рукой не обжигаясь при этом. Закончил я наплавлять таким образом этот единственный шов длиной в полметра только через четыре часа.

Потом пришлось поработать вместо токаря и проточить соединительную втулку между насосом и электродвигателем. А ещё через полчаса насос уже работал. Аккуратно подбив под поддон деревянные клинья, что бы он не висел на трубопроводной арматуре, мы его включили. Я перекрестил его, мысленно прося Господа, что бы его не разрушило, и что бы Господь пожалел бы и обогрел сирот. Прождав полчаса, я побрёл к себе в сельсовет.

У сельсовета никого уже не было.

Да и немудрено было. Часы показывали 23³⁰ часа ночи.

Разогрев себе чаю и покушав, что то, пощупав батареи, они были уже почти тёплыми, завалился, не раздеваясь мертвецким сном спать.

Среди ночи встал в туалет, пощупал батареи, они во всю полыхали жаром.

Василий старается, качегарит. Молодец – подумал я и, раздевшись, опять свалился в кровать, уснув крепким богатырским сном.

Проснулся я от того что кто то тряс меня за плечо. Оказалось, Кузьмич приехал.

- Ты чего, Москвач, нажрался что ли? – спрашивал он удивлённо.

- Дверь, почему не закрыл? – продолжал он.

- Нажрался, - согласился я. Так нажрался, что ещё поспал бы часок другой, но надо идти на рабочее место. Уже 10 часов. Итак, на два часа опоздали.

- А что пил? Самогонки что ли опять принесла старая? – продолжал допытывать он, - бутылки вроде не видно ни где?

- Да отстань ты от меня дед. Лучше одевайся в рабочее давай, - с раздражением ответил я ему. Не хотелось ничего рассказывать и о проделанном вспоминать. Раздражало головотяпство руководителей, которое могло привести к гораздо большим затратам и лишениям.

Придя в коровник, развели костёр из соломы и каких-то корней, и сели возле огня греться.

- Как ты думаешь, где теперь Шнырь болтается, - спросил меня Кузьмич.

- Да не знаю я. Думая о нём же, - ответил я ему.

- Нашёл себе, какуюнибудь молодку, да и тешиться с ней, - продолжал Кузьмич.

- Не дед, навряд ли. С его-то синевой. Да по мне хоть с медведем лесным лучше тешиться, чем такую страхолюдину к себе близко подпускать.

- Не скажи. Ночь брат тёмная штука. Там ничего и так не видно, - продолжал не униматься Кузьмич.

Немного вобрав в себя тепла от костра стали работать теперь уже вдвоём.

Так мы и работали с дедом до конца месяца.

В четверг 31 числа, я с подписанным Заказчиком табелем, как мне было до этого приказано, выехал в Алдан в контору артели.

Лосев принял у меня подписанный Заказчиком табель, просмотрел его внимательно и, наложив резолюцию, оставил у себя на столе.

- Пойдёмте со мной, - встав из-за стола, пригласил он. – С Главным инженером Царёвым познакомлю.

Непринуждённо, без стука в дверь, войдя в кабинет к Царёву, как в свой кабинет Лосев, кивнув на меня головой сказал: «Вот этот парень.»

Царёв кивнул головой в ответ, продолжая беседовать с каким-то мужчиной.

Лосев показал мне на стул в углу кабинета, сказал: «Присаживайтесь» и сам вышел из кабинета.

Я, зная уже по наслышке, что Царёв (или как его звали старатели Царь) был самым крутым в артели руководителем, невольно прислушался к разговору за столом.

Молодой мужчина раскладывал перед Царём свои удостоверения.

Удостоверения свидетельствовали о том, что он овладел многими специальностями и прошёл соответствующую аттестацию по ним.

Царь внимательно выслушал мужика и говорит: «Нет. Вы нам не подходите.»

Тот, вытаращив от изумления глаза, и не ожидая такого отката изумился: «Почему же?»

- Слишком много профессий у Вас. Это значить, что глубоко ни одной не владеете, - был, в общем, то логичный ответ Царя.

Мужчина встал растеряно, сгрёб в охапку свои разложенные корочки удостоверений и ретировался из кабинета.

- Ты, говорят, Москвач, отличился там? Чугун серый заварил? Отопление помог запустить? – обратился Лосев ко мне

- Как варил?

Я рассказал как.

- Какой у тебя разряд?

- Шестой, - ответил я.

- Какие металлы варил?

- Практически все, - отвечал я.

- Ну ладно. Сегодня переночуешь в гараже, а завтра с вещами на вертушку, - приказал Лосев.

Полетишь на участок. Там поработаешь.

- Хорошо, - радостно сверкнув глазами, сказал я и, буркнув, - до свиданья, - вышел с радостно забившимся сердцем. Наконец-то свершилось. Я лечу в тайгу!

Гараж находился не подалёку от основного здания управления артели, и я туда направился с вещами.

Оставив вещи в отгороженном закутке, где было шесть кроватей и, попросив присмотреть за ними местного мужика, с которым мы должны были завтра лететь, я вышел опять в контору.

Надо было написать заявление и оставить его в бухгалтерии, для того, что бы половину тарифной зарплаты начисляемой мне за отработанный период времени перевели бы в семью, домой.

Вспомнив о доме и своей долгожданной крошке – доченьки, я испытал, как комок горький какой-то подкатывает к горлу. Сглотнув слюну и успокоив свой порыв чувств, думая о том, что всё будет хорошо, я вошёл в контору артели и выполнил все необходимые в таких случаях формальности.

Поужинав в столовой автовокзала, пришёл в гараж и стал готовиться к завтрашнему отлёту.

Открыв чемоданы, я обнаружил, что кто-то в них порылся.

Покосившись на соседей, я сделал вид, что ничего не заметил. Все вещи, в общем, то были в наличии и ничего не пропало. И на том хорошо, - подумал я.

Вечером пораньше лёг спать.

Но ночью вдруг проснулся.

За тонкой щитовой стенкой раздавался равномерный стук в эту стенку.

- Что это? – спросил я.

- Да наш заместитель по режиму привёл, какую-то якутку и развлекается с ней за деньги.

Полежав немного, я не выдержал, встал и вышел покурить. Ко мне присоединились ещё два человека.

- И что он всю ночь её так гонять будет? – спросил, почему то меня один из мужиков, - хотя бы кровать отодвинул от стенки скотина. Выругался он, сплюнув на землю.

Что мне ему было ответить? Ничего. Я лёг и постарался уснуть, но этого не удавалось, потому что за тонкой стенкой слышались ещё и сладостные стоны.

Заткнув уши ватными тампонами, обернув свою голову курткой и положив на голову ещё и подушку я кое как уснул.

Разбудил меня сосед, велел собираться.

За стенкой продолжалась та же какофония.

Одевшись, вышли на улицу. Из гаража выехал УАЗ-ик и мы сели в него, погрузив ту да же и вещи свои.

Когда в машину село начальство, я поинтересовался можно или нет фотографии делать, мне на память.

- Валяй, - небрежно бросил Главный инженер Царёв (в дальнейшем Царь – как его уважительно звали все старатели) через плечо. – Снимков от вас всё равно не дождёшься. Меня вон сколько раз такие туристы снимали и не одного снимка до сих пор не прислали.

Может быть, он и меня считает туристом, подумалось мне.

_____ «» _____

Приехали в аэропорт.

Перед вертолётom выстроились в линейку и открыли все свои вещи для досмотра. Одновременно раздевались и показывали, что в одежде ничего не провозим. Искли алкоголь или в бутылках или в грелках.

Досматривал помощник заместителя по режиму. Царь прохаживался в отдалении. Меня заставил перебрать и показать каждую вещь, объясняя для чего она предназначена. В особенности его удивили мои шприцы и ампулы лекарств, которые я вёз с собой.

У одного из мужиков нашли то, что искали и заставили его самого открывать и выливать содержимое бутылки на землю. Никакие слёзные уговоры на эту комиссию не подействовали и содержимое бутылки, до последней капли водки было вылито.

После короткой промежуточной посадки в Чулыме вылетели на Алексеевский участок.

Председатель старательской артели «Амга» Бестаев Владимир Костович даёт последние указания одному из заместителей перед посадкой в вертолёт.

Всё! Все указания и распоряжения хозяин раздал.
Вперёд на посадку в вертолёт.

Когда вертолёт пошёл на посадку.

Базовый участок Алексеевский.

В горизонтальном направлении хорошо видна накатанная по зимнику дорога как бы делящая снимок на две части: верхнюю и нижнюю.

В верхней части слева – направо видны следующие постройки:

Золотоприёмная касса. Или ЗПК. Хорошо видна расчищенная квадратная площадь со зданием в левом верхнем углу. Подальше и чуть правее от него видны постройки сараев и гаражей автотранспорта кассиров ЗПК. Жаль, что не видна по квадратному периметру вокруг этих построек изгородь из колючей проволоки. Но обледенелые берёзовые столбики с правой стороны хорошо просматриваются.

Жилой барак, или по местному – тардоха, в которой мне пришлось прожить весь свой период работы на этом участке. Он первый в четвёрке бараков вытянувшихся в прямую линию.

В нижней части слева – направо видны следующие постройки:

Складские подмости бревенчатые на высоте бортов грузового автомобиля для хранения разных грузов.

Продовольственный склад. Жилые дома для приезжих ИТР. Пекарня. Жилой барак. Чуть ниже столовая.

Чуть выше мастерская электриков.

Это продолжение участка Алексеевский. Снимок, к сожалению не чёткий.

С правой стороны в самом большом тёмном пятне едва различается главный гараж, где ремонтировалась и готовилась вся техника к промысловому сезону. В нём находилось моё основное рабочее место.

Выше его, у подножья сопки видна не большая хвойная роща. Там, среди сосен, находится старинное кладбище старателей. Но об этом – чуть позже.

Итак, секунд через 5 - 10 завершив разворот, вертолёт на какое-то короткое время завис над площадкой на высоте метров 10, затем аккуратно и плавно приземлился, одновременно выключив зажигание.

Некоторое время винты работали по инерции. Не дожидаясь пока они остановятся, второй пилот прошёл в хвост вертолёта и открыл грузовые люки в хвостовой части. Старатели стали быстро разгружать вертолёт. Дорога была каждая секунда. Рядом на вертолётную площадку сел ещё один вертолёт.

Я, быстро одев, свой рюкзак, подхватил оба чемодана и вышел из вертолёта одним из последних.

Метров в 20 от стоянки вертолёта находилась бортовая автомашина ЗИЛ 131. Побросав в неё вещи, мы перемахнули через борт и уселись на откидные лавки вдоль бортов. На площадку садились и разгружались вертолёты. Быстро разгрузившись, тут же взлетали. Всего прилетело шесть машин. Вновь прибывшие старатели грузились в машину. Когда все погрузились, машина выехала в посёлок. Проехав по посёлку, машина остановилась на дороге. Как нам пояснили, с одной стороны была столовая. Напротив неё стояло четыре длинных барака. Там и располагалось наше временное жильё. Старатели эти бараки называли, почему то тардохами. Я, то же дальше, описывая свои события, буду употреблять этот термин в дальнейшем. Через полминуты грузовик развернулся и уехал опять на вертолётную площадку под загрузку привезенных грузов.

Когда садились в машину, я насчитал всего прилетевших на этих шести вертолётах 26 человек старателей.

Когда последний старатель покинул грузовик, то встречавший нас мастер объявил нам, чтобы мы выбирали себе любую тардоху из четырёх находящихся напротив. На следующий день нам дали возможность отдохнуть и осмотреться, а уже потом начинать стараться.

Я сначала зашёл в одну из них, куда все заходили.

Потом один из приезжих громко крикнул: «Кто курить в тардохе не будет? – за мной!» - и направился в самую крайнюю с левой стороны.

Я тут же отправился за ним.

За мной потянулся ещё один старатель.

Так мы и поселились в одном бараке некурящие в жилом помещении. Как потом выяснилось, один из нас был пекарем, другой дровосеком, третий я – сварщиком или как тут всех сварщиков звали «сварным».

Один день нам дали на отдых, а на следующий надо было уже выходить на работу, или как у старателей говорить – стараться.

Тардоха, или рабочий старательский барак представлял из себя бревенчатое рубленое строение прямоугольной формы. При входе в тардоху с левой стороны находилась отопительная печь. С правой стороны сразу у двери стояла бочка до краёв заполненная водой. Бочка была выкрашена грунтовкой глифталевой, что бы быстро не ржавела под водой. Грунт этот имеет характерный красноватый оттенок. Она была закрыта крышкой, на которой стоял ковшик. Воду эту из бочки брали и для бытовых целей. Каждый день специально на больших металлических санях на тракторе подвозили лёд с реки. Его подбрасывали в бочку пополняя запас воды.

За бочкой так же с правой стороны находился небольшой сколоченный из досок стол с двумя лавками для сидения по обеим сторонам стола. Над столом светила лампочка. Ещё две тускло освещали остальное помещение.

С левой стороны за невысокой досчатой перегородкой начинались нары. Я насчитал с этой стороны восемь нар, а с правой стороны девять. Нары представляли собой на высоте в один метр от пола сколоченные из досок лежаки. На каждом из них было не меньше двух, а то и трёх матрасов. Дело в том, что каждому старателю выдавался матрас с подушкой перьевой. Когда старатели уезжали домой, то увозить с собой эти матрасы они естественно не увозили, и они оставались в тардохах. Помимо матрасов и подушек выдавалось каждому старателю: новое одеяло ватное; два комплекта постельного белья; вафельное полотенце; тёплая спецодежда и валенки.

Это всё мы получили на следующий день.

А в этот день нас вскоре позвали в столовую.

По сколько мы заняли самую крайнюю тардоху, приглашение до нас дошло позже всех, и в столовой мы очутились в последнюю очередь.

Здание столовой представляло из себя так же вытянутое деревянное прямоугольное строение изнутри отделанное правда вагонкой. В одном торце стояла печь варочная сваренная из листовой стали толщиной в 10 мм.

Когда мы вошли, то молодёжь уже резво доедала из своих мисок кашу гречневую с мясом, запивая это чаем из металлических кружек.

Оглядевшись по сторонам, мы мест свободных за деревянными столами не нашли. Но не прошло и трёх минут как один из молодых старателей с переднего стола встал и глядя, почему то на меня, кивнул мне на своё место. Я не стал жеманиться и двинулся к раздаточной стойке. Взяв миску с порцией каши с мясом, протянул руку к подносу с пустыми перевёрнутыми кружками для чая. На раздаточной стойке стояло два ведра. Одно было с кипятком, другое с чайной заваркой. Взяв одну из кружек, я зачерпнул из одного ведра заварки крепкой на одну треть высоты кружки, а из другого добавил две трети кипятка. Только я повернулся лицом к залу, как из нескольких глоток раздался громкий гогот.

- Гляньте мужики, к нам москвачь приехал, - с громким гототом и довольным тоном прогоготал один из мужиков.

- А откуда вы взяли это, - оторопело я спросил.

- Да вы ж все москвачи чай бледный пьёте, - пояснил мне мой новый сосед по столу.

- Мы половину чифира (чайной заварки одной) льём в кружку и половину кипятка, или совсем чифир один, - продолжал поясняя он.

Я не обращая ни на кого внимания, так же быстро съел свою порцию и, встав из-за стола, в полголоса поблагодарил повара: «Спасибо шеф! Всё вкусно было». С этими словами поставил миску с пустой кружкой на раздаточную стойку, и не на кого не глядя, спокойно, вразвалочку вышел из столовой.

Уже выходя, услышал один голос: «Смотри. А ест он быстро. Значить и работает, может быть так же».

- Посмотрим, - ответил ему второй.

Я не стал оборачиваться и сделал вид, что вообще не расслышал сказанное.

Хоть я и поужинал не плохо, но настроения, почему то, не было.

- И чего здесь все москвичей так не навидят люто? – думалось мне, – они что, не люди что ли? С этими мыслями не спеша пошёл к своей тардохе. Вдоль главной улицы стояли столбов 5 или 6. На них светили фонари.

Мороз уже чувствовался. Было около -25°C . Я опустил клапана ушные у своей кроличьей шапки и не спеша шёл своей дорогой. Подойдя поближе к столбу с фонарём, взглянул на фонарь снизу вверх. Дивная картина предстала моему взору. Миллионы маленьких миллиметровых точек переливаясь всеми цветами радуги, медленно опускались к земле. Это замороженные кристаллы воды в воздухе опускались на землю. Воздух становился сухим. В общем, в Сибири, почти везде так. Влажность там за Уральским Хребтом намного ниже, чем у нас, в Подмоскowie. Поэтому дышится там, намного легче. И мороз переносится там, то же легче.

Шагов за 10 до двери увидел, как она прикрылась.

Кто то в щёлку просматривал территорию перед тардохой.

Немного повеселев после прогулки, зашёл в свою тёплую тардоху.

Там полно было гостей, помимо нас основных трёх поселенцев.

Мужики слушали, а один из них читал из толстой школьной тетрадки в клеточку от руки записанные кем-то нецензурные анекдоты.

Я, то же прислушался. Написаны они были в стихотворной остроумной форме, и было, в общем, то интересно их послушать.

Тетрадь эту нашли у нас в тардохе на столе. Видно кто-то забыл взять её на большую землю или специально нам оставил скрасить унылое серое однообразие старательской жизни.

Прогоготовав вместе со всеми мужиками над остроумными стихами часа полтора, я стал собираться лечь спать.

Чтец запретных цензурой стихов попросил взять тетрадь эту с собой.

Мы втроём переглянулись друг с другом, и один из нас пожав плечами, равнодушно махнул рукой.

Когда мужики ушли, то я с удовольствием нырнул под свои одеяла и сразу же уснул.

Проснулся среди ночи от холода.

Полежав, какое-то время, решил встать и подбросить в печку дров.

Сунув руку под подушку, нащупал там свой положенный перед сном карманный фонарик. Зажёг его и посмотрел на часы. Было 3 часа ночи. Я, тихонечко сунув ноги в валенки, стараясь не шуметь и не разбудить остальных ребят в тардохе, подошёл к печке.

В ней на самом дне тлело едва заметно, несколько угольков.

Хорошо, что совсем не погасла, - подумал я и, посветив фонариком, поискал наиболее сухие поленья. Положив на угли сначала сухие, а потом и все без разбору поленья забил ими печку до самого верха.

Посидев перед ней на корточках и убедившись, что дрова не погаснут, и будут гореть, так же тихонечко пошел к своему топчану.

Минут через 15 или 20 почувствовав как верхом пошло блаженное тепло, я так же блаженно уснул.

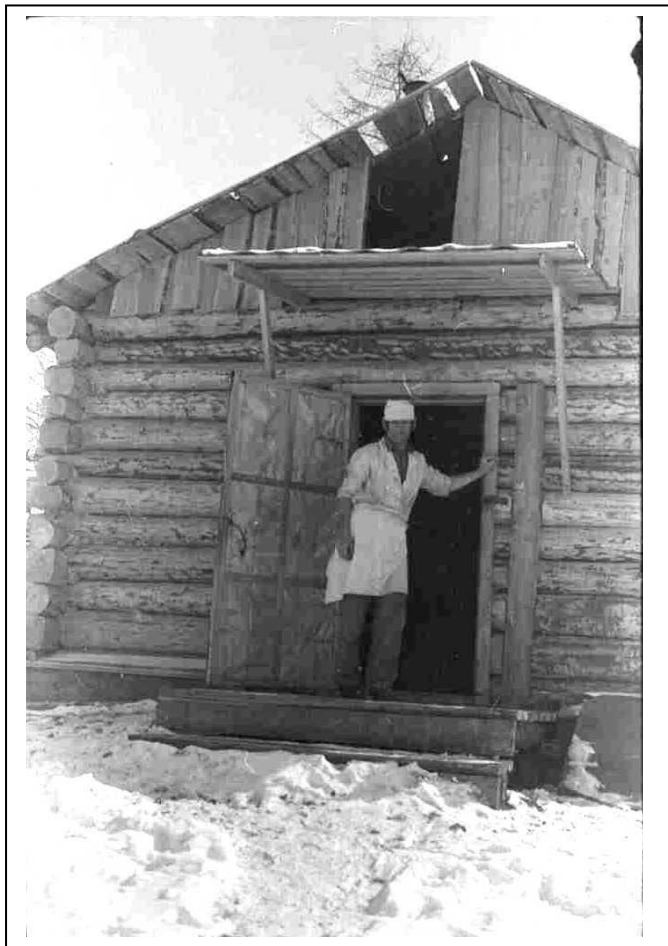
Проснулся я от того что кто то тряс меня за плечо.

Это сосед оказывается уже одетый стоял возле топчана и будил меня.

- Вставай, завтрак проспишь, - сказал он, видя, что я проснулся.

Повторять приглашение не пришлось. Я ещё не совсем отвык от армейской привычки подниматься за сорок секунд и через 5 минут был то же упакованный в северный вариант одежды и, натягивая варежки, выходил за остальными ребятами в столовую на завтрак.

Когда шёл в столовую, то увидел открытую дверь в пекарне и в проёме двери нашего пекаря. Это он первым кликнул клич с призывом идти за ним тех, кто не будет курить в тардохе. Звали его Александром. Он особо ничем не выделялся среди нас. Вставал в четыре часа утра и выходил в свою пекарню на работу. После обеда он приходил часа на четыре поспать днём, а ночью когда мы уже спали, он тоже приходил поспать, часов на пять или шесть. Мужиком он был очень порядочным и выпекал хлеб «кирпичиками» такого качества, что когда к нам прилетали вертолётчики из Тынды, то всегда просили свежего хлебца батончик с собой взять. Александр им всегда набивал мешок с хлебом. Когда батон с хлебом разрезали, мякиш его был всегда ноздреватый. Мы пробовали мякиш сжать сверху вниз, и он всегда почти полностью распрямлялся.

Александр, не выдержав сильной жары в помещении, вышел подышать на свежий воздух. Вот здесь то, я и запечатлел его на пороге старательской пекарни.

На этот раз в столовой кормили отварным картофелем с варёным мясом.

Когда все уже собрались в столовой, один из старателей объявил строгим командирским голосом, что сегодня в выходной он не советует никому топтать за соседнюю сопку в зону вольного поселения. Температура на градуснике была -18°C с утра и по дороге туда можно замёрзнуть.

Я, так же как и остальные приехавшие мужики удивленно поднял глаза на говорившего.

А он уже вставал и, поставив свою пустую миску с кружкой на стойку раздачи пищи не спеша тронулся из помещения столовой.

Минуты через три раздался громкий голос: «Ктонибудь скажет, что это за зона и кто на ней сидит?»

- Да бабы там сидят. На вольном поселении как бы. Три барака у них там. В одном бараке рукавицы брезентовые шьют и плащи охотничьи. Охраны почти никакой. Так, три мента для виду сидят в своей тардохе по одному зырят в окошко и задницу греют у печки, - разъяснял мужик.

- Сами понимаете бабы, оголодавшие по мужикам сильно. Ну, вот наши артельские иногда и выручают. В гости приходят, - продолжал он.

Смотрю я, а у многих мужиков от этих слов глаза загорелись.

Вспомнил и я свою ненаглядную. Вспомнил, как жарко обнимал её, и как забывались мы после ласки и всех утех в крепком сне. Тоскливо сжалось при этом моё сердце.

Выйдя на улицу и вздохнув свежего воздуха, стал приходить в себя от нахлынувших воспоминаний.

Достав сигарету, закурил и пошёл в свою тардоху.

На улице ярко светило солнышко. Ветра не было, и мороз совсем не чувствовался.

Я решил сделать несколько снимков. Зайдя в тардоху, достал свой самый тяжёлый чемодан, именно там был у меня фотоаппарат, и открыл его.

Открыл - и ошарашен. В нём кто-то всё перевернул вверх дном, изрядно порывшись.

Ясно было, что в нём искали водку или одеколон.

Ни того ни другого у меня не было.

Дело в том, что не только в старательских артелях в то время был сухой закон, а и по всей стране водку сделали не доступной для простого населения.

- Водки нам не дают - так фанфурить будем, - говорили мужики и покупали, кто, что мог купить: одеколон, антистатик «Лана»; денатурат и прочую дрянь.

В Адане при посадке в вертолёт был шмон, - думалось мне, - значить искали водку – фанфурики изымать не имели право. Вот и везли многие по 5 или 10 пузырьков. Хорошо, что не догадались открыть хотя бы один из моих пузырьков и попробовать его содержимое на вкус.

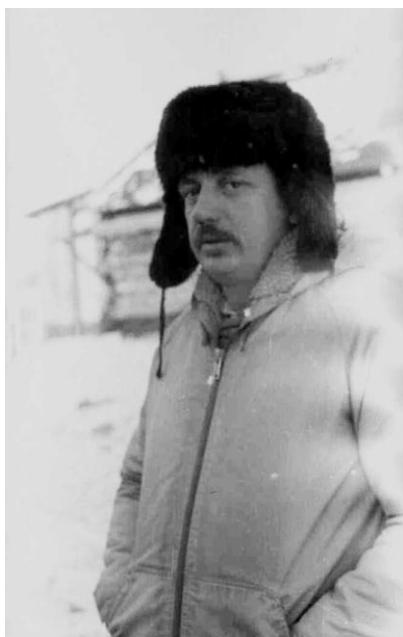
Дело в том, что помня то, что рассказывал мне Лёша Анпилов, я захватил с собой 2 литра чистого медицинского спирта. Разлил я его в двадцать пузырьков небольших которые скопились у нас с женой из под раствора ацетил - салициловой кислоты спиртовой. Её я покупал для протирки лица, как прописывал жене врач после родов.

Для того что бы никто не догадался, что пузырьки использованы были вторично, я с каждой бутылочки соскоблил аккуратно перочинным ножом старый воск с пробочки, и со стеклянного горлышка в которое эта пробочка вставлялась. Потом, после разливки спирта, одинаково по уровню с остальными бутылочками аккуратно закапал со свечки все пробочки и горлышки бутылок, разогнав капли лёгкими движениями под пламенем всё той же свечи. Здесь немного и навыки газосварщика пригодились. На внешний вид получилось всё аккуратно и незаметно, как будто это фабричная упаковка была. Пересчитав все свои пузырьки и убедившись, что ничего не пропало, я с удовлетворением взял фотоаппарат и вышел сделать несколько снимков.

Вот некоторые из них:

Сзади меня видна золото приёмная касса (ЗПК), вернее машины её стоящие под навесами.

Ещё одно моё изображение с одним из тех старателей которые немного раньше нас заехали на участок. Фамилии ребят я к сожалению уже забыл.

Когда мы фотографировались этот парень был моим экскурсоводом по кладбищу (об этом чуть попозже...) и он по секрету рассказал мне, что в столовой над приехавшими новенькими старателями был разыгран заранее спланированный небольшой спектакль. Поэтому у него и выражение лица такое довольное в предвкушении небольшого куража над новичками.

Это то же один зритель, который поджидает мужиков соблазнившись на лёгкий сексуальный флирт. Чуть чуть левее как раз и проходила дорога, по которой должны были протопать наши кавалеры.

Этот парень, когда подошёл к нам, довольно доложил, что некоторые из новеньких уже и сапоги свои утеплённые надраили до блеска, и уже наодеколонились так, что за версту от них разит этим одеколоном.

Я предложил издали щёлкнуть этих кавалеров фотоаппаратом сделав хотя бы один снимок. Но мне резонно заметили, что делать этого не следует. Можно спугнуть. А потом и в нос кулаком получить.

Не прошло и десяти минут как появилась группа кавалеров из пяти человек. За ней чуть подальше ещё шли два человека. Итого семь человек. Из общего количества 26 человек прилетевших накануне на 6 вертолётках. Хороший улов на розыгрыш.

Отвернувшись от кавалеров мы, как бы занимаясь фотографией, сами не сводили с них глаз рассматривая их из под тишка и давась потихоньку от приступов накатывающего на нас хохота.

Когда кавалеры скрылись из глаз я, беспокоясь за них, спросил: «Ну а дальше что. Пропасть могут люди?»

- Да нет, не пропадут. Дадим им полчаса на разминку и пошлём за ними нашу машину, - ответил мне один «старик». Стариками ребята называли себя как в Армии. Те, кто старался более одного года, и был «стариком».

- Пока давай масквачь дров себе наколи, а то замёрзнешь ночью. Вон топор валяется, - предложил мне один из моих новых знакомых. Или как на местном жаргоне они себя друзьями не называли, а использовали термин «карифан». То есть - мой карифан.

Я взял топор и стал колоть дрова.

Несмотря на то, что в детстве мне их приходилось часто колоть да и в командировках то же, после первого удара колуна раздался дружный гогот. Колун мой только чиркнул по обмороженному бревну и металлическая ручка топора вылетела у меня из рук. Колун отскочил в сторону.

Обозлившись на такой конфуз, я схватил калун и со всей силы вогнал его в чурку. Чурка на этот раз с морозным звоном раскололась пополам на два полена. Выставив по очереди и эти поленья я легко справился и с ними.

Меня сфотографировал один парень. Потом передал мне фотоаппарат со словами: «На москвач полюбуешься потом как ты одновременно с ударом приседаешь, как буд то срать на унитаз садишься».

- Так тебя на 12 часов работы не хватит. Надо меньше движений лишних делать, - продолжал учить меня старик.

Нужно сказать я с благодарностью всегда прислушивался и сейчас прислушиваюсь к советам любого человека, и это мне всегда в жизни помогает.

Вот эти первые мои приседания.

А вот так колет дрова уже профессионал.
Обратите внимание он совсем не садиться на корточки.
И я тут же стал исправляться следя за своей осанкой.

Пока меня старики учили колоть дрова, прошло полчаса, и один из них, пожалев молодых старателей ушедших вдоль дороги в поисках женских сексуальных утех, пошёл просить разрешения у главного механика завести автомашину и съездить за людьми.

Ещё через 10 минут тот ЗИЛ-131 на котором нас привезли с вертолётной площадки проехал за молодыми. Мой недавний учитель сидел за рулём и проезжая мимо нас весело помаhal нам рукой. Всё это сопровождалось здоровым мужским молодым гоготом. В нас бурлила пока ещё не растроченная энергия.

_____ «» _____

Минут через 15 показался ЗИЛ.

Проехал он в посёлок под весёлый гогот наш.

Около столовой собралась толпа старателей прославившихся о женихах, которая так же с хохотом и с гиканьем встретила приехавших.

Нужно сказать, что из приезжих не все одинаково отнеслись к этому розыгрышу.

Одни то же весело смеялись над собой, другие злобно и затравлено зыркали глазами по сторонам не решаясь, правда, оскорбить или выругаться на кого то.

Как раз в это время наступил обед.

Все дружно потянулись в столовую.

Там опять над женихами стали подтрунивать.

- Ну что? – спрашивал, давясь от хохота один старик, - расскажите как Манька Ткачихина сразу трём из вас предложила отдаться? Ведь все вы трое ей приглянулись?

- Так ведь Дунька Самолётова сразу же вон тому самому пижонистому на шею и кинулась, - не унимался другой.

Много пришлось выслушать молодым женихам во время обеда подтруниваний стариков.

Отвели они душу на этих кавалерах. Многие сидели с такими красными лицами – хоть прикуривай от них.

Пообедав, я зашёл в тардоху, и повалялся не много не раздеваясь, как кот мартовский на своём топчане.

Через минут 20 в дверь заглянул один карифан: «Масквач! Пошли со мной, кладбище покажу и ещё кое что, а то потом времени не будет.

Откуда здесь кладбище? – подумал я, с интересом выскакивая за дверь.

Действительно, кладбище оказалось буквально в 400 метрах от нашей тардохы.

Старые могильные холмики почти уже сравнялись с землёй. На покосившихся крестах едва заметны были фамилии, имена и отчества похороненных там людей; видны были даты захоронений. Прохаживаясь среди могил, я понял, что в 1875 году здесь работали первые старатели – землекопы. Причём руководил работами, какой то китаец. Лошадей на старания они покупали у русских. Мне показали конскую бляху, которую нашли при промывке золота на приборе. Её как реликвию забрал себе тот парень, который водил меня на эту местную экскурсию. Он же мне показал в совершенно противоположном конце участка остатки жилища, в которых проживали старатели. Это было что-то наподобие маленького чума. В диаметре около 3-4 метров по кругу было выложено из камней сооружение, напоминавшее собой перевёрнутую вверх дном Узбекскую пиалу. В верхней части её было небольшое отверстие. Точно под ним выложенный из камней очаг. Значить топились это жильё по чёрному. Двери, естественно, в это жильё не было. Был небольшой арочный лаз высотой в полметра. Поражало то, что в такой лаз вообще казалось, что невозможно было бы пролезть. Это надо было бы заползать в это сооружение по пластунски. И то, я навряд ли протиснулся бы в этот лаз с моей талией. Видно хозяин этого жилища был довольно не большого размера. Может быть, здесь и жил китаец руководивший стараниями своих артельщиков?

Потом мой гид повёл меня ещё немного подальше и показал то место, где виднелись остатки шурфа, который обнажился, когда бульдозеристы дорожили вскрышу. Дорожить, это перемещать грунт бульдозером на промывочный стол. Срезав метров шесть высотой холм во время летний промывки, когда солнышко светило так, что в тени было +35°C, вдруг вывалилась, оттаяв, тонкая в полметра стенка грунта, где и обнажился этот шурф.

Страшная картина предстала перед молча сбежавшими тогда старателями.

Тело того старателя, который был похоронен в этом шурфе более 100 лет тому назад выглядело свежзамороженным. Как будто он был только что убит. Сказались условия вечной мерзлоты. Лицо его буквально через 5 – 6 минут стало чернеть. Из затылочной части черепа торчало небольшое кованое кайло. Подошёл горняк (горный мастер, руководитель работ) поискал мешочек для золота. Его каждый старатель носил с собой. Мешочек оказался пустым. Он валялся в шурфе рядом с телом, а не был привязан к поясу. Стало ясно, что была, как сейчас говорят разборка, или просто убийство с целью ограбления. Соорудив из жердей подобие носилок, отнесли его на кладбище и закопали рядом с другими его товарищами.

Вот такие экскурсии по основным достопримечательным местам на участке Алексеевский, провёл со мной мой карифан.

Пока мы гуляли и лазили везде, погода резко испортилась. Пошёл косой снег. Мы не стали испытывать дальше свою судьбу и пошли к столовой. Наступало время ужина. Завтра предстояло уже начинать стараться. Поужинав в столовой, и погоготав немного над приколами над нашими женихами, я вместе со своим карифаном вышел на свежий воздух. Поблагодарив его за интересную экскурсию, и попрощавшись с ним, я пошёл в свою тардоху, а он в свою.

Густые сумерки ложились на землю. Над кладбищем с карканьем кружило вороньё, ища место для ночлега. Иногда они пикировали друг на друга, борясь за лучшее место на ветках кладбищенских сосен. Казалось, что это души усопших старателей переселились в этих старых воронов, и они так же воют друг с другом как воевали раньше, когда находились в человеческой плоти.

Так мне стало на душе погано!

Подумалось, в какую дыру я попал?

Но делать было нечего, и я с тяжёлым свинцом на сердце шагнул за порог тардохы.

_____ «» _____

Утро первого дня выдалось таким же серым и пасмурным, как и перед этим вечер.

Мороз ещё не перешёл в стужу. Успокаивало то, что до крепких морозов было ещё далеко.

Встав в шесть часов утра, я экипировался в свою спецодежду, которую привёз с собой. На мне было тёплое хлопчатобумажное бельё, которое я в своё время купил в Самарканде; рабочие брюки с рубашкой тёплой; ватные брюки с телогрейкой; брезентовый с коричневой замшей защитный костюм электросварщика; валенки. Вокруг талии, что бы ветром не задувало под телогрейку, одет был широкий монтажный пояс. Он действительно значительно сохранял тепло в районе поясницы. Цепь монтажного пояса я не стал демонтировать и выбрасывать, а повесил, что бы не болталась сзади, себе на загривок шеи.

Сунув паспорт с направлением на участок во внутренний левый карман полушубка, продев на левую руку свою сварочную маску, прихватив брезентовые рукавицы – краги, которые я выкупил у знакомого пожарника, шагнул за дверь.

Позавтракав в столовой, мы дружной толпой пошли в сторону гаража, куда нам приказано было идти. На вершине холма по дороге к гаражу стоял небольшой, всего на 4 человека командирский домик.

Из него вышли к нам навстречу двое. Один из них обратился к нашей гурьбе не громко поздоровавшись.

Потом он представился: - главный механик Самусев Николай Дмитриевич!

- Сварщики пусть зайдут ко мне, приготовьте направления; остальные в гараж, - распорядился он.

От толпы отделилось четверо человек.

В командирскую тардоху мы входили по одиночке.

Я не стал спешить и вошёл последним, сняв шапку – ушанку кроличью свою, поздоровался и протянул направление.

Самусев Н. Д., отбирая у каждого входящего направления, спрашивал, - какой производственный разряд?

В ответ слышались голоса: четвёртый, пятый, третий, четвёртый. Всем им он велел становиться по левую руку от себя.

Протянув руку за моим направлением, спросил и у меня разряд.

Я ответил, – шестой.

- А тебе встать сюда, - с этими словами он показал на пол правой стороны своей, - пойдёшь в гараж варить бульдозера.

Повернув голову к остальным, он распорядился, - а вам топоры получить и на ошкуивание брёвен. Норма восемь брёвен за двенадцать рабочих часов. Соответственно будет и КТУ (коэффициент трудового участия) проставляться: кто меньше выполнит – КТУ меньше единицы получит; кто больше тот и КТУ больше получит.

- Всем всё ясно? – завершая своё распоряжение, спросил главмех.

- Да всё ясно, с печалью в голосе ответил один из сварных, - разрешите идти?, - по военному спросил он же.

- Идите, - ответил главмех.

- А вы останьтесь пока, - повернув в мою сторону голову, он распорядился.

- Какие металлы пришлось варить Вам? – задал он вопрос.

- Да почти все, как чёрные, так и цветные, - отвечал я.

- А где Вам присвоили шестой разряд? – не унимался с расспросами он.

- В КБ Салют, после сварки кресла космонавта для системы «Космического мотоцикла», - ответил я ему.

- Ну что ж посмотрим на вас в деле, - ответил главмех, хоть я и слышал о том, что отличились Вы уже, заварив чугун.

- Сейчас идите, вам подвезут сварочный аппарат ВД 500 и реостат к нему РБ 300. Одновременно получите кабель сварочный в 75 квадрат на всю длину гаража в два конца для фазы и для земли. Подумайте как его лучше смонтировать и где установить аппарат.

- А реостат зачем? – подумалось мне, ведь в самом аппарате сварочном предусмотрена регулировка силы тока.

Но задать этот вопрос я не решился и, спросив разрешения идти, вышел из командирской тардохи. В гараже за воротами меня уже ждал электрик.

Я познакомился с ним и приступил к осмотру гаража.

В обще-то это здание являлось шедевром старательской смекалки.

Представьте себе три стоящие друг за другом на ремонте бульдозера С-150 с одной стороны.

На расстоянии около 4-х метров от них параллельно ещё такой же ряд бульдозеров. В средней части между этими бульдозерами на расстоянии четырёх метров друг от друга бревенчатые колонны, сплочённые из трёх массивных брёвен в нижней части и одного в верхней. На высоте около восьми метров находилась двухскатная кровля.

На расстоянии шести метров от колонн в обе стороны были выложены из брёвен несущие стены. К ним так же в ширину шесть метров по сторонам были пристроены вспомогательные помещения, перекрытые естественно уже односкатными кровлями. В них находились: станочная мастерская на 4 токарных, 1 фрезерный и 1 строгальный станок; ремонтный блок для двигателистов и другие вспомогательные помещения.

Больше всего поражало то, что в пролётах гаража на высоте 5-6 метров работали две стандартные 500 киллограмовые кран-балки управляемые операторами с выносных пультов.

На крайних брёвнах деревянных колонн был смонтирован 30-ый двухтавр с небольшим рельсом, по которому и перемещалась по цеху кран-балки.

Бегло осмотрев среднюю часть гаража, и посоветовавшись с электриком, решено было сварочный выпрямитель с балластным реостатом смонтировать на улице в средней части между воротами. А сварочные кабели пустить: один с фазой по верху колонн на высоте 4-х метров. Другой, нулевой - ниже по земле. В двух частях в середине стоящих бульдозеров сделать ответвление от этих кабелей для подсоединения электрода – держателя с десяти метровым отрезком кабеля.

В нижней части такие же ответвления решено было сделать и по нулевому проводу. Минут через 30 электрик привёз со склада новенький ВД-500 и выдавший виды РБ-300. Подсоединение у него заняло времени ещё около часа. Я же, разделявая и сплетая каждую косичку кабеля, провозился до обеда и после обеда с час времени. Потом, опробовав систему на дальних от выпрямителя точках, остался доволен.

Пришёл главмех. Я ему объяснил, что такой способ заплетения каждой косички кабеля с предварительной зачисткой её от изоляции позволит потом быть спокойным в том, что в течение длительного периода времени нагрев кабеля в этом месте будет небольшим, и что кабель не оплавится, не раскраснеется и быстро не перегорит.

Главмех молча выслушал, и согласно кивнул головой.

В целом ему работа моя эта первая понравилась, но никогда он никого не хвалил, и внешне лицо его никогда не выражало никаких эмоций. Было не понятно доволен он твоей работой или нет. Чувствовалось, что он пришёл из Армии. Потом старатели действительно это подтвердили. В Армии он, то же служил специалистом по ремонту техники. Причём говорил он всегда кратко и лаконично, как вбивал гвоздь одним ударом. Старатели его боялись, а механики за богатство знаний по организации ремонта техники уважали. Иногда главмех задавал вопросы, и если ответы его устраивали - согласно кивал головой. Этим своим поведением он высоко держал марку СТАРАТЕЛЯ.

В заключении он велел кому-то принести мне ведро с водой, которое я должен был всё время таскать с собой в целях противопожарной безопасности. Требование это, как я потом убедился, было далеко не лишним.

Гараж был деревянным и возможность возникновения возгорания между брёвен от сварочных искр, где была проложена утеплительная пакля, была очень велика.

_____ «» _____

Первым серьёзным заданием, которое я получил на следующий день, необходимо было смонтировать по всему гаражу заземляющий контур. В помощь мне выделили одного молодого бульдозериста. Для изготовления заземляющего контура снабженцы завезли полосовой материал шириной в 40 мм. и толщиной в 6 мм. Из такой полосы получается надёжное заземление служащее длительный период времени.

Когда мы разваривали контур в тех местах, где была прибита на стенах жёсть, то мы были спокойны, что эта жёсть не даст возможность проникнуть искрам между брёвен и воспламенить паклю.

Когда же наш контур пришлось разваривать у брёвен, то начались эти трудности. Перед сваркой, как положено по противопожарной безопасности, мы обильно проливали стену из ведра не переставая таскать воду. Благо нам разрешили забирать её из отопительной системы. Но всё равно. Разваришь пластины в одном месте, переходишь к другому. Разваришь там и возвращаешься на старое место, а там, как правило, где то уже между брёвен идёт тоненький дымок. Тлеет сухая пакля.

Я сначала набирал воду в рот и тонкой струйкой старался попасть между брёвен и загасить тление. Какое-то время мне это удавалось.

Мужики при этом гоготали, тыча пальцем в мою сторону, - смотри москвачь с брёвнами целоваться начал, - ржали они надо мной.

Но вот наступил такой момент, когда я не на шутку испугался. Дым валил и валил всё больше и больше из одного места, а все мои «целования» с брёвнами результатов никаких не давали.

Отчаяние овладело мною.

- Что же делать, Господи, помоги мне! - пронеслось в моей голове.

И тут же Ангел – Хранитель, это только теперь я понимаю, передо мной представляет кисть руки токаря со спринцовкой, когда я за его работой наблюдал в соседнем механическом боксе. Он из этой спринцовки поливал охлаждающей эмульсией вытачиваемую деталь.

Правильно! Мелькнуло у меня в голове.

Я кинулся к токарю. Объяснил ему ситуацию. Он безоговорочно отдал мне спринцовку.

Я начал ставить стенам клизмы. В этом месте только после пятой клизмы под сильным давлением дымок окончательно перестал виться.

Продолжая работу, стал ждать, когда мужики в очередной раз поднимут меня на смех за эти клизмы.

Но реакция оказалась самой противоположной. За эту смекалку на меня немного стали уже смотреть по-другому и кажется с некоторым уважением. Работа пошла значительно быстрее.

К концу смены, через 12 часов работы, почувствовалась не столько физическая усталость, а психологическая. Постоянная нервотрёпка: загорится или не загорится? Вот что вымотало нас за этот день. В конце смены пришёл главмех. Он с удивлением стал рассматривать, как мы ставим стенам клизмы.

Я ему показал спринцовку и рассказал, почему нам её пришлось применить.

Взглянув на нас, он отдал распоряжение организовать в течение двух часов наблюдение за помещением после окончания работы.

Наблюдатель был выделен, но возгораний нигде не было замечено.

После работы мы шли в столовую, а потом в тардоху.

Перед тардохой надо было наколоть дров, что бы на ночь хватило и занести их в помещение подсушиться немного.

Выполнив и эту работу, растопив жарко печь, до красноты с особым удовольствием вытянулся на нарах и почти мгновенно уснул.

Во сне я слышал, как пришёл пекарь и дровосек и то же тихонько улеглись спать.

_____ «» _____

На следующий день сварочной работы в гараже почти совсем не было и меня направили то же на ошкуривание брёвен.

Я помнил свою норму. Надо было ошкурить не менее восьми брёвен.

Сидеть и отдыхать при этом разрешалось 2 раза и только по 15 минут: первый раз с 10 часов утра и до 10⁻¹⁵; и второй раз с 15 часов до 15⁻¹⁵.

Подойдя к площадке, где работали остальные плотники, мне показали в деревянном ящике 4 топора и предложили на выбор один из них.

Потом подвели к куче сосновых брёвен.

Я выбрал одно из них среднего размера и откатил его по лагам в сторону от кучи.

Выложив его на куски брёвен – швырки, начал потихоньку его отёсывать. С первых ударов топором обнаружилось, что бревно покрыто льдом. Это заняло времени раза в 4 больше чем, если бы бревно было бы не обледенелым. Кто занимался топорной работой, тот знает, что обледенелые брёвна отёсывать тяжело. С большим трудом я закончил восьмое бревно отёсывать за 15 минут до окончания двенадцатичасового рабочего дня.

На второй день, на мою радость после обеда пришли за мной и сказали, что бы я шёл ещё с тремя мужиками на свиноферму и помог местному свинарю кастрировать борова по кличке «Борька».

До этого ему пытались помочь несколько человек и не справились.

Я с удовольствием положил свой топор в ящик к остальным топорам.

Свиноферма была в ста метрах от столовой, на спуске с холма, в противоположную от столовой сторону.

Свинарь рассказал, что надо Борьку загнать головой в пустую бочку. Потом мы эту бочку должны будем поднять вверх, и он, после того как закончит оперировать и зашивать рану, тогда мы опустим бочку и выпустим борова из плена.

Возились мы с Борькой около 10 минут что бы поднять бочку.

Не могу описывать те надрывные стоны, которые мне пришлось услышать от бедного борова.

Но такова участь ожидала всех боронов, что бы мясо после забоя, пахло так, же как у свиньи их надо было кастрировать за полгода до забоя.

Когда мы выпустили Борьку из бочки, он с надрывным стонущим визгом повалился к стенке своего лежака. Смотреть на него было не возможно, и мы все быстро вышли из свинарника.

Как нам сказали потом, вечером на ужине, сердце Борькино не выдержало и разорвалось.

Услышав это, я подумал: «Еще бы, тебя бы дурака самого засунуть в бочку, задрать вверх ногами и кастрировать. От недостатка кислорода в бочке, да и от прилива крови к голове, ты бы сразу окочурился, ещё до того как к тебе с ножом подошли бы. Живодёр несчастный».

Противный осадок от участия в содеянном, долго не оставлял меня в этот вечер и в течении нескольких дней после этого.

На следующий день к двенадцати часам послышалось характерное тарыхтение вертолѐта.

- Вертухан летит! – раздался клич старателя, который первым услышал и среагировал на шум двигателя.

Мы быстро вышли из гаража и стали смотреть в небо, где с большой земли летел вертолѐт.

- Десять человек в машину на разгрузку вертолѐта, - раздалась команда из подъехавшего ЗИЛа.

Мы с удовольствием попрыгали за борт автомашины.

Вертушка в это время уже коснулась своими колѐсами посадочной площадки.

Посадочные площадки в тайге делают из длинных брёвен, укладывая их комлем к вершине.

Один накат брёвен чередуется с другим накатом в противоположном направлении. И так в 3; а то и в 4 наката.

Но и всё равно опытный вертолѐтчик очень осторожно сажает, как правило, гружёный вертолѐт на площадку. Он, зависая, очень медленно даёт нагрузку на шасси и потом, когда убеждается, что бревенчатый накат не подведѐт, полностью даёт нагрузку на шасси. Выключив винты, все ждут, когда они остановятся, а потом выходят из вертолѐта. Наиболее часто техник сам открывает грузовые люки, когда винты ещё крутятся. Как только винты остановились мы стали быстро выгружать все грузы, из вертолѐта складывая их прямо рядом с грузовыми люками не оттаскивая грузы далеко.

Буквально минут через 10 грузовой отсек был освобождѐн.

На вертушке было ещё восемь человек старателей.

- Хорошо, - одобрительно сказал мне мой сосед, - теперь, наконец, то работа по подготовки техники к зимнему сезону и к промысловому сезону пойдѐт в полную силу.

- Почему это? - спросил я.

- Да ребята опытные прилетели на нѐм, - ответил он.

Как только вертолѐт взлетел в воздух и отвалил в сторону, быстро подъехал ЗИЛ. Минут через двадцать он был уже загружен тем грузом, который мы выгрузили из вертолѐта. Попрыгав в кузов, мы тронулись в обратный путь.

У столовой нас остановили и меня с кем-то ещё из старателей поставили на колку дров.

На небольшой площадке лежали распиленные бензопилой сосновые дрова. Рядом валялся специальный колун. Он действительно был специального изготовления из сваренных кусков рессоры бульдозера японской фирмы КАТО. Весил он килограмм 10 или 15. В него была продета и приварена ручка, изготовленная из толстостенной трубы двухдюймовой.

Вот таким только колуном, с одного хорошего удара, можно было сразу расколоть метровые куски брёвен.

- Почему метровые? - спросите Вы.

Да потому что печка у повара в столовой была длинной в полтора метра. Печь была самодельной. Изготовлена она была из стали листовой толщиной в 10 мм. Швы были сплошными и проварены они были добротно и с обеих сторон. Сзади печи за вытяжной трубой диаметром в 200 мм было приварено отделение для кипячения воды. В зимний период времени туда закладывались привезѐнные с замѐрзшей реки куски льда.

Вот настала и моя очередь помахать колуном.

Что бы работать таким колуном, нужно сначала было приспособиться к нему.

Я стал поднимать его над головой, слегка отводить назад, а потом резко опускать колун, вкладывая всю свою силу в удар.

Со второго или с третьего удара чурка раскалывалась пополам.

Самое главное нужно было попасть колуном в то же самое место туда, куда первый раз наносился удар.

Это мне почти постоянно удавалось. Сказался положительный навык работы топором, когда дома заготавливали дрова на зиму.

Так прошло некоторое время и незаметно подошло обеденное время.

К столовой стали подходить старатели.

Подойдя поближе, один из них заметил другому: «Посмотри москвач старается. Покажи ему свой экстрокласс работы».

Его карифан не заставил себя долго ждать, подошёл ко мне со словами: «Москвач, дай колун, посмотри, как надо работать».

Отобрав у меня колун и выставив вертикально чурку, он качнул колун как маятник вниз один раз вперѐд, потом резко по кругу назад и, сделав круговое движение им над своей головой, точно нанѐс удар в середину чурки. Удар был такой силы, что морозная чурка метровой длины со звоном разлетелась пополам.

- Ставь ещё, - приказал он.

Разбив так три чурки, он поставил колун вертикально на землю и сказал: «Вот так москвач, надо работать».

У меня не было слов комментировать это. Я был в шоке от увиденного.

Глядя на меня и видя как моё лицо вытянулось от удивления «старик» ухмыльнулся довольно в свою бороду, и неспешно пошёл со своим карифаном к столовой - обедать.

Я то же пошёл за ними следом на обед.

Обед длился полчаса. Потом не спеша посидели у столовой минут десять и пошли отрабатывать свою подёнку.

Ко мне подошёл старший старатель, назначенный за организацию заготовки дров.

- Масквач! – обратился он ко мне. – Свою норму знаешь?

- Нет, ответил я.

- Заготовить должен поленницу высотой с человеческий рост и длиной в шесть метров. Это из расчёта на целый день работы. Ты начал работать перед обедом минут за 20. Это как разминка тебе. Она не в счёт. А должен наколоть половину нормы обязательно. Понял? – закончил разъяснение старатель.

- Чего ж не понять, - ответил я, берясь за ручку колуна.

С нормой своей я тогда справился. Но мышцы рук от проделанной работы приятно побаливали.

_____ «» _____

На следующий день меня опять послали в гараж. Там начались ремонтные работы, и срочно потребовалось выполнять сварочные работы.

В первые два или три дня работа настраивалась. Люди присматривались друг к другу.

Если раньше в гараже стояло на ремонте два бульдозера, то теперь в него загнали все шесть бульдозеров – на полную загрузку.

В левой стороне гаража в механической мастерской загудели станки.

В правой части гаража, ожила мастерская по ремонту двигателей. Самые уважаемые в артели старатели – это двигателисты и кассиры ЗПК.

И те и другие считались у нас особой рабочей элитой.

К 10 часам меня пригласили на чаепитие к двигателистам. Я был слегка польщен этим.

В мастерской работало 4 двигателиста. Руководил работами старший из группы. Ни фамилии, ни имени с отчеством, к сожалению, за столько лет, я уже не помню сейчас.

Познакомились. Старший и солидный лет 50 мужик, кажется, его звали Василием, рассказал сначала о себе: откуда приехал стараться и сколько времени старается, и где ему пришлось работать по специальности. Помню, что старался он уже пятый сезон; а двигателистом работать начал по ремонту двигателей, где то на Севере.

Потом меня спросили, где я в Москве работал?

Я перечислил те места, где мне пришлось работать. Когда рассказал, что работая в КБ «Салют» принимал участие в разработке сварочного процесса и в самой сварке кресла космонавта для космического мотоцикла, услышал в заключение от старшего: «Я слышал, что тебе наши кликуху дали «Масквач»? Вот теперь у тебя кликуха будет «Космонавт». При этом он добродушно посмотрел на меня.

Я же, посмотрев на свои наручные часы, про себя заметил, что регламентное время на перерыв краткий уже закончилось. Не успел я и рта своего раскрыть, как Василий опять же в добродушном тоне сказал, что бы я на свои ходики не паялся. Им в зимник (так назывался зимний период стараний) дается некоторое послабление, и они на личный отдых тратят времени раза в два подолее. Властный тон и жёсткий голос сразу подчёркивал, что передо мной сидит настоящий лидер и настоящий психолог среди своих товарищей.

Здесь, уважаемые читатели, необходимо пояснить: вы видимо уже поняли, что вместо имени и отчества в артели среди простых старателей существовали клички. Я сразу не мог понять, почему это среди старателей возникло? Потом понял. Людям так проще запоминать друг друга. Возникает это явление, как правило, среди людей привыкших выполнять свой тяжёлый физический труд в течение длительного периода времени. И это в целом должно быть оправдано. Не нужно напрягать память и вспоминать, как кого зовут. Вместе с тем, добиться того, что бы тебя стали называть по имени и отчеству или для краткости просто добродушно уважаемо - только по отчеству – надо было ещё и заслужить. Поэтому, получив такую классную кликуху от ребят, я воспринял её как аванс, который необходимо ещё было отработать, не ударив в грязь лицом.

Итак, потекли рабочие дни за днями.

На ремонт и подготовку бульдозера к промывочному сезону давалось от 4 до 10 дней в зависимости от технического состояния бульдозера. Работали на бульдозерах марки С 100 и С 130. Их в артели было в то время почти поровну. Было принято технику использовать по максимальной нагрузке. Списывались бульдозеры, если рама его треснет и лопнет, не менее чем в двух местах. Были в артели и несколько японских бульдозеров фирмы Камацу. Один такой «японец» по производительности заменял пять или шесть наших С 130 переоборудованных для работы на вечной мерзлоте.

Переоборудованием новых С 130 и ремонтом старых, отработавших промывочный сезон бульдозеров мы все и занимались в то время.

Дело в том, что если взять новый бульдозер С 130, полученный с завода, и запустить его на рыхление породы вечной мерзлоты с необходимым комплектом навесного оборудования и с твёрдосплавными коронками на рыхлителе, то проработает он в лучшем случае минут двадцать, а потом начнёт сыпаться. Его поэтому необходимо предварительно разобрать и заново собирая, как следует, каждое болтовое соединение с максимальным усилием затянуть. Многие места приходится проваривать после затяжки, накладывая определённые сварочные швы. Только опытные старатели знают, где и как протянуть болтовое соединение и на каком из них наложить определённой величины сварочной шов. Болты крепления башмаков гусеничных траков, например, после затяжки дополнительно нагружают, гоня бульдозер около часа на максимальной скорости по окрестным дорогам, потом затягивают каждый болт вторично и полностью обваривают на нём гайку. Если необходимо демонтировать это болтовое соединение, то его ставят в горизонтальное положение и сплавляют на повышенном режиме сварочной дугой гайку.

И ещё один из примеров: на пальцы соединения гусеничных траков, что бы они быстро не выдавливались, с обеих сторон навариваются ограничительные штыри диаметром не менее 10 мм. Потом в случае демонтажа звена гусеничного эти ограничители сплавляются так же сварочной дугой.

Вот этими и ещё очень многими другими работами мне и приходилось там заниматься.

Работа на зимнике в гараже текла размеренно и в то же время быстро.

Как я уже указывал, послабления некоторые на зимнике давались. Они заключались в том, что регламентные перерывы на обед и отдых перекрывались в это время в полтора - два раза.

Работали мы в своей старательской артели официально по 12 часов. А не официально и по 13 и по 14 часов. Работали столько, за сколько будет выполнено задание горняка (горного мастера авт.) или, как на зимнике, главмеха. За это время отдохнуть можно было только три раза. Один раз в течении 15 минут: с 10 часов до 10⁻¹⁵, другой раз в обеденный перерыв - в течении получаса с 13 до 13⁻³⁰; и в третий раз то же в течении 15 минут с 15 часов до 15⁻¹⁵.

Всё. В остальное время, если горняк заметит кого - либо сидящим и отдыхающим, то первый раз объявит за месяц КТУ=90%. Во второй раз объявит за месяц КТУ=70%. А в третий раз КТУ=50% с исключением из артели.

И ещё, что бы принять участие в общем долевым расчёте артели, необходимо было отработать за сезон не менее 220 подёнок как правило, без выходных.

Не каждый нормальный человек это выдерживал.

Меня выручало то, что работал я газосварщиком сидя на своём пожарном ведре с водой.

Работали некоторые группы мышц, а большинство из них отдыхало. Иначе я бы не выдержал такой работы – добровольной каторги, как её называли местные жители.

Работая непрерывно под сварочной маской, я часто пропускал время, отведенное под дополнительный отдых (перекуры как мы их называли). В это 15 минутное время нам разрешалось попить чаю и поболтать друг с другом. Когда находишься в непрерывном рабочем процессе то как правило забываешь о положенном тебе времени.

И ещё была одна проблема. Стёкол тёмных для защиты глаз сварщиков не было вообще на складе и случись что либо с единственным моим стеклом – работу сварщика пришлось бы уступить конкуренту у которого всё уже было наготове.

Простые стёкла для защиты тёмных стёкол от сварочных брызг то же были в дефиците.

Я в своих письмах домой просил выслать в свой адрес эти стёкла. Написал и своей маме о своих трудностях в работе и проблемах.

В ответных письмах жены задавались вопросы, где ей эти стёкла можно взять.

Я написал, что мой сосед по квартире, карифан, то же сварной должен меня выручить и помочь со стёклами.

-----«»-----

Как я уже описывал, когда мы, приехав на участок, разделились по тардохам, со мной рядом в некурящей тардохе оказались пекарь и дровосек.

Пекаря звали Виктором. Он был из русских, но родом из Самарканда. Там он, работая в местной пекарне, овладел искусством выпекать хлеб. Выпекал он подовый хлеб в специальных алюминиевых прямоугольных формах. Хлеб был ноздреватый, пористый. Вкус его был отменным. Сжатый мякиш распрямлялся почти полностью. Когда прилетал вертолёт из Иркутска за золотом, вертолётчики всегда просили взять с собой две, три буханки с хлебом. Им щедро готовили всегда мешок холщёвый со свежим хлебом. Я сам видел как пилоты, взяв одну буханку хлеба, разрывали его на куски и с жадностью и с особым смаком уплетали, хваля искусство пекаря и завидуя нам артельщикам, что мы можем наслаждаться таким вкусным хлебом.

Дровосека звали Анатолием. Родом он был из местных. Родился и вырос в г. Алдане и никогда и никуда из Алдана не выезжал.

В первое мгновение, когда я его увидел, я подумал что ему лет 80 от роду. Настолько его лицо было старым и морщинистым. Нижнюю часть лица обрамляла обильная борода в виде лопаты. На самом деле ему оказалось 33 года. Так было со многими людьми кто из-за отсутствия в магазинах водки или вина с раннего возраста пил всякую дрянь – фанфурил. Он стеснялся такой своей внешности и сторонился общаться с людьми. У него был родной брат. Он так же старался у нас в артели, носил почти такую же бороду, но жил отдельно. Характерно, что братья любили друг друга и не могли и дня друг без друга прожить не повидавшись. Причём достаточно им было хотя бы мельком увидеться друг с другом и на душе у Анатолия сразу же воцарялось спокойствие. А когда виделись и общались значительно дольше то, тут же начинали ссориться друг с другом, пикируясь словесно и не уступая друг другу даже по пустякам. Поэтому жили они порознь, что бы лишний раз не пикироваться друг с другом.

Один раз помню, старший брат на недельку договорился с главмехом, и улетел в Алдан. Ему надо было достать, где то в других организациях запчасти для ремонта тягача. Так младший Анатолий извёлся весь. Не находя себе места вечерами после работы ходил взад и вперёд до самого отбоя по тардохе, охая и вздыхая часто повторяя вслух один и тот же вопрос: «Как же мой там братишка?»

Мы с пекарем переглядываясь друг с другом как могли так и уговаривали Анатолия не переживать так о брате, заверяя что с ним ничего не может случиться. Толик после этого успокаивался на какое то время, а потом опять начинал свои хождения маятником взад и вперёд по тардохе охая и вздыхая.

Когда старший прилетел, он сразу же зашёл к нам повидаться и успокоить своего младшего братуху.

Выпили они на радостях фанфурика за встречу, и разошлись по разным тардохам.

Братьям была поручена ответственная работа по заготовке дров в артели. В их распоряжении был выделен один гусеничнотранспортный тягач и две бензопилы «Дружба». На тягаче старший брат привозил сваленные и разделанные им хлысты деревьев. А Анатолий их распиливал на коротыши сантиметров на 10 меньше чем топочное пространство в печи. Иногда, когда кому то, однообразие работы надоедало, братья менялись местами. Младший Анатолий так же искусственно водил тягач и тралевал (собирал и перевозил хлысты) лес, не уступая в мастерстве своей работы ни в чём старшему брату.

Один раз Анатолия сняли с распиловки дров и послали к нам в гараж на усиление одного ремонтного звена. Напарник одного бульдозериста запаздывал на неделю со своим приездом в артель, и Анатолию пришлось ему помогать.

С первых же минут работы Анатолия я услышал его кликуху – Леший.

По началу, я удивился меткости её. Внешне он действительно выглядел таким: старым, с большой окладистой бородой, напоминавшей по своей форме лопату. Повинуясь стадному рефлексу, я поначалу обрадовался да же, и так же стал звать Анатолия по его кличке. Но потом, буквально через несколько часов я стал замечать, что, то не то. Анатолию необходимо было помогать основному бульдозеристу, ремонтировать тот бульдозер, на который его и поставили. Однако со всех сторон со всех шести бульдозеров стали раздаваться призывы с требованием, что бы Анатолий и им всем помогал. Толик стал, затравленно озираясь по сторонам, стараться безотказно успеть помочь всем, кто его к себе звал. Причём вместо благодарностей от ремонтников слышались в его адрес одни насмешки. Я видел, что Анатолий это всё тяжело переживает и стал задумываться над происходящим.

Развязка всему этому произошла как то сама собой.

Пришла очередь заварить сварной шов на том основном бульдозере, который был официально закреплён за Анатолием и его бульдозеристом. Он подошёл ко мне и тихо, как то, затравлено озираясь вокруг, попросил меня пройти с ним к их бульдозеру. Смотав провода с держателем и массой, я, одев мотки

с кабелем на плечи, двинулся в противоположную сторону гаража. Размотав провода, и подцепив их к сварочной кабельной линии, выполнил сварные соединения. На всё про всё ушло минут 15-20. Закончив варить, я обратился к Анатолию.

- Слушай Толик. Ты кончай шестирить перед мужиками. Наплюй на них и не обращай внимания на их насмешки. Посылай их дальше солнышка и про себя. А в голос говори, что со своим бульдозером столько же работы как и у всех будет. А то и поболее может быть.

- И вот ещё, - продолжал я, - посмотри на себя внимательно, никакой ты не урод. Внешне такие лица издревле на иконах писали. У тебя типично чисто Русское лицо, которое ещё великий древнерусский живописец Андрей Рублёв на своих фресках изображал.

Нужно сказать, что здесь я несколько не лукавил. Это действительно было, так, как я ему говорил, и всё это у меня вышло спонтанно и от всей души.

- Давай старайся Толик и не транжирь деньги. Отстараешься, приедешь ко мне, и мы с тобой в Рязань махнём. Там найдём тебе молодку. Будешь с ней жить поживать и детишек наживать. Там женщины знаешь, какие голодные? На трёх женщин один мужик будет. Или в Иваново ткачиху тебе найдём. Будет обшивать и наряжать тебя в костюмы пижонистые.

После этих слов смотрю я, а у моего Анатолия глаза из орбит вылезли и на лоб полезли.

Я встал, смотал привычно кабели сварочные, и пошёл к другому бульдозеру, где меня уже зазывали к себе.

Когда началось чаепитие, и меня пригласили опять к дизелистам на чай, я, придя к ним в гости попросил позвать в нашу компанию и Лешего.

Сначала все оцепенели от такого предложения и посмотрели на старшего - Василия. Тот взглянул на меня вопросительно и согласно кивнул головой.

Я вышел из помещения и громко позвал Анатолия: - Леший иди сюда!

Тот не заставил себя ждать и быстро вырос на пороге, думая, что его я позвал для того, что бы что нибудь сделать.

- Давай с нами в Чайковского сыграем, так мы называли наше чаепитие.

Анатолий, не веря своим ушам, обалдело на нас уставился.

- Давай попьём, - выдавил он из себя с широко раскрытыми глазами. Причём было видно, что он сам не верит, что попал на чай в нашу компанию.

Когда стали пить чай, я, обращаясь ко всем, глядя в глаза Василию, повторил то, что говорил Анатолию перед этим.

Как я и предполагал, дизелисты ничего не знали о проделках и издёвках бульдозеристов над Анатолием, потому что они работали в отдельном помещении и что твориться в основном помещении гаража не знали. Меня поддержал Василий, а вместе с ним и остальные мужики, и, слава Богу.

Когда закончилось чаепитие, все разошлись по своим рабочим местам.

Я принялся обваривать очередной сварочный шов, а Анатолий направился к своему бульдозеру помогать старшему бульдозеристу, крутить гайки.

Минут через пять со среднего бульдозера раздался зычный голос.

- Леший, иди сюда!

Анатолий посмотрел на кричавшего, и спокойно ответил:

- Чего надо?

- Иди, подержать надо я гайку наверну.

- У тебя свой напарник есть. Вот его и зови. Это его и твоя работа, - спокойно продолжал Анатолий.

- Что.о.о? - удивлённо вытаращив глаза закричал бульдозерист и с тяжёлым гаечным ключом, которым собирался затягивать какую то гайку, соскочил с бульдозера и направился к тому бульдозеру на котором работал Анатолий.

- Ты чо, фраерится задумал? Не слышал что ли? Я тебе сейчас уши прочищу!

- Э. э. э! - закричал я, видя, как Анатолий сжал в правой руке здоровую монтировку.

- А ну назад! - раздался позади меня знакомый голос Василия.

Я обернулся. Точно он. Чувствуя, что от такой братвы, можно ожидать всего чего угодно, бугор сам вышел в народ.

С правой стороны от Василия стоявший молодой парень быстро вскочил на бульдозер и встал посредине опасно сблизившихся мужиков.

- Ну ты, пижон! - обратился он к опасно сблизившемуся бульдозеристу, - не ясно было сказано?

Бульдозерист не ожидал такого развития событий. Он обернулся и посмотрел на собравшихся.

- Что, Леший? - продолжал не униматься он, - и вы за эту рожу заступаться начали?

- Где твой напарник? - спросил у бульдозериста бугор.

- До ветру пошёл – ответил он.

- Что то он часто до ветру ходит, - продолжал бугор, - а Анатолий его не должен подменять. У него свой бульдозер есть, за который с него и его напарника спросится.

- Объявляю вам с напарником КТУ=0,9 в целом за месяц, - продолжил он.

- Что.о.о? Из-за Лешего мне КТУ занижать? – продолжал не униматься бульдозерист.

- Так! Не ясно я вижу? Тогда объявляю тебе лично КТУ=0,7 в целом за месяц, - продолжил бригадир.

Следующим должно было быть объявлено увольнительное понижение КТУ до 0,5 - и на вертушку (на вертолёт) – вон из артели. Бульдозерист знал это и сразу сник весь, как будто из него выпустили воздух. Кому хочется с таким позором уезжать домой, не заработав да же на обратный билет.

Мне впервые в этот раз пришлось увидеть объявление понижения КТУ и на меня оно произвело сильнейшее впечатление.

На следующей неделе прилетел на вертолёт напарник бульдозериста, и Анатолий отправился к своей бензопиле. Брат натаскал из тайги ему множество хлыстов, и они ждали своего часа.

А ещё через неделю ударили крепкие морозы.

Пообедав, заглянул в тардоху, поваляться на топчане минут 15, я увидел как Анатолий, который заготавливал в нашу тардоху дрова, вскочил в неё как ошпаренный с морозу и кинулся согреться к раскалённой печке.

- Ты чо, Толик? – спросил я его.

- Да вот не рассчитал. Думал, на склад снабженцы теплые белье завезут, а они с ним, где то в дороге застряли, - ответил он.

Я встал, и открыв чемодан достал один из трёх своих комплектов тёплого белья.

- На, одень и носи не мёрзни, - с этими словами я кинул белье на топчан Анатолия.

Тот вопросительно уставился на меня.

- Зачем? – протянул он удивлённо.

- Затем, - в тон ему ответил я, - чтобы не мёрзнуть. Носи, у меня ещё два есть. Мне их хватит. Не солить же их. А то чемоданы таскать тяжело. Барахла, видишь, много с собой привёз.

Дважды повторять не пришлось. Анатолий с радостью стал сразу одеваться в тёплые бельё. А я пошёл дорабатывать свою смену.

-----«»-----

На следующий день, подходя в тардохе, на моё удивление когда я уже приблизился к входу, то увидел что кто то наколот дров, дня на два. Распахнув дверь с мороза, почувствовал, как лицо обдало приятной волной тёплого воздуха.

На раскалённой печке стоял наш большой алюминиевый чайник, и по тардохе приятно пахло свежесваренным чаем. У стола стоял Анатолий. Услышав как дверь распахнулась, он обернулся, и, увидев меня, расплылся в довольной улыбке.

Я не сразу понял, что это он ради меня расстарался. Наколот дров, истопил печку и, вскипятив чай, заварил его.

На убранном столе, застеленным чистыми газетами вместо клеёнки или скатерти, стояли открытые консервы рыбы, мяса и кабачковой икры. Анатолий раскладывал только что нарезанный свежеспечённый хлеб.

- Идите чай пить, - позвал он меня.

- Спасибо, сейчас, - ответил я, не смотря на то, что шёл только что из столовой.

Зачерпнув из стоящего у входа в дверь противопожарного ведра ковшик воды, попросил его слить мне на руки. Помыв руки на улице, быстро заскочили в приятное тёплое пространство тардохы.

Когда пили чай, Анатолий спросил меня, почему я приехал к ним в эту дыру.

- Понимаешь Толик, - начал я, - мать у меня бьётся в жизни одна как рыба об лёд. Когда закончилась война, встретила она моего отца. Любили они в Армии песню распевать вдвоём «Смуглянку молдаванку». А когда Победу объявили, то люди к гражданской жизни рванулись изо всех сил, как только могли. Вот и моя мать всю войну свою честь берегла, а в этот святой день 9-го мая 1945 года перед моим красавцем отцом, не устояла. Когда я родился, то врачи, увидев, что из меня по стакану крови выходит, отказались меня лечить, заявив, что я уже не жилец. На Краснополянской улице, где мы жили, жила врач гомеопат по фамилии

Карасёва. Она, посмотрев на меня, сказала, что грех будет такого карапуза не вылечить – и вылечила. Отец же, пока она со мной возилась в роддоме, и первое время у своих родных матери и отца, изменил ей, переспав с другой женщиной. Мама ему этого не простила и ушла от него, когда мне было 7 дней отроду. Я рос без отца. Воспитывали меня бабушка и бабушка по материнской линии. Мама же тянулась к жизни, и ей хотелось иметь ещё детей. Встретила она своего второго мужа, от которого у меня сестрёнка Верочка появилась. Её она вдвоём уже с этим мужиком первое время поднимала, а потом и он от неё ушёл. Где только она не пыталась найти работу. Потом, правда, осела в механическом цехе учётчицей по материалам.

Так вот хочу я ей, когда отстараюсь подарок сделать, гарнитур столовый мебельный купить. Она ведь не только этого достойна?

Ну и естественно домой в семью остальные деньги потратить. То же нужда заела. Когда жена у меня забеременела, у меня в кармане 40 копеек было. Где деньги брать? Лезть в квартиру и мочить богатеньких? Пошёл по квартирам, только не мочить богатеньких, а услуги им предлагать. Кому шторы повесить; кому замок врезать, кто этого не умеет делать; кому антенну к телевизору подвести; кому двери обить утеплителем.

Ходил, халтурил. В особенности поднаторел на телевизионных кабельных антеннах.

А в последнее время менты достали. Ходу не дают совсем никакого. Обнаглели с поборами. Вот я и решил в старатели податься, - закончил я свой рассказ.

- Ну а ты как живёшь? – спросил я Анатолия.

Тот посмотрел на меня, и махнул рукой.

- Детдомовские мы, - только и всего произнёс он, - отец с матерью нас двойняшек в детдом сдали – мы их совсем и не видели.

Расспрашивать Лешего дальше о его жизни – это значить сыпать ему соль в открытую рану - и я естественно заткнулся.

Мы ещё посидели и помолчали, каждый думая о своём.

Потом Анатолий с благодарностью взглянул на меня и ещё раз поблагодарил меня за тёплый комплект нижнего белья. Сказал, что никто и никогда ему в жизни подарков не делали и это первый подарок у него от другого человека.

Услышав это, у меня какая-то спазма в горле нервная схватила, и глаза противно стали пощипывать как будто лук только что пришлось разделывать.

Я сделал вид, что разозлился и запретил ему больше об этом говорить.

-----«»-----

Через некоторое время пришлось уйти работать в ночь. Работая ночью никто, не стоял над душой и не смотрел какой у меня сварочный ток. Самое главное надо было справиться с заданием – и всё. На ночные работы оставляли объёмные сварочные работы, такие работы, как например наплавку ленинцев. Старались загрузить сварщика полностью на все 12 часов рабочего времени. Но всё равно с час или два у меня оставалось свободного времени почти постоянно. С целью показухи, я растягивал работу по времени, что бы ни подумали, что меня загружают не достаточно.

Каждую неделю участок Алексеевский принимал вертолёты.

Иногда прилетал один, а иногда несколько.

Точно не помню, но, кажется, за неделю до Нового 1986 года к нам прилетела последняя перед Новым годом партия старателей. Среди них был сварной по кличке Барабан.

Этот день запомнится мне на всю оставшуюся жизнь.

Придя с работы как всегда в 20³⁰ вечера, я с удовлетворением заметил, подходя к тардохе, что у порога лежит уже куча наколотых дров. У крыльца вовсю старался Леший, распиливавший бензопилой плети на чурки. Кивнув ему головой и послав приветственный знак поднятой рукой, зашёл в тардоху.

Тёплый воздух вперемежку с табачным дымом резко ударил мне в лицо. Я сразу понял, что у нас поселились приезжие, прилетевшие с последней партией старателей.

- Привет честной компании, - громко поздоровавшись, я вошёл в тардоху.

За столом сидело человек восемь. На столе стояло множество пузырьков уже пустых из-под одеколона «Шипр». Лежали несколько кусков сельди и разломанные куски белого хлеба. Типичная закуска старателя, - подумалось мне. Бросив равнодушный взгляд на стол, я, усталой походкой, радуясь, что не придётся топить печку прошёл к своему топчану и, раздевшись, завалился на него.

- Москвач! Фанфурить с нами будешь? – раздалось приглашение кого-то из мужиков.

- Не спасибо ребята, - ответил им, - я не фанфурю. Спиртика или водочки я бы с устатка выпил бы немного, а фанфурить нет – не могу.

Последние смены у меня проходили особенно тяжело, и эта смена не являлась исключением. Мне приходилось почти бегом бегать, быстро перемещаясь с одного края гаража в другой сматывая и разматывая каждый раз свой длинный кабель с держателем. Второй провод с «массой» мы уже заранее вывели на все бульдозера. Для того, чтобы ускорить перемещение, я стал накидывать витки кабеля себе на шею. Получалось не совсем комфортно - зато быстро.

Усталость брала своё, и я стал медленно погружаться в сон несмотря на то, что бензопила у входа в тардоху то взревела своим воем, то впадала в небольшое урчание.

Сквозь сон мне слышались голоса приехавших мужиков.

- Кто этот москвач, что он так фраерится? – спрашивал один голос.

- Да комуняка какой то, - отвечал другой. Говорят в министерстве где то работал.

- А вдруг это стукача к нам прислали? Ведь недаром его к нам ОБХС-ник воткнул? – спросил другой голос.

- Да ладно Барабан, ты вечно, что нибудь придумаешь, - возразил ему первый голос.

- А давайте его просто вздёрнем и всё, - предложил, как я уже знал по голосу Барабан.

Вот трепачи, болтают всякие глупости, подумал я, и стал всё больше и больше погружаться в сон.

Голоса стихли, и стали как то отдаляться.

Потом я вдруг почувствовал, как на меня упало сверху на грудь и на ноги что-то тяжёлое. Сон мгновенно улетучился и я понял, что это не шуточки. Двое мужиков лёжа на мне, крутили мне ноги и руки. Ещё двое помогали им спереди и сзади. Я и опомниться не успел, как меня потащили к выходу из тардохи. Там на последней перед выходом на улицу балке уже висела верёвочная петля. Я заорал и стал извиваться как червяк, подтягивая ноги коленями к подбородку и резко отталкиваясь ими, раскачивал мужиков пытаюсь вырваться. Но силы были не равными. Чувствуя, что силы уже покидают меня, и моя голова уже близка к верёвочной петле я сделал ещё одно нечеловеческое усилие, стараясь, что бы голова моя не попала в петлю. При этом в голове пронеслось: «Господи да помоги же мне!» В это же самое мгновение слышу, гложет на улице бензопила у Лешего, а ещё через мгновение он, услышав мои отчаянные вопли, врывается в тардоху и застывает на какое-то мгновение в проёме двери. Взоры всех повернулись к нему. Я, то же краем глаза увидел его в дверном проёме не переставая сопротивляться и орать.

В следующее мгновение из его рта раздался, какой-то звериный рык. Он, мгновенно кинулся к печке, наклонился, схватил палено и ударил им наотмашь первого стоявшего от него мужика. Удар был таким сильным, что палено, вывалилось из его рук, а из надорванного уха мужика показалась алая кровь. Тот бросил меня держать и схватился за ухо, сильно взыв от боли. Алексей же белый как лист бумаги с дикими глазами орал: «Это свой, свой, мой карифан, суки, вы что делаете?»

Он схватил опять какой-то дрын и ударил ещё наотмашь следующего мужика. Потом ещё и ещё... Остальные не стали дожидаться когда их достанет дрын, и бросив меня на пол, подались назад в глубь тардохи. Алексей же схватил со стола столовый нож, которым мужики резали селёдку и стал перерезать мне верёвку на руках. Перерезая слегка зацепил и вену на запястье. Потом перерезал верёвку и на ногах. Я пулей, как был в одних трусах, вылетел из тардохи на улицу. Там было -28⁰С. Справив малую нужду, которая так быстро пришла ко мне от пережитого волнения, я обратно ввалился в тардоху, зажимая рукой сочившуюся кровь из вены.

Цапнув рукой в экстазе на столе от пережитого, эти налитые в стакан 50 миллилитров одеколona, которые мне предлагали, выпил его залпом и пошёл к себе на свой топчан. Достал из чемодана бинт и перевязал себе этот небольшой порез. Остатки бинта бросил для перевязки тому старателю, у которого было надорвано ухо от удара дрыном Лешего.

Как только я лёг и накинул на себя одеяло, так мужики, которые собирались меня повесить стали собираться вокруг меня и просить никому ничего не говорить.

- Ты уж извини братан, мы не знали, что ты свой, - виноватым голосом ныл один мужик.

- Да извини мужик, мы не знали что ты карифан нашему Лешему, - вторил другой.

- Мужики, - я им сказал, - я никогда не сэксотил и не стучал ни на кого в жизни по начальству, и на вас стучать не буду, - с этими словами я закрыл глаза и отвернулся от них набок, желая прекратить дальнейшие разговоры.

Охая и вздыхая, мужики, кто-то от полученных ударов дрыном, кто-то, просто видно сожалея от того, что так всё произошло, разбрелись каждый к своему топчану и легли спать.

Ко мне же долго сон не приходил.

Я лежал и думал, что не случайно всё это произошло.

Уже трижды со мной в жизни это случается.

Первый раз, когда я провалился под лёд, работая начальником участка на стройке Монзенского завода ДСП; второй раз, когда тонул в Чёрном море; и вот в этот раз, сегодня, когда я мысленно в самую последнюю минуту воззвал к Господу и он мне тут же помог. Видно всё-таки он есть и Господь Бог и Ангел хранитель мой, как рьяно всегда утверждала моя верующая бабушка.

Часа через полтора, когда всё уснуло, и я задремал в чутком просыпающимся от каждого шороха сне.

-----«»-----

На следующий день я сделал вид, что ничего вообще не произошло. Однако неприятное чувство, какое-то постоянно преследовало меня. Мне непонятно было, почему ко мне относятся как к человеку второго сорта. Неужели только потому, что я родом из Московской области?

Так я ходил, размышляя на работу где то с неделю.

На работе чаёвничал всё в той же компании двигателистов.

От многих в артели я слышал такую байку, что был у них сварщик, то же из Москвы, который две консервные банки друг с дружкой сварил обычным электродом $\Phi=3\text{мм}$.

Когда ты один свариваешь металл, а за спиной у тебя стоят ещё четыре конкурента, которые время от времени приходят к тебе, и контролируют тебя, как ты свариваешь металл, то невольно задумаешься, что сделать такого что нибудь необычного, что бы стать чуть чуть лучше среди лучших таких же работяг как и ты.

Вот и я где то через неделю своих раздумий решил попробовать этот эксперимент – заварить две консервные банки между собой.

Заступая на свою ночную смену, выбрал после ужина на помойке у столовой шесть свежих недавно выброшенных банок из-под сельди «Иваси» протёр их ветошью и рассовал по карманам. Придя в гараж, спрятал их до поры до времени в укромном месте. Потом, когда под утро оставалось часа два свободного времени, стал над ними экспериментировать. Первые две банки попытался сварить обычным путём, как сваривают две детали. Как только прикоснулся электродом к банкам, что бы возбудить сварочную дугу, так мгновенно получил дыру размером с голубинное яйцо. Да Масквач, - подумалось мне. Тут не руками надо работать, а головой. Фольгу, по сути, дело варишь. Похоже, что из этого ничего не получится. Но рядом лежали ещё четыре банки и они так и просились в работу. Взяв в руки следующую пару я решил её изолировать от такого «бешенного» тока. Соединил их струбцинкой самодельной, изготовленной из болта и гайки, проложив в местах крепления деревянные прокладки. Сверху в миллиметрах 5 над будущим сварным швом укрепил остренькую косыночку маленькую направленную своим остриём вниз на место будущего сварного шва. Косынка была естественно подключена к массе. Из своего опыта наложения сварных швов на тонких металлах, не рассчитанных на сварку толстым электродом, знал, что варить надо такие швы в вертикальном положении точками, и при этом важно умудриться поставить первую точку - каплю. Как правило, получается дыра, или как сварщики её называют технологическое окно, внизу которой в виде полумесяца формируется первый наплавленный металл на оплавленных кромках. Ему даёшь остыть какие-то секунды и на него насаживаешь ещё одну капельку. Конец электрода при этом должен, как мы говорили, ионизировать, что бы при повторном касании им дуга сварочная возбудилась бы мгновенно. Электрод, перед тем как возбудить на сварном шве первый раз, возбуждаешь, где то рядом в другом месте. И когда электрод разгорится, отрываешь его, и быстро переносишь на свой основной сварной шов. При этом с конца электрода ещё разлетаются сварочные искорки. Вторая попытка так же увенчалась ещё одной сквозной дырой. Разглядывая её, я видел, что она имеет диаметр раз в 10 меньше чем первая дыра. Логика подсказывала мне, что надо сварочный ток сделать меньше. Так учит наука о сварочном производстве. Но я сделал наоборот. Я чуть увеличил сварочный ток и наклонил флажок, на котором возбуждал дугу под 45 градусов к первоначальному положению.

Получилось, так как задумывалось. Возбудив дугу и крутанув электродом первые капли металла в сторону перенёс одну из них точно в середину сварного шва. Тонкий металл консервных банок то же прогорел, но маленькая капелька снизу прожженного отверстия полумесяцем зацепилась, слегка соединив обе банки.

- Есть! Начало положено, - пронеслось у меня в голове.

Остальные капли автоматически ложились к первой, нанизывая потихоньку, как на ниточку нанизывают бусы, сварной шов. Не торопясь после каждой капли металла, я давал остыть банкам, так, что бы можно было держать их рукой без брезентовых рукавиц. Разжигая электрод делал это на толстом металле, а потом переносил на верхний флажок.

Закончив варить шов, я осмотрел его. Только в одном месте он был слегка искривлён, но это не должно было повлиять на его качество.

Довольный я сунул свой сварной узел в карман и стал разрезать своё трубчатое приспособление, в котором варил банки. Разрезав их, и раскидав детали по разным углам, встал и стал собираться на завтрак в столовую.

У входа в гараж уже слышались первые голоса старателей пришедших на работу.

Аппарат выключать не стал, так как пришёл мой сменщик. Ему я его передал. Посмотрели мой ночной объём работы. Все поручения данные мне по сварным работам были выполнены, и я с чувством исполненного долга вышел из гаража в столовую.

-----«»-----

В столовой подойдя к стойке с раздачей пищи взяв в левую руку миску с гречневой кашей и мясным гуляшом, достал правой рукой из кармана свой сварной узел из консервных банок и повернулся к собравшимся:

- Так, кто сказал, что невозможно две консервные банки сварить?! – задал громким голосом я вопрос собравшимся, показывая в поднятой руке свой сваренный узел.

Показав его всем, повернулся, поставил сваренный узел на раздаточную стойку, взял в руки кружку и зачерпнул в неё заварки, разбавив всё кипятком. Потом не спеша, в развалочку, двинулся к свободному месту за одним из столов.

После моего обращения к собравшимся, в столовой воцарилась тишина.

Когда я сел за стол и не спеша стал кушать, тишина ещё стояла в помещении несколько секунд. Потом её нарушил бугор – дизелист Василий.

- А ну дай её сюда, - обратился он к сидящему в первом ряду своему напарнику.

Тот встал и передал мой сварной узел Василию.

Бугор достал свой знаменитый «каблук» - самораскрывающийся нож, изготовленный где то на зоне, по форме женского сапожка и подаренный ему его карифаном, лихо щёлкнув им вытолкнул пружиной из ножен лезвие, стал ковырять им сварной шов.

Я почувствовал, как дыхание моё захватывает от нахлынувшего на меня волнения.

Мысленно я стал молиться Господу, что бы сварной шов ни разрушился.

Бугор крутил и вертел банку, пробуя ножом разрушить сварной шов.

- Кажется до путя заварено, - произнёс он наконец.

- Э, парень, - обратился он к старателю помогавшему повару на кухне готовить обед, - на ка её, попробуй топором рассоедини.

На душе моей слегка отлегло.

- Кажется, пронесёт, - подумалось мне.

Я веселее стал уплетать свою кашу с гуляшом.

Через несколько минут изуродованный, но не разделенный узел вернулся к бугру.

- Да, до путя заварено! – констатировал он, ставя точку в разборке. При этом он передал узел соседу, и он пошёл гулять по столам.

- Москвач! Как варил? – спросил меня один из сварщиков.

- Молча, - ответил я.

При этом встал и вышел, давая понять, что разговор на эту тему окончен.

Придя в тардоху, лёг спать. Но мне не спалось. Ворочался с боку на бок. Рядом по дороге то и дело носились на четвёртой повышенной скорости бульдозера, проходя обкатку. Потом проехал трелёвочный с Лешим. Он привёз очередную связку стволов сосны на дрова.

В час дня пошёл на обед. Придя в столовую, опять услышал вопросы в свой адрес о том, как я варил металл.

- Не скажу, - ответил я всем, - доходите своей головой. С этими словами ушёл из столовой.

После обеда опять плохо спал.

Сказывалось, что рядом с тардохой проходила дорога, по которой то и дело проезжало что то.

Вечером, после ужина, когда я пошёл в гараж, то проходя мимо «командирского домика» навстречу мне вышел Главмех Самусев Николай Дмитриевич. Он поманил меня к себе.

- Ну и натворил ты Космонавт делов? – произнёс он с серьёзным видом.

При этом я почувствовал, как с этими словами адреналин заставил биться моё сердце в усиленном режиме.

- Что случилось? – спросил я его.

- Как что случилось? – ответил он, при этом на его лице слабо мелькнуло подобие улыбки только кончиками губ. Правда в глазах зажглась и блеснула на какое то мгновения искра.

- В гараж зайти невозможно стало. Весь гараж сельдью Иваси провоняли. Все консервные банки со свалки у столовой, как корова языком слизнула, - продолжал он. При этом видно было, что он уже во всю улыбается.

- Молодец! Как варил? – спросил он в завершении.

- Я прошу меня извинить, но рассказать я Вам смогу тогда, когда буду уезжать из артели, отработав свои подёнки, - отказал я ему.

- Ну ладно. В общем, то правильно делаешь, что не говоришь, - пусть это будет пока в тайне. Иди, работай, - с этими словами он махнул мне рукой и я, развернувшись с успокоенным сердцем, пошёл в гараж.

Открыв двери гаража, почувствовал как, действительно горелый запах сельди «Иваси», резко ударил мне в нос.

- Масквач, сволоч! Расскажи как варил? – раздалось с левой стороны.

- Космонавт? Поделись опытом, - неслось со сварочного поста, оборудованного на улице.

- Не, не скажу, - отвечал я всем.

- Правильно, не говори. Пусть сами своим умом дойдут, как варить надо, - сказал бугор Василий, проходя мимо закончив смену и прощаясь со мной.

Получив от мужиков задание на смену, я остался один.

Душа моя пела и ликовала. Я был на вершине славы этого маленького рабочего отряда. Мне пока не было равных. Захотелось, в это время, послушать какую ни будь музыку хорошую, но с радиоприёмом в этом далёком крае было туго. Только в «командирском домике» оборудованном спутниковой антенной был уверенный приём телевизионных и радиоканалов. А о карманных магнитофонах мы только слышали, что они, где то появились.

-----«»-----

Работа по подготовке к промысловому сезону отработавшей прошлый сезон горной техники набирала свой ритм. Главмех просил меня, как только появиться свободное окно в работе, так подрезать одну из полок двутавровой балки, лежащей недалеко от цеха. Он на эту балку планировал подвесить болгарский тельфер грузоподъёмный, оборудовав на улице ещё одно ремонтное место. Восемь баллонов с кислородом завезли на участок с помощью вертолетов. Все они предназначались в основном на напайку резцов самодельных для токарей и фрезеровщика. Один решено было использовать на балку.

Где то с неделю я ему эту работу выполнить не смог.

Потом договорился с Василием, что бы в течение часа меня с бульдозера на бульдозер не гоняли, и что бы я смог бы подготовить хотя бы газорезательную аппаратуру к работе.

Выйдя из гаража, подошёл к складу с кислородом выбрал один из баллонов, где давление было хорошим и, взвалив его на правое плечо, двинулся к гаражу. Тогда я ещё мог пронести баллон с кислородом метров сто, а ацетиленовый один уже не смог бы даже поднять. Почти уже 40 лет было прожито за плечами.

Придя в гараж, установил его поближе к ремонтному участку двигателистов. Потом взяв из складского бокса аппаратуру газорезательную в комплекте с бачком бензореза, двинулся к тому месту, где стоял мой принесённый кислородный баллон.

Своих ключей у меня не было, и я без конца бегал к двигателистам.

Смонтировав кислородный редуктор, стал открывать общий кислородный вентиль. Усилий открыть его у меня почему то не хватало.

- Почему это вдруг, - подумалось мне, - ведь только что на улице открывал, выбирая по звуку наполненность кислородом?

Такое в работе иногда бывало. Надо было ключом поддеть под головку вентиля и открыть баллон тем же ключом, которым крепил редуктор.

Я опять пошёл к дизелистам кланчить ключ на 32 для открытия вентиля. Но почему то прихватил и на 10 мм и подойдя к редуктору стал откручивать манометр высокого давления. Крутил я его как то, механически не осознавая, что делаю и для чего это я так делаю. Открутив и сняв манометр, увидел, как капля машинного масла капает на землю со штуцера крепления манометра.

Второй раз я в жизни испытал это чувство. Чувство когда на затылке начинают не с того не сего шевелиться волосы вставая дыбом от нервного стресса. Открой я вентиль с кислородом, взрыв, равносильный взрыву авиационной бомбы, был бы гарантированно обеспечен.

- Кто это мог сделать? – пронеслось у меня в голове.

В это время мимо меня проходил один бульдозерист с хозяйственного бульдозера. Звали его Степаном.

- Эй, Стёпа, - позвал я его, - будешь у меня свидетелем. Видишь, масло капает. Это значить, кто-то в редуктор машинного масла влил. Прошу засвидетельствовать, - при этом я ему передал отвинченный манометр.

- Да весело, - ответил мне он, - рвануло бы так, что от гаража ничего бы не осталось, – продолжал он. Пока он крутил манометр, я кинулся к дизелистам.

- Мужики, всё-таки ангел-хранитель есть в жизни. Сейчас так бы рвануло, что от гаража ничего бы не осталось. Весь его по брёвнышкам раскидало бы. А в первую очередь ваше отделение пострадало бы больше всего.

- Да погоду ты тараторить! Объясни толком что случилось, - ответил ничего не понимающий Василий.

- В кислородный редуктор кто-то масло машинное влил, а у меня клапан кислородный заклинило, так я автоматом манометр высокого давления скрутил, а там масло с него машинное капает, - стал объяснять я.

- А ну глянем, - не веря услышанному, сказал Василий, и быстро выскочил за дверь.

Степан, держа в руках манометр, посмотрел на меня и спросил: «Масквач. А ты часом сам сюда масла машинного не влил, что бы нам мозги запудрить?»

- Да ты чо, Степан, откуда я тебе масла возьму, с кислородом работаю. Я только, что у ребят ключи на время взял, - отмахнулся я от Степана, при этом показывая рукой на Василия.

Не думал я тогда, что эту байку он со временем разнесёт по всему коллективу: «Вот, мол, Масквач каков, мало ему того, что ему повезло и он банки консервные слепить смог, так он теперича ещё и взрывы предупреждать начал. Сам небось масла налил в редуктор, а потом кипишь поднял. Цену себе набивает ловко гад».

Я же ещё крепче усвоил в то, что Господь есть, и его ангел хранитель помогает мне. Благодарностью наполнилось моё сердце, вспомнив свою бабушку, которая воспитала меня с девятидневного возраста и в первые дни крестила меня, в Елоховской церкви.

Выскочивший из мастерской со мной Василий со своим карифаном и с остальными мужиками плотно обступили меня и стоящий вертикально кислородный баллон.

- Да Космонавт, в рубашке ты родился, - только и мог произнести бугор явно поражённый увиденным.

- Сматывай ка ты всю эту свою аппаратуру, а редуктор осторожно сними и покажи его Главмеху, что он скажет.

Так я и сделал. Когда пошли на обед, захватил с собой редуктор и сразу же зашёл к Главмеху в «командирскую» тардоху.

Самусеву видно уже доложили о случившемся, потому что он спокойно отреагировал на мой взволнованный рассказ.

- Да, - качнув с сожалением головой, произнёс он, - кому это надо было нас взрывать. Барабан последний раз этой аппаратурой работал, как мне кажется, ещё в прошлом сезоне.

- Ключ от склада, где аппаратура лежала, у кого брал? – спросил Главмех.

- У бугра Василия, как Вы сказали, - отвечал я.

– Он при мне его из своего шкафчика достал. Шкафчик ключом открывал. Я сам это видел, продолжал я ему свои давать показания.

- Ладно, редуктор - под замок! Напиши записку: «В редукторе масло! Взрывоопасно! Не трогать!» и нацепи её под манометр, что бы не пропала. Отдай всё Василию. Пусть спрячет в своём инструментальном сейфе, так, что бы никто не достал, - дал последние указания Главмех.

- Хорошо, - ответил я, - разрешите идти, - по-военному спросил я Главмеха.

- Идите, - ответил он. И я вышел за дверь с тяжёлым сердцем как будто налитым свинцом от горечи всего этого случившегося.

-----«»-----

Через три дня наступил Новый 1986 год.

Мы, так же как и накануне, так и в первый день Нового года, работали по двенадцать или четырнадцать часов в сутки, не замечая нисколько, что Новый год уже наступил.

В этот день, правда, ко мне подошёл Степан с «Хозяйки» - так мы называли наш бульдозер, который работал только по хозяйственному обслуживанию и сказал буквально следующее: «Мы решили, что ты из сварных пойдёшь на зимник».

Я в ответ, не зная, что это такое, безразлично пожал плечами.

Решили так и решили. Если надо, то пойду на зимник.

Не знал я, какой Новогодний подарок мне предназначался.

Ситуацию прояснил бугор Василий, когда я пришёл к нему почаёвничать в строго положенное для этого время.

- Космонавт, - обратился он ко мне, - ты хоть слышал, что такое зимник?

- Да, это когда зимой прокладывают дорогу и по ней завозят необходимые материалы для обеспечения промывочного сезона, - ответил я.

- Ну, в общем, то правильно говоришь, - сказал Василий, - только это общее значение всей компании. На самом деле всё обстоит гораздо сложнее. Зимник пробить и организовать работу основного промывочного участка, который станет со временем базовым – дело не лёгкое.

- Я знаю, - продолжал он, - готовиться к переходу ГТТ (гусенично – транспортный тягач).

- Это тот самый, который уже стоит разутый в гараже? – спросил я. (Разутый – это значить со снятыми гусеницами. Прим. Авт.)

- Да! Тот самый, - ответил бугор. Он же будет осуществлять одновременно разведку на местности где лучше всего проложить дорогу. За ним выйдет несколько бульдозеров с «хозяйкой». Один или два бульдозера будут расчищать от мелкого леса полотно дороги. Два бульдозера потянут пятикубовые ёмкости на санях с бензином и соляркой. Семён с «хозяйкой» потащит тебя. Скоро должны получить новый сварочный агрегат на дизельном топливе АДД. Ещё решено, что с вами в одном из бульдозеров пойдёт наш электрик-слаботочник Журавлёв Виктор. Он опытейший электрик по оборудованию автомобилей и бульдозеров да и не только. Кроме того, там, где Витёк бывает, никогда драк никаких не бывает. Он байки мастер травить разные. А анекдотов помнит; наверное, с добрую тысячу.

- И когда пойдём? – спросил я.

- Как только - так сразу. Как полностью подготовим технику к переходу – так сразу выйдем.

Далее пошли рассказы, кто и как пробивал зимник ранее, и какие приключения кому пришлось пережить.

Незаметно в работе пролетели дни.

В это время стояли уже сорокаградусные морозы.

Мне было хорошо в том плане, что я работал в гараже, а мои коллеги по профессии сварщики, прилетевшие со мной, вынуждены были выдавать «на гора» свою норму, восемь ошкуренных брёвен за двенадцати часовую подёнку.

Печки в такие морозы во всех тардохах топились всегда активно. Они были всё время красными наполовину. Сидеть рядом было жарко. Зато в другом конце тардохи спать приходилось под ватным одеялом и в тёплом белье.

Не помню когда точно, но кажется числа 10 января нам в столовой объявили, что синоптики обещают несколько дней до - 65⁰ С. Проинструктировали всех, что дышать надо только через шарф тёплый и вдыхать воздух надо было медленно, что бы он успел бы согреться пока достигнет лёгких. А если резко вдохнуть, то сразу же воспаление лёгких будет обеспечено. Двигаться естественно надо в это время так же медленно, как космонавты плавают в открытом космосе в своих скафандрах и осторожно всё делают.

На следующее утро мороз этот уже почувствовался да же тогда, когда мы ещё из тардохы не вышли.

Помимо того что я обычно в сорокаградусные морозы натягивал на лицо свою монтажку (монтажный подшлемник) оставляя для глаз только узкую прорезь в этот раз я обмотал лицо ещё и шарфом.

Как только вышел за дверь, так сразу почувствовал, что его величество Дед Мороз во всю на нас осерчал, и максимально давит, как только может, своим холодом.

До столовой было метров сто не более. А пока дошёл уже почувствовал, как холод стал пробиваться к телу.

Из столовой до гаража расстояние было поболее, - метров 400. Пока дошёл то замёрз и минут двадцать со всеми стоял у печки в токарке. Там мы все согревались, когда холодно было.

На наше счастье температура такая простояла только один день, а потом поднялась до минус сорока.

Все кто должен был работать в это время на улице – не работали там, им нашли работы в гараже.

-----«»-----

26 января 1986 года я зашёл в командирскую тардоху к Самусеву Николаю Дмитриевичу обсудить вопрос как лучше произвести наплавку последнего слоя ленивца. Это большое ведомое колесо на бульдозере и на последнем слое мы наплавляли твёрдым сплавом небольшие валики в определённом рисунке. Это значительно увеличивало срок эксплуатации ленивца. Вот я и зашёл посоветоваться, какой лучше всего выбрать рисунок наплавки: двойным ромбом или параллельными валиками и на каком расстоянии.

В тардохе сидел главный инженер артели Царёв.

Когда я обратился к Самусеву Царь вдруг вступил в разговор.

- Так, Вы бросайте свой ленивец обваривать и готовьтесь выйти на зимник. Мы решили Вас послать в составе передового пионерского отряда на прокладку зимника; на открытие нового участка Улохан-Мелемкён. Николай Дмитриевич Вам подробно изложит вашу задачу. Есть желание выполнить данное поручение? Или может быть Вы устали, и плохо себя чувствуете? – закончил вопросом Царь.

Я уже знал, что отказываться нельзя было. Кроме презрения это у всех старателей ничего не вызвало бы. Да и силы в себе я чувствовал нормальные для этого перехода. Не пешком же ведь идти надо.

- Я готов выполнить задание и выехать на зимник, - ответил я спокойно Царю, глядя в его пытливые с некоторым ироническим прищуром глаза.

- Ну, вот и хорошо, - опять вступил в разговор Самусев, - завтра получите со склада новый дизельный сварочный агрегат, установите его в сваренную будку на полозьях и в путь. С начала вас по проложенному действующему зимнику отвезут на автомашине с прицепом в то место, откуда нужно будет начинать новую дорогу. Потом к вам присоединят остальную технику. Там надо будет подождать часа два в одиночестве. Из будки никуда не выходить. Дизельный агрегат не выключать. Он должен работать в постоянном режиме, а то его вообще не заведёшь на этих морозах. Ваша задача, что бы САК был всегда в исправности и обеспечен топливом. Если что-то непредвиденное случится, то надо будет разжечь, где то в ложбинке в подветренном месте костёр, и подождать у огня до приезда людей. В любом случае наш водитель с ГТТ Сергей должен в течение двух часов появиться у каждого старателя, где бы он на зимнике не находился и напоить вас чаем из термоса. У Сергея будет в наличии рация передвижная. Через каждые шесть часов он должен связываться со мной по рации и докладывать обстановку.

На следующее утро я уже в гараж не пошёл, а стал работать рядом с ним с другого сварочного поста. Ко мне подвезли на сваренных полозьях будку размером 3 x 2 x 2 метра. Находилась она на расстоянии в полметра от земли на сваренных полозьях. Сварены эти полозья были из толстостенных буровых труб диаметром в 150 мм толщиной в 20 мм. Полозья были загнуты как спереди, так и сзади. В передней части находился фаркоп, за который цеплялись эти сани. Полозья трубные стёрлись до середины труб от того, что будку таскали волоком по каменистым грунтам.

Когда привезли новенький сварочный агрегат, то оказалось, что он не влезает в дверь будки.

Пришлось боковую стенку будки разрезать и туда в проём помещать сварочный агрегат.

Резка металла электросварочной дугой процесс весьма длительный. Один погонный метр сварочного реза листового металла толщиной в 10 мм занимал ровно час. Будка была сварена из листа толщиной в 6мм и на это времени ушло то же немало.

Я очень спешил. До обеда только резал металл. После обеда смонтировал сварочный агрегат, и вышедший дизелист Василий проинструктировал меня как им пользоваться. Когда разварил агрегат к днищу в будке, стал заваривать проём на подкладных полосах шириной в 40 мм. Благо их хотя бы не пришлось нарезать. Этот сортамент металлопроката был в наличии.

К 18 часам вечера я был уже готов. Сварочный агрегат отстукивал свои обороты на холостом ходу. Им то я и заваривал уже свой проём. Подцепил к потолку 2 патрона с лампочками на 36 вольт, параллельно включив их в сварочную цепь. В будке разлился тусклый приятный и всё же электрический свет.

Подъехал грузовик, и я на нём быстро слетал к тардохе. Забрал свои вещи и ребята посоветовали прихватить ещё один старый ватный матрас помимо двух моих имеющихся у меня в наличии. Быстро привезли всё и погрузили в будку.

Подошёл Самусев Н.Д.

Достав из чемодана фотоаппарат, попросил щёлкнуть себя перед отъездом на зимник. Мы на южной стороне гаража. Я уже в новой экипировке.

Я к нему обратился с просьбой выделить из наличия металл для усиления полозьев будки. Он обещал прислать их мне, когда я буду в дороге. Потом я накидал разных кусков металла наибольшей длины, какие только возможно было быстро найти в заготовках на закладные детали и, подцепив мою будку бульдозером, потащили её на эстакаду грузиться. Когда проезжали мимо кучи какого то металлолома Степан, тащивший меня на «Хозяйке» остановился и показав на проволочный каркас небольшой сказал:

- Масквач! Видишь тот проволочный рюкзак?

Приглядевшись повнимательней я каркас разглядел, а рюкзака так и не увидел, сколько не старался бы.

- Проволоку какую то сваренную вижу, а рюкзака нет, - ответил я Степану.

- А ты приberi, приberi его с собой. На верхнюю часть целлофан натянешь, когда дождь пойдёт, по направлению к нему спиной сядешь, и сможешь продолжать сварочные работы вести, - продолжал пояснять Степан.

Я, не совсем соображая, как это всё будет выглядеть, выскочил из бульдозера и, подобрав металлокаркас забросил его в сварочную будку.

Потом подъехали к поленнице с дровами и я охапки 3 или 4 закинул дров в будку.

Эстакада оказалась не приспособленной к нашей погрузке.

И тут я увидел чудо, которое я не видел больше нигде.

Два бульдозера начали крутиться по округе на повышенных скоростях, собирая снег с земли, и они дорожили этот снег с двух сторон, делая снежную эстакаду. Потом подрезали снег с её одной стороны, и туда подкатил наш тягач Урал с прицепом. Бульдозер с моей будкой влез на эстакаду, а другой бульдозер тихонько и ювелирно аккуратно задвинул своим отвалом мою будку на платформу тягача. Я взглянул на часы. Прошло ровно 50 минут с того времени когда бульдозера стали только начинать собирать с земли снег в кучу.

Я своим глазам не поверил. Эта была работа экстра класса. А ещё через 10 минут после того как мою будку раскрепили на платформе и я пересел в кабину Урала мы рванулись на трассу.

В кабине было тепло.

На северах и в сибирской тайге шофера любят самое главное это тепло.

Дополнительно сзади с боков и под ногами у пола кабины монтируют масляные радиаторы и подключают их к масляному насосу, который качает масло от горячего двигателя на охлаждение. Называют такие масляные радиаторы «Радикулитками» потому что они спасают водителей и пассажиров от радикулита.

Четыре часа шофёр гнал по дороге со скоростью не менее 60 км/час.

В разговорах я не заметил, как пролетело время. Сверив по карте место, шофёр наконец то остановился и сказал мне что я могу вылезать.

Расчалив крепления и зацепив трос за ближайшую сосну, будку мою мы аккуратно сдвинули, и она осталась стоять сиротливо посреди таёжной дороги.

Это тот самый тягач, на котором забрасывалась техника на много километров вперёд по хорошо накатанной дороге с тем же самым водителем.

Помахав мне на прощание рукой, водитель рванул на трассу за моим сопровождающим бульдозером «Хозяйкой» с водителем Степаном.

Я открыл дверь в будку и залез в неё. Там было значительно прохладнее, чем в кабине у водителя Урала, но не – 35°C, которые в это время были на улице. И это меня радовало.

Вдоль торцевой стенки была приварена не широкая лавочка из уголка застеленная досчатым сиденьем.

Я уселся на неё и стал терпеливо ждать приезда кого-либо из следующих старателей.

Спина моя вскоре стала замерзать. Металл был ничем не изолирован и холод от стенки стал проникать через ватник к спине.

Пришлось сесть на ящик, пододвинув его к работающему сварочному агрегату и прижаться спиной не к холодной металлической стенке, а к работающему горячему двигателю. Через некоторое время стало немного комфортнее, и я стал кемарить.

Просидев так пару часов, почувствовал, что ноги мои затекают, и я встал и начал разминаться.

Потом решил выглянуть из будки. Открыл дверь и вышел на неплохо укатанную дорогу.

Сибирские грунтовые дороги – так называемые зимники, сооружаются весьма своеобразно.

Вернее будет сказано, они не сооружаются, а прокладываются.

Сначала впереди едет разведчик. Он ориентируется на местности и выбирает направление там, где лучше всего проложить дорогу. Зимники прокладывают, как правило, вдоль русел рек небольших или если реки петляют из стороны в сторону, то выбираются такие места, где нет крупных валунов и скалистых навесов, и зимник прокладывают в общем направлении вдоль этих «петель», или прямо посередине их. Этим у нас и занимался гусенично-транспортный тягач (ГТТ). Старенький армейский, но вполне работоспособный ГТТ.

За ним идёт первый бульдозер, который прокладывает общее ложе - дорожную ленту. На большой земле её называют дорожным полотном. Там она должна отсыпаться и уплотняться специальными машинами и хорошими материалами. Там она работает круглый год и должна свои функции выполнять постоянно.

На зимнике же ложе дорожное просто эксплуатируется. Когда почва полностью промерзает и оттепели уже не будет, то по дорожному полотну пускается бульдозер, который тянет за собой волокушу, лучше всего треугольной формы. У старателей он получил прозвище «бермудский треугольник». Протащив его один раз по трассе, пускают машины. Они, как правило, должны иметь широкие специальные шины повышенной проходимости. В народе их прозвали «лаптёжниками». Когда пройдёт несколько лаптёжников, то волокушу протаскивают ещё раз. Это повторяется до тех пор, пока снег не укатается во все ложбинки и неровности в твёрдое дорожное снежное полотно. Продавливаемая колёсами дорожная колея периодически так же сравнивается специально дежурными на трассе бульдозерами с волокушами.

Водитель – механик первого бульдозера должен быть опытным специалистом. Он не просто должен срезать верхний слой с мхом и лишайниками прокладывая дорожное ложе, а вообще не трогать этот слой. Отвал бульдозера расчищает ложе от старых пней, чахлых сосен стоящих или в большинстве своём уже поваленных ветром растаскивая их вправо или влево от середины ложа. Потом отвал бульдозера опускается на грунт, и бульдозер, приподнимаясь на нём, задним ходом протаскивает отвал, уплотняя мох и все неровности на образовавшемся ложе дороги. Оставляя мох в ложе зимника, наши мужики выполняли требование специальной комиссии, которая из г. Алдана должна была принять этот зимник. Одним из основных требований этой комиссии было обеспечение наличия растительности на основном ложе дороги. Под дорожным снежным полотном в максимально возможном количестве должна была оставаться растительность. В основном это были мхи и лишайники.

Если срезать их, то в момент выпадения осадков дороги начинает размывать и это обстоятельство наносит весьма ощутимый урон экологическому равновесию земли. На этих местах образуются рвы и овраги.

За этим первопроходцем идут ещё бульдозера.

Один тянет пятикубовую ёмкость на санях с дизельным топливом. Другой, такую же ёмкость с бензином. Третий, сани с разной поклажей: в большинстве своём это бочки с моторными маслами. Четвёртым у нас шёл бульдозер с «хозяйкой». Это бульдозер, у которого помимо отвала в передней его части, сзади, на фаркопе была смонтирована небольшая лебёдка и трёхметровая стрела с тросовым блоком. Она служила незаменимым помощником в работе. Хозяйка за собой тащила сварочную будку с непрерывно работающим сварочным агрегатом. Последним шёл пятый бульдозер, который тащил за собой волокушу «наш бермудский треугольник». Он умудрялся раза три или четыре пройти по ложу вперёд и назад, как можно лучше укатывая снег и сравнивая неровности в полотне.

Вот на таком хорошо обкатанном утрамбованном дорожном полотне я и находился в это время. Кругом меня была сплошная абсолютно чёрная темень. Я специально постоял не далеко от прикрытой двери, что бы глаза привыкли к темноте. Минут через 15 стал слабо различать невдалеке от дороги кромку леса.

Вспомнился рассказ Василия, когда вот так же вышел из вагончика его карифан, и только закончил справляться со своей малой нуждой, как сбоку услышал рычание. Взглянув вбок, он увидел рядом с собой звериный оскал волка. В мгновении ока этот карифан влетел на бочку, стоявшую рядом, и что есть мочи заорал. Василий догадался и, схватив дежурный карабин распахнул дверь. После первого выстрела в воздух пришлось сделать ещё один, так как волчара только поджал уши после первого выстрела и не хотел уходить. После второго он понял, что последует за этим, что-то нехорошее и решил на всякий случай ретироваться.

Подумалось, что здесь я пока один и будет лучше, если я побуду в тёплой будке своей. С этой мыслью зашёл в будку закрылся и, взяв самый старый ватный матрас, положил его с работающим на малых оборотах дизельным двигателем. Примостившись к движку спиной, пригрелся и закемарил.

Не заметно как то дрёма перешла в крепкий сон.

Приснилось мне, как я с маленькой своей доченькой и с женой развалился в жаркий летний день на песчаном пляже в селе Знаменское недалеко от нашего города Одинцово. Доченька моя бегают по пляжу, а я лежу и загораю. Лежу и думаю, почему это солнышко светит прямо передо мной, а тепло греет мне с правого бока - и ничего не могу понять.

Проснулся я от резкого стука, каким-то металлическим предметом в дверь и сразу понял, что грело меня не солнышко, а движок. А за солнышко я принимал одну из двух низковольтных лампочек горевшую тусклым светом от сварочной цепи.

Пока я, какие то мгновения приходил в себя со сна, в дверь опять постучали.

Тут я подал голос и открыл дверь.

На пороге был наш командир главный штурман водитель гусенично-транспортного тягача Сергей.

Это был молодой и красивый парень 25 лет от роду с красивыми вьющимися волосами.

Потом старатели рассказали мне, что когда его спрашивали про его национальность, он с гордым видом говорил – дагестанец. Хотя внешне он на дагестанца совсем не походил. Его в трёхлетнем возрасте бросила мать, написав записку, что не может его больше воспитывать. А было это в Дагестане. Так как в это время на счастье одна бездетная семья стала свидетелем всех этих событий, то эта семья и оформила на него своё усыновление. Мальчика увезли в горное селение и воспитали как своего сына. Серёга очень гордился тем, что его Родина – Дагестан. Энергия так и была из него ручьём. Он ещё очень гордился тем, что ему сравнительно такому молодому, доверено было пробить зимник в этой Богом забытой местности, и он очень старался.

ГТТ свой он знал в совершенстве. Мог с закрытыми глазами определить в нём неисправность. Ездил на нём лихо и в то же время очень щадил, не рискуя быстро ездить по каменистым местам. В передней части на раму ему приварили старатели двухтавровую балочку и он с её помощью таранил небольшие сосны и ели. Причём делал он это как то виртуально, отключая в последние мгновения трансмиссию двигателя перед касанием со стволом дерева по инерции. В результате от удара со стволом дерева механика уже не работала и естественно не подвергалась риску быть разрушенной.

Мне он запомнился ещё и тем, что в любой мороз (до – 30°C) я его видел только в шерстяном домашней вязке свитере и почему то без головного убора. Энергичная молодость брала своё.

- Космонавт! Тебе посылка, - сказал Сергей, как только я открыл дверь, протягивая небольшой фанерный ящичек. В другой руке он держал большой китайский термос.

- Как только мы на зимник вышли так вертухан прилетел и почту привёз, а там тебе посылка. Ребята на тягач передали. Давай вскрывай, - продолжал он.

Я, не долго думая, поддел перочинным ножиком, который постоянно носил в своём кармане фанерную крышку ящика, прибитую мелкими гвоздиками и открыл его. Перевернул всё содержимое для досмотра на матрас показывая, что никаких запрещённых к употреблению жидкостей и веществ в ней не имеется.

Взяв в руки пачку с печеньем, предложил Володе угоститься.

- У меня в ГТТ ящик с таким стоит. Спасибо, - отказался он, вставая и протянул мне крышку от термоса с крепким горячим чаем.

- На пей, да я поеду дальше.

Я с удовольствием выпил всё содержимое крышки с крепкозаваренным по Сибирски чаем, чувствуя, как живительная влага разливается блаженно у меня внутри.

- Ты космонавт подожди ещё несколько часов здесь. Как только разведая, где лучше зимник проложить, так я тебя отсюда заберу.

- Хорошо, - пожав плечами, я ему ответил.

Закрыв за ним дверь, подошёл к вещам, присланным из дома.

Первым делом взял в руки письмо.

Развернул письмо, написанное на сложенном пополам листке из школьной тетрадки. Это письмо было от жены. В нём она писала, что, наконец, то выполнила мою просьбу и у соседа по квартире, моего хорошего приятеля выпросила несколько сварочных стёкол для моей сварочной маски.

Ещё она писала о том, что ей помогает воспитывать нашу доченьку приехавшая из г. Днепропетровска её мать Лидия Максимовна Ерохина.

Я хорошо к тому времени узнал свою тещу.

Это была весьма интересная своеобразная по-своему женщина.

Нелёгкая фронтовая жизнь в Советской Армии во время Великой Отечественной Войны; преждевременный уход из жизни её верного друга в прошлом военного лётчика, а в последствии

лучшего фрезеровщика завода и отца двоих дочерей; крайняя нужда в послевоенной жизни; характерные специфические особенности её нелёгкой медицинской работы после Войны наложили в её сознании предвзятое отношение к большинству окружавших её людей. В это число попал и я. В общем-то, я всегда с пониманием относился к этой предвзятости и считал, что со временем человек успокоится и поверит в искренность тех чувств, которые я питал в то время к своей жене и, в особенности к своей доченьки. Философски рассуждая – перемелется - мука будет.

Дочитав письмо, увидел второй листок бумаги, и там тоже оказалось ещё одно письмо.

С удивлением и радостью увидел, что оно было от моей мамы Чернышовой Людмилы Николаевны.

Мама у меня тоже была с непростым характером. Как и большинство женщин этих лет, она так же прошла горнило Великой Отечественной Войны связисткой. До конца войны она с честью выполнила свой долг, и в конце войны встретив моего отца, полюбила его искренне и чисто. Встречались они долго. Мама моя, великолепно акомпанировала себе на гитаре зная много Русских народных песен. Их то они вдвоём с отцом и распевали, часто встречаясь на фронтовых посиделках в блиндажах и в избах на постое. Самой любимой песней у отца была песня: «Клён зелёный, клён резной... Символично, что именно в день Победы 9 мая 1945 года я был зачат у какой-то добросердечной бабушки на русской печке, которая добросердечно пустила на постой молодых влюблённых друг в друга людей, ничего с них за постой не спросив. Именно в этот день моя мама решилась на первую свою близость со своим избранным мужчиной. Можно понять тех людей, которые пережив это военное пекло, потянулись к жизни. Я помню её как всегда весёлую и старающуюся не унывать в этой не лёгкой жизни женщину. Ей так же пришлось пережить разочарование в любви, когда мой отец изменил, моей матери тогда, когда она родила меня и находилась ещё со мной в роддоме. Когда уже было совсем не вмоготу, она брала в руки гитару и пела. От неё и от её отца с матерью – моих дедушки и бабушки, взявших на воспитание меня с девятидневного возраста прямо из роддома я получил в наследство от всех их обострённое чувство тяги к справедливости.

Мама писала, что у неё всё хорошо. Она тогда помогала активно моей сестре родившейся уже от второго мужа мамы Чернышова Андрея Терентьевича. А моей сестре нужна была помощь. Она троих детей родила и если бы не моя мама, то сестрёнке моей было бы совсем тяжело их растить.

Дочитав её письмо, стал разворачивать нехитрые вещи, посланные мне из дома.

Автоматически моя рука потянулась к самому большому свёртку. Взяв его в руки, почувствовал, что именно там находятся стёкла. Развернув одну тряпицу, увидел другую и тёплая волна, какой-то нервной судороги схватила меня за горло. Я узнал самую первую распашоночку моей доченьки. Она уже выросла из неё, и жена завернула в неё пачку стёкол. Отложив эту пачку стёкол в сторону, я прижал распашонку к лицу, и вдохнул аромат домашнего крова. В ноздри мои влился тот один единственный на всём белом свете аромат самого главного для меня тогда маленького существа - моей доченьки. От распашонки казалось, исходил запах материнского молока, и я живо представил себе, как я прижимаю к своей груди маленькую свою дочурку, весело подбежавшую ко мне и бросившуюся в мои раскрытые объятия, как она делала это раньше часто маленькой, когда играла со мной. Глаза мои автоматически наполнились свинцовыми слезами, и я чуть не задохнулся при этом от нервного комка спазмы в моём горле. Нервно сглотнув слюну, и заставив себя глубоко вдохнуть свежий воздух, стал постепенно приходить в норму от этого нервного стресса.

Отдышавшись, взял в руки стёкла и удивился. Я просил жену прислать простые прозрачные стёкла, а обнаружил все почти только синие.

Сначала меня это обстоятельство огорчило. Потом подумалось, раз жена как всегда всё перепутала, и вместо простых стёкол прислала синие, то значить и будем пользоваться одними синими.

Перебрав все вещи в посылке, обнаружил подарок мамы. Это был маленький будильничек. В длину он был не более пяти сантиметров. Шириной в 2,5 сантиметра и толщиной в сантиметр. Будильничек был механическим, а когда срабатывал механический контакт того времени, на которое он был установлен, то включался электрический вибратор с пищалкой и он вибрировал и пищал до тех пор пока его не выключишь. Будильничек имел маленькую цепочку и колечко. Его можно было использовать как брелок.

Меня это обстоятельство очень устраивало, так как я, очень часто работая под своей сварочной маской, просто забывал про время перекура или обеда. Хорошо, если тебя окликнет кто, либо из соседей работаю. А так весь перекур отработаешь и не заметишь, что он подошёл. Или все идут на

обед, а ты коптишь и сидишь под своей маской. Не очень-то приятно отдавать минуты своего отдыха артели.

Всё это я описывал в своих письмах, как жене, так и своей маме. И вот этот неожиданный и весьма ценный для меня подарок. Электромеханический будильничек. Я сразу его приспособил, укрепив в верхней петлице своей брезентовой куртки. Сварочная маска накрывала его, защищая от сварочных брызг. И находился он поближе к моему уху. В этом месте мне хорошо слышался его комариный писк при включении контактов. Поигравшись с ним, спрятал во внутренний карман телогрейки.

Остальных присланных мне вещей и угощений я уже не помню. Врезались в память только эти две вещи.

Собрав их опять в ящик, прикрыл его крышкой, поставив в надёжное место.

Потом, умиротворённый, опять развалился на матрасе прислонившись спиной к тёплому движку и уснул.

Не помню, сколько прошло времени, но меня опять разбудил уже какой то посторонний звук.

Прислушавшись, я различил подъезжающий ГТТ.

Выглянув из будки, с удовлетворением заметил, что на улице был уже день.

Сергей, на своём ГТТ, кокетничая задом, норовил подъехать поближе к дышлу моей будки.

Напарник Сергея показывал ему сбоку, куда ему маневрировать. Через некоторое время фаркоп его ГТТ встал точно напротив дышла моей будки. Кивнув мне головой, напарник схватил дышло и пытался его приподнять. Но не тут-то было. Дышло оказалось для него одного слишком тяжёлым. В этот момент я уже пришёл к нему на помощь. Схватив дышло с другой стороны на счёт «3» мы подняли его к фаркопу и что есть силы заорали вдвоём. Сергей нас услышал и, осадив назад свой ГТТ, точно попал фаркопом в кольцо дышла. Осталось захлопнуть дужку фаркопа и пересечь в ГТТ. Меня усадили на переднее сиденье по правую сторону от механика-водителя. Напарник Володи ушёл в среднюю часть ГТТ и прилёг там, на небольшие самодельные нары и мы тронулись в путь.

Каждый раз, как я вспоминаю этот свой переезд, так вспоминаю его как какую-то тяжёлую сказку. Тяжёлую – потому что ходил на ногах постоянно не выспавшийся и усталый. Сказку потому что впервые увидел эти Богом, казалось забытые места в новом для себя ракурсе.

Сергей повёл свой ГТТ на сравнительно небольшой скорости километров 30 ÷ 35 в час. Но для таких таёжных мест это было круто.

Проехав с полкилометра назад мы съехали со старой дороги на новую.

Сначала предполагалось, что сворачивать на новое направление будем там, где я стоял со своей будкой. Потом когда Серёжа пригляделся повнимательнее, и более тщательно разведаль место то нашёл другое, более лучшее решение и начал пробивать зимник в другом уже месте.

Лихо подъехав к развилке этой уже новой дороги, с удовольствием увидел что отряд бульдозеров здесь уже изрядно потрудился. Только там, на Сибирских просторах, я впервые увидел как за считанные да же не часы, а минуты с помощью лихой работы на бульдозерах из снега воздвигаются эстакады и переезды. Его величество дед Мороз и отсутствие оттепели делают возможным длительный период времени эксплуатировать эти эстакады и переезды.

Вот и здесь так же. С основной дороги было отсыпано и укатано снежное полотно с учётом разворота длинномерных машин.

Проехав ещё с километр, увидели свой бульдозер «Хозяйку». Семён, управлявший ею, приветливо помахал нам рукой, когда мы мимо неё пронеслись. Потом мы обогнали все наши бульдозеры, и ГТТ рванул по разведанному им заранее направлению, где должен был пройти зимник. Проехав ещё километров десять, остановились. Отцепив мою будку, и напоив меня чаем из своего здорового термоса, Сергей рванул дальше вперёд в тайгу, а я забрался в будку и с удовольствием стал вспоминать те эффектные мгновения этой таёжной гонки.

Когда ГТТ поворачивал на поворотах, не сбавляя хода, сани мои с будкой и работающим в ней сварочным агрегатом заносило на поворотах. На грунте сани заносило не так, как на ледяной поверхности таёжных речек. Вернее одной реки, сильно петляющей из стороны в сторону. Мы же шли как бы посредине этих петель, и дорога иногда сворачивала по тому, как сворачивало русло реки.

Мне в особенности понравилось как Сергей, разгоняясь по реке, закладывал часто виражи моими санями с будкой. В этот момент из под лыж будки вырывался высоченный красивейший фонтан брызг ледяных. Они как чистойшей воды бриллианты осыпали за нами наш санный след.

Когда солнце поднялось на горизонт, то стало ещё красивей. Брызги ледяных кусочков, которые нарезали лыжи саней в солнечных лучах стали переливаться всеми цветами радуги. От ярко рубиновых до зеленовато голубых тысяч мельчайших частиц осыпали за нами санный след.

Очень жаль, что у меня с собой тогда не было кинокамеры.

Через пару часов меня оставили со своей сварочной будкой на ровном месте посредине небольшой возвышенности между одной из многочисленных петель притока реки Улохан Мелемкён.

Через пару часов к шуму моего дизельного двигателя стал примешиваться ещё какой-то шум.

Выглянув за дверь будки, я с удовольствием увидел, что на меня выходит передовой бульдозер из нашего отряда. За ним виднелись остальные бульдозера.

Передовик лихо рассовывал мелкие деревца по обеим сторонам будущего дорожного полотна. Поддевая их у комеля, он выворачивал эти деревца вместе с корнями, которые на вечной мерзлоте глубоко в земле не растут. Дело в том, что в летний период времени земля оттаивает в этих местах на вечной мерзлоте на 40 или 60 сантиметров. А глубже уже всё – царство вечной мерзлоты. Вот и все абсолютно деревья вынуждены корни свои пускать не вглубь земли, а вдоль вечной мерзлоты почти у поверхности земли. Поэтому там, в тайге, на открытых равнинных плоскогорных местах Алданского нагорья деревьев вертикально стоящих почти не видно. Большинство сосен повалено сильными ветрами. При этом корни деревьев выворачивает так же ветер наружу. И когда проезжаешь по такой равнине видишь их в большом количестве. Ласа много произрастает в таёжных распадках, в особенности на Южной части склонов гор и холмов. Корни поваленных деревьев образуют причудливые очертания разных замысловатых фигур. Когда Степан, на своей хозяйке поравнявшись с моей будкой, поприветствовал меня и мы, подцепив её, повёзли, уже значительно медленнее, по сравнению с ГТТ то по бокам я увидел таёжный театр теней. Раньше когда меня вёз тёзка Сергей, это явление не было заметно из-за большой скорости езды. А теперь этот эффект усилился, в особенности когда солнце пошло на закат и длинные тени от корней поваленных сосен и других деревьев значительно вытянувшись стали ложиться на землю.

Бульдозер со скоростью километров в 5 в час, как скорый пешеход, полз по проложенному уже остальными бульдозерами зимнику.

Тени от корней поваленных ветром сосен приобретали причудливые очертания.

Не один раз я удивлённый обращал внимание Степана на то, как тени от корней сплетали интересные композиции.

Вот лиса стоит и мышкует – охотится за мышкой.

А вот волк гонится за кем то.

А вот и медведь сидит в своей любимой позе с поднятой правой лапой.

В третий или четвёртый раз Степан не выдержал и мне заявил, что я чокнутый фонтазёрник.

Я решил больше его не отвлекать от дороги и отстал от него со своими впечатлениями.

Сумерки на Алданском нагорье длятся как то не долго.

Только солнышко сядет за горизонт и где то через полчаса наступает кромешная темнота.

Причём ночи там такие тёмные бывают в большинстве своём, как будто ты сидишь в банке с чёрными чернилами с открытыми глазами. Вокруг не видно ни зги.

Любой источник света, да же огонь от костра виден далеко.

Мы же на своей хозяйке шли с включёнными фарами. Дополнительно с правой стороны у Степана стояла ещё одна более мощная фара от военного автомобиля. Её он включал время от времени, если впереди непонятно было состояние дороги. Снежная дорога отражала хорошо свет фар, и нам зачастую хватало основных фар бульдозера.

Там где сосны не далеко были оттащены от дороги, они топорщили нам свои корни вплотную почти с дорогой. Такие страшилки-сцены показывают в мультипликационных фильмах для детишек. Здесь же всё было в натуре.

Причудливый тусклый свет фар вырывал из темноты эти растопыренные в разные стороны чёрные силуэты.

Бульдозер был у Степана старенький марки С100. Ему он достался от старателя, который проработал в артели то же лет пять не меньше, как и сам Степан. Рама бульдозера была лопнувшей уже в 2-х местах и если случится третий излом рамы, то только тогда бульдозер пошёл бы на списание. Поэтому Степан уже берёт бульдозер хотя бы до окончания срока его старания в этом промывочном сезоне.

Дня три мы ползли по равнинной местности, останавливаясь только вскипятить выдавший виды закопченный пятилитровый алюминиевый чайник. Да поспать часа четыре, прямо сидя в кабине после еды. На большее время в таких спартанских условиях спать не тянуло.

Повар ради нас постарался. Отварил в большом количестве кур. На крыше бульдозера в раскреплённой бочке был оборудован временный склад пищевых запасов. Полмешка белого хлеба; столько же кур отварных; банки с баклажанной икрой; немного, с десяток, банок селёдки Иваси.

Съедали мы по курице одной на двоих каждый раз. И к концу зимника эти куры уже приелись. На третьи сутки, пройдя по проложенному зимнику по петляющему замёрзшему руслу реки мы подошли к горной местности. При подходе к ней вошли в небольшой подлесок.

Где то ближе к обеду к нам навстречу вылетает наш ГТТ.

Сергей, приглушив движок, выскочил как всегда в своём вязанном домашнем свитере и подбежал к Степану. Поздоровавшись со всеми, сказал, что один из бульдозеров таща за собой сани с дизельным топливом, напоролся санями на пень под снегом и порвал сани. Требовалась уже моя помощь.

Мы тронулись дальше, прибавив ходу. А Сергей остался и стал забрасывать на ближайшую сосну проволочную антенну от походной радиостанции. Обо всех таких происшествиях он должен был докладывать в штаб под руководством Самусева Н.Д. и Царёва.

Через полчаса увидели застрявший бульдозер с санями. Бульдозерист отцепил сани и поспешил дальше за своими, помогать в прокладке ложа дороги, а мы, подъехав рядышком, встали на ремонт саней.

Я с крыши достал лопату, расчистил снег под санями насколько смог. Потом размотав кабели и прибавив обороты на сварочном агрегате нырнул в снег под сани. Лёжа на спине и на боку разваривал разрыв. Сначала счистил старые косынки, потом наложил куски металла и стал их разваривать. В общей сложности вся эта операция заняла у меня 4 часа. Когда я закончил, Степан уже сварил свой закоптевший чайник, растопив в нём снег.

Подъехал ГТТ. Из него выскочил Серёга и сунулся ко мне под сани.

- Как дела? – был его вопрос.

- Закончил, - ответил я.

- А чего лежишь здесь?

- Да хорошо мне как то. Вылезать не охота, - ответил я.

При этом какая-то сладкая истома меня обволакивала со всех сторон. И я чувствовал, что погружаюсь в какую то благодать.

- Да Космонавт замерзает! Давай тащить его! – заорал Сергей Степану.

Тот мигом подскочил, и они в мгновение ока вытащили меня за ноги, из-под будки, посадив на край бугра.

Степан кинулся за чаем. Сергей, глядя на него, сказал, что своим напоит из термоса, его слишком горяч.

Быстро отвинтив крышку термоса и налив в неё чай протянул мне его, и стал сам поить, так как мне не хотелось поднимать да же руку для этого, и я сидел какой-то ватный.

На третий глоток горячего чая я почувствовал, как жизнь возвращается ко мне. Я, уже протянув руку, сам взял крышку термоса и допил чай, с ужасом думая, что я уже только что замерзал.

- На ещё, - с этими словами Сергей налив ещё одну порцию чая протянул мне её.

Выпив её, мне уже захотелось жить, а не спать.

Поднявшись на ноги, и поблагодарив всех, я залез в бульдозер, прижавшись спиной к радикулитке, стал наслаждаться тёплым воздухом в кабине.

Описывая это, вспоминаю, как от тёплого столба пищевода и желудка все мои органы начали пробуждаться. Это чувство возвращения к жизни никогда не забудется мне. Я безмерно буду благодарен судьбе, что она меня свела с такими сильными и опытными благородными людьми.

Сибиряки – это особая порода людей – Россиян. Вспоминая их, я вспоминаю рассказы моих отца с матерью, что именно сибиряки отстояли Москву во время Великой Отечественной войны.

Залив по термосам свежий чай-кипяток мы тронулись дальше.

Сергей сказал Семёну, что через двадцать километров начнётся самый серьёзный по трассе перевал «Шаман». Название он своё получил такое за скалу, напоминавшую в профиль голову шамана. Когда мы подъехали к ней впоследствии, я увидел, как от действительно напоминавшей голову шамана скалы, развиваются длинные многочисленные разноцветные ленты. Подъехав поближе, мы увидели, что это ленточки, которые покупали раньше обычно младенцам, завязывая ими одеяла, в которых лежали малыши запеленованные в пелёнки и распашонки. Ленточки развивались во всю длину метров на 6. И издали казалось, что это действительно волосы у шамана развиваются на ветру. Ленточки были разноцветными. От этого картина становилась красочнее.

Ветер тогда был сильный на перевале и ленточки развивались на ветру почти горизонтально. Создавалось впечатление развивающихся волос от этой головы.

Проехав мимо этой «волосатой» головы, я спросил Семёна, скоро ли гребень перевала будет.

Он ответил, что километров через семь.

Наступил рассвет 11 февраля 1986 года. Я вспомнил, что у меня сегодня день рождения. Мне стукнуло уже ровно 40 лет. Я об этом сказал Семёну. Он вытаращился на меня с удивлённым взглядом и переспросил, какое сегодня число. Я повторил, что 11 февраля.

Тогда он вдруг произносит: - А мне вчера 10 февраля исполнилось 40 лет.

Теперь пришла моя очередь таращить на Семёна удивлённые свои глаза: - не трепись, - сказал я.

Тогда он молча полез за пазуху в свой внутренний карман, и достал от туда свой паспорт.

- На, посмотри мою ксиву, - протянул мне его он.

Я с удивлением взял его и, отыскав нужную страничку, посмотрел дату его дня рождения. Всё было так, как сказал Семён.

- А ты свою ксиву покаж, - спросил на блатной фене Семён.

Я так же залез в свой внутренний карман и, достав свой паспорт, протянул его, освободив от обёрнутого целлофана.

Семён так же убедившись в правомерности сказанных мной слов замотав головой из стороны в сторону как бык только и смог произнести громкое и протяжное: - да-а-а, дела.

- Слушай Сеня, продолжал я удивляться, - а ведь меня мать фактически без пятнадцати двенадцать родила. В один и тот же день, что и твоя мать тебя. Только врачиха спросонья записала меня уже на следующий день, на 11 число.

- Отметить это как то надо было бы, - продолжал я.

- У меня фанфурики уже давно кончились, - отвечал Семён.

Я вспомнил о своих замаскированных запасах спирта и стал думать. Может открыть одну 100 граммовую скляночку ради такого уникального случая? Потом подумалось, что Семёну этого мало будет, и он потребует ещё. Поэтому я, подумав, промолчал.

Стемнело. Заканчивался 14 день нашего похода. Я ехал, и потихоньку кемарил, свесив голову перед собой.

Бульдозер медленно наматывал под себя сотни и сотни метров.

- Москвач! – вдруг разбудил меня зычный голос Семёна. – Не спать! Приоткрой свою дверь и если мы не пройдем этот участок пути и начнем сваливаться, прыгай, отталкиваясь, что есть мочи от кабины дальше, потому что я пойду сразу следом за тобой в твою сторону.

Я, спросонья вытаращив глаза, уставился на дорогу впереди.

А впереди, на сравнительно узком участке дороги, слева от нас были небольшие валуны, а справа темнел обрыв. Бульдозер же не ехал, а стоя на месте, скользил по обледенелому крутому насту дороги и медленно приближался к правому крутому обрыву.

Я, распахнув кабину настежь, как при отделении от самолёта, когда занимался парашютным спортом, выставив свой левый валенок в нижний левый угол дверного проёма кабины, сгруппировался и приготовился прыгать.

Гусеницы медленно продолжали скользить по обледенелому насту.

Вот уже наклон стал приближаться к критическому.

- Господи помоги нам! – пронеслось у меня в голове.

Секунды через две правая гусеница зацепила грунтовый щебень и медленно стала разворачивать бульдозер влево. Было видно, как заднюю часть начинает заносить в обрыв.

- Готовсь Масквач! – заорал Семён, что есть мочи.

- Я готов, спокойно, но громко ответил ему я.

В следующее мгновение мы почувствовали, как и левая гусеница, зацепив грунт, выровняла бульдозер, и он пополз прямо теперь уже вдаль от обрыва.

Было видно, как будка прошла рядом с обрывом, слегка накренившись в его сторону.

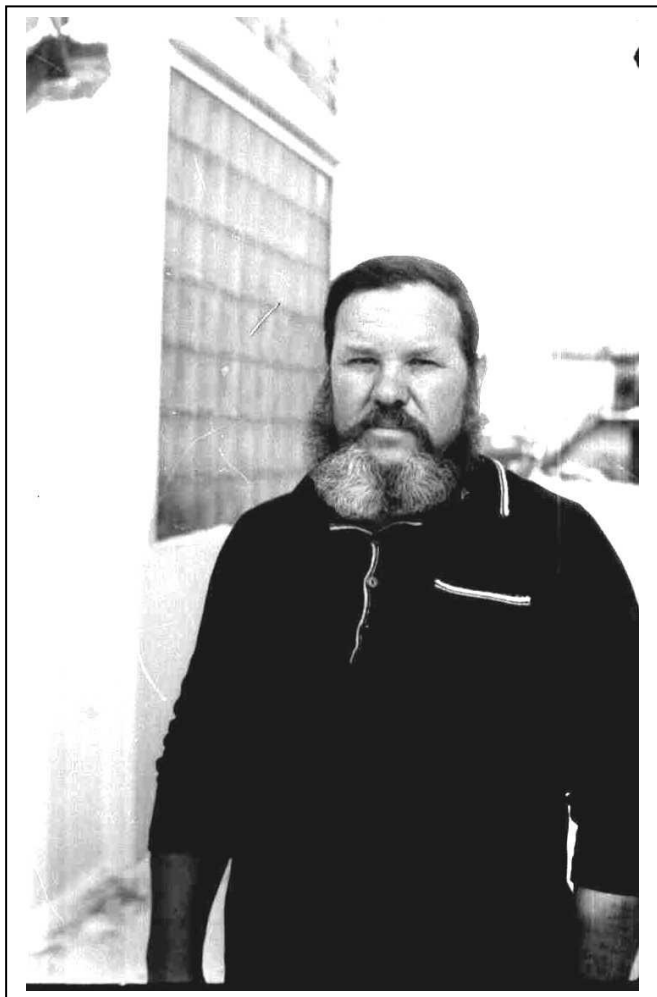
- Всё, пронесло, - вырвалось у Семёна.

Я тогда помню, в сердцах, перекрестился да же механически, так до конца не уверовав ещё в силу Господнюю. Закрыв дверь, проехали на небольшой ровный бугорок подальше от этого проклятого места и остановились. Семён полез, куда-то в свои шмотки, и достал вафельное белое полотенце. С его румяного лица ручьями катился пот. Он заставил меня вылезти из бульдозера, так как его дверь с правой стороны была заварена и там находилась ещё одна радикулитка, излучающая нам такое драгоценное тепло. Выйдя из кабины, Семён стал умывать лицо снегом. Я то-же сразу последовал его примеру. Вспотел я конечно не так как Семён. Он мне потом говорил, что стал прощаться с жизнью. Но Господь нам и на этот раз помог, как потом много и много раз в моей жизни.

Вот так мы с ним отметили наши сорокалетние жизненные юбилеи.

А если бы мы залили бы за воротник грамм по двести бы в честь нашего юбилея? То где гарантия того, что всё прошло бы так гладко и благополучно?

Нет хорошо всё-таки, что я удержался от соблазна и не стал открывать своё сатанинское зелье.

Семён

_____ «» _____

Постояв на ногах минут пять и почувствовав как его Величество дед Мороз пробираясь к нам под влажную от пота одежду начинает нам создавать дискомфорт, мы дружно переглянувшись молча полезли в кабину бульдозера.

Вообще-то от холода мы бы навряд ли околели бы потому, что тёзка мой Сергей на своём ГТТ через каждые два часа появлялся возле нас. Он специально всех нас объезжал и убеждался что с нами всё в порядке.

Появлялся он всегда откуда то - откуда его совсем не ждали.

То вынырнет спереди, из-за сопки небольшой; то откуда-то сбоку. И всегда лихо, подлетев к нам, развернёт свой ГТТ перед нашей старенькой фуфлайкой (так у старателей в то время назывались такие бульдозера, авт.)

Сам выскочит лихо из кабины постоянно со своим большим китайским термосом в левой руке. Правая его оставалась всегда свободной для рукопожатия. Подойдёт быстрым шагом к нам и обязательно с каждым за руку поздоровается.

Делал он это специально, узнать по силе рукопожатия, как мы себя чувствуем. Если человек вяло протянет к нему руку и вполсилы у него будет рукопожатие; если рука будет холодной или наоборот горячей и в поту – то человек этот наверняка болен и ему нужна помощь.

На этот случай у нас у многих были приготовлены заранее всевозможные лекарства. У меня в одном из двух чемоданов лежали да же шприцы стеклянные с иглками. Тогда ещё не было одноразовых. Правда, как потом выяснилось, из-за неправильного хранения при такой транспортировки, они все разбились прямо в своих закрытых лотках для стерилизации. Но это было потом. А сейчас я этого не знал, и наш бульдозер продолжал свой не лёгкий труд в освоении Сибирских просторов.

Через каждые пять часов я должен был заливать в горловину своего постоянно работающего сварочного агрегата дизельное топливо. С этой целью нас поджидал наш бульдозер, который тащил за собой самодельную ёмкость с топливом. Я с ведром ходил несколько раз от заправщика к своему сварочному агрегату пока бак его не наполнялся полностью до самой горловины.

Сеня то же в это же время иногда доливал себе солянку, померив уровень её в своём баке. Дозаправившись, мы садились в «хозяйку» и продолжали свой путь.

_____ «» _____

Итак, перевал.

Когда смотришь в гору то всегда, кажется вот она её вершина. Протяни руку и достанешь её. Но это только кажется. В Алданских небольших сопках в среднем до каждой вершины километров по семь будет. Здесь же перевал Шаман на 25 километров тянул. Скорость нашего бульдозера упала до 2 километров в час. Сказывалось разрежение воздуха.

Средний уровень основания Алданского нагорья от уровня моря составляет один километр.

Перевал Шаман тянул, как мне кажется, ещё на один километр. Вот эти-то два километра над уровнем моря делали своё чёрное дело. Пройдешь быстрым шагом шагов 10 и отдышаться не можешь. Дышишь широко открытым ртом, и сердце молотит как мотор автомобильный, на бешеных оборотах.

Когда до вершины оставалось километра 4, бульдозер выполз на небольшую горизонтальную седловину метров в 100.

На ней стоял на таких же сварных санях небольшой вагончик. Из него торчала труба, а из неё вился дымок.

- Масквач, ты давай в будку спать, а я здесь лягу, - распорядился Семён. Он без меня мог в горизонтальное положение как то приспособиться и поспать немного.

Я молча вылез из кабины и пошёл в будку.

Открыв дверь, почувствовал, как в ноздри ударил приятно тёплый воздух.

Будка была небольшая по размерам, и в средней части её стояла на боку печка самодельная сваренная из металлической бочки двухсотлитровой. Заглянув неё, увидел, что она полна углей. Забив её дровами до отказа привалившись к стене, приятно задремал.

Но комфорт мой длился недолго. Где то через полчаса я проснулся от холода. Та часть тела, которая была ближе к печке, блаженно воспринимала тепло, а та часть тела, которая была к углу – замёрзла.

Только сейчас, когда рассвело, я увидел, что угол у будки разворочен. Одна из стенок отошла сантиметром на 10 у пола и в эту щель метёт снежок.

Надо было бы встать, пойти принести один из трёх своих матрасов и заткнуть им эту щель – но не было сил на это. Я только нашёл в себе силы, повернуться другим боком к щели и всё, опять впал в полудрёму.

Помню, крутился так какое-то время ту да – сюда, а потом дверь распахнулась и в проёме её, я увидел физиономию Царя.

- Подъём, проспали 4 часа и хватит. Вперёд, через четыре километра вершина перевала, за ним долина, там и отоспитесь, - громко орал он.

Выкатившись из будки, я нырнул в кабину бульдозера. Семён уже сидел на своём месте и ехидно спросил меня, как я спал.

Я рассказал ему, что совсем не спал почти из-за холода.

Он опять ехидно ухмыльнулся в свою густую бороду, заметив, что эту будку ещё при погрузке на автомобильную платформу на снежной эстакаде разворотили.

Неприятно стало у меня на душе. Значить он всё знал и специально меня туда отправил, что бы самому отоспаться.

После этого подумалось: хорошо, что я спиртом не угостил Сеньку. Такая «ехидна» ничего хорошего не оценит.

_____ «» _____

Через пару часов мы выползли на пологий гребень вершины перевала.
 Метров через сто ровной поверхности дорога пошла вниз.
 Семён сбросил обороты и стал тормозить двигателем.
 Ещё через пару часов к нам подъехал один из бульдозеров, с какой-то мелкой поломкой, какой сейчас точно не помню и встал на ремонт.
 Я когда закончил ему уже почти полностью сварной шов, то услышал как в генераторе что то страшно загремело. Кинувшись к нему, заглушил сварочный агрегат.
 Что случилось с ним – одному Господу было известно.
 Подъехавшему в очередной раз Сергею доложили о возникшей неприятности.
 Он сам залез и убедился в том, что в генераторе, что-то болтается постороннее.
 - Продолжайте движение дальше, я к вам техничку подошлю, она вслед за нами уже идёт.
 Ремонтировать будем вдвоём, - при этом он как то недоброжелательно посмотрел на меня.
 Распорядившись, Сергей уехал в сторону вершины. Там связь была лучше, несмотря на то, что не было деревьев и проволочную десятиметровую антенну не надо было куда забрасывать.

_____ «» _____

Спускались мы с Шамана гораздо быстрее, чем поднимались.
 Не помню сейчас точно, сколько прошло времени.
 Я постоянно старался расслабиться и уснуть.
 Отрывался только на то, что бы поесть, справить естественную нужду и заправится топливом.
 Вот первое действие и последнее я уже описывал, а второе ещё нет.
 Если из нас кто-то хотел справить нужду, то естественно просил бульдозериста остановиться.
 Семён тормозил, я, поплевав на свой палец, высовывал его вверх над кабиной, открыв дверцу.
 Определив с какой стороны дует ветер, я показывал Семёну направление.
 Он, кивнув головой, разворачивал свой бульдозер с подветренной стороны и, опустив отвал бульдозера, сгребал с земли снег. Так проехав метров десять – двадцать (снега в то время выпало мало) он останавливал свой бульдозер и потом сдавал на метр назад. Отжавшись на отвале, сбрасывал свои обороты до минимума. Потом жестом предлагал к действию. Мы по очереди выходили из кабины и совершали свои туалетные действия. Туалетную бумагу нам заменяли куски ваты, которую мы таскали по очереди из старого матраса. Получался небольшой заслон от сильного ветра, дующего со стороны бульдозера. С другой стороны был метровый слой снега. А со стороны бульдозера сверху чувствовался да же тёплый воздух от нагретого двигателя. Но на таких морозах как в Якутии, с голой задницей долго не посидишь. Большим куском ваты обмакнувшей в снег тщательно протрёшь всё своё драгоценнейшее хозяйство и судорожно и спешно начинаешь одеваться. При этом, кажется, если удержишься ещё в нижней позе хотя бы на минутку - то всё - прощай всё самое ценное, что есть у мужчины.

Не знаю как там, в чумах местные якуты живут, а мы так вот и жили.

_____ «» _____

Через ночь выползли на равнину.
 Сергей эти часы не появлялся. А на равнине он нас сразу же встретил. Поздоровавшись, сказал:
 - через 10 километров зимовье будет. Там заночуем, а на утро ремонтировать будем.
 Через пару часов среди равнины с чахлыми вывернутыми соснами, торчащими в разные стороны мы увидели небольшое домишко. Было оно метров пять в длину и метра четыре в ширину.
 Зайдя в него, обнаружили, что в нём нет никакой печки.
 Вместо печки торчала дыра в кровле под трубу и всё.
 Через полчаса на ГТТ подлетел Сергей.
 За ним минут через 10 подъехал ЗИЛ 131 с будкой техничкой. Это и была наша техническая скорая помощь.

Достав из будки пустую бочку, Сергей включил находящейся в ней допотопный сварочный генератор и, протянув мне три сварочных электрода приказал: - вари Космонавт печку.

Трёх сварочных электродов мне хватило не надолго.

Я попросил ещё электродов.

Он озлобленно на меня уставился.

- Всё! Где я тебе возьму ещё?

Я уже был готов к этому. Лёша Анпилов меня предупреждал об этом, когда я уезжал из Москвы. Самыми дефицитными электродами были электроды диаметром в 3 миллиметра.

Пришлось лезть за своей заначкой. У меня была припасена в одном из чемоданов пачка электродов. Взяв из неё с десяток электродов, я продолжил работы.

- Что ты так долго возишься? – с раздражением подскочил Сергей, - уже темнеет.

При этом он отобрал у меня держатель и сам стал варить печку, не длинными швами, как я варил, а короткими прихватками.

- Угорим все. Газы ведь из щелей полезут, - помогая ему, я стал возражать.

- Не полезут. Сказал – как отрезал Сергей.

Быстро закончив все работы, и притащив лёгкую тонкую трубу, он просунул её в отверстие кровли и надел на отрезок трубы который мы варили, поменьше в диаметре, на самой печке.

Натащав дров из моей сварочной будки, растопили печку, а щели недоваренные он замазал где-то откопав глину. И когда блаженное тепло стало проникать и растекаться по жилищу стали укладываться на ночлег.

Сергей по старшинству занял единственные в жилище неширокие нары.

Мы же повалились с усталости на деревянный пол.

Когда уже все захрапели и засопели, я понял что мне всё равно не уснуть. Не хватало чего-то подложить под голову. Вышел из зимовья и, выбрав потолще полено, вернулся в зимовье. Когда лёг на спину и положил голову на палено, то мгновенно провалился в сон. Очнулся ото сна, когда меня трясли за плечо.

- Вставай Космонавт, разоспался. На улице уже светло, - тряс меня Сергей.

- Быстро встав и умывшись снегом на ветерке при – 28° С мы наскоро перекусив, как всегда мороженной курочкой, стали ремонтировать мой сломанный сварочный агрегат.

Отсоединив генератор и отстыковав муфту, увидели, что один из четырёх стыковочных сухарей муфты отвалился и болтался, гремя и куроча вентиляционную сетку. Не мудрено было ему не отвалиться, подумалось мне, он ведь на одних прихватках держался.

Я, молча, протянул сухарь Сергею.

Тот его взял и, взглянув на меня с пониманием, спросил, что я дальше буду делать.

- Сниму муфту, обварю все сухари полностью со всех сторон, и опять собирать будем, - ответил ему я.

- Правильно! Давай действуй, - одобрил Сергей.

Минут через 20 я уже выходил с муфтой на улицу.

Сварочным столиком послужил мне фаркоп от сварочной будки. И ещё минут через 20 я уже направлялся с горячей муфтой к расстыкованому генератору.

Мы на деревянных подкладках состыковали генератор с двигателем и стали запускать сварочный агрегат. Для этого Сергей разжёл паяльную лампу.

Вот тут-то я сплоховал, немного. Опыта запускать такие системы на 30° морозах у меня не было.

Но рядом был Сергей. Он быстро и уверенно подогрел сначала солярку в баке, потом тонкие медные трубки подводящие солярку к двигателю, потом масло в картере. Введя ключ на старт, включил обороты. Одновременно сунул пламя паяльной лампы во всасывающую воздушную горловину двигателя. Секунд через 10 двигатель завёлся и стал, как и прежде работать в том же штатном режиме.

Я такой работе удивился.

Весь ремонт вдвоём с Сергеем сварочного агрегата занял у нас шесть часов.

Подумалось. Молодец Самусев Н.Д. наш главмех. Действительно отличного специалиста подобрал для организации таких работ на зимнике. Личным примером он вовремя приходил к нам ко всем на помощь.

От Серёги исходила в этот момент, какая-то особая аура гордости за блестяще выполненную работу. Глаза его блестели и светились радостью, что всё хорошо у нас идёт.

Быстро собрались, побросав всё в кабину и в техничку - и тронулись в путь.

Вот только скорость нашей «Хозяйки» была медленной около пяти километров в час. И Семён, и я в этот момент несколько расслабились.

Вокруг была ровная местность без впадин и обрывов. Свалиться бульдозеру не куда было и я и он кемарили по очереди.

Бульдозер медленно ехал точно по прямой линии и лишь иногда Семён трогал рычаги, выправляя бульдозер на середину дороги.

Я сквозь полужакрытые глаза следил за дорогой и когда видел, что бульдозер наш отклоняется влево или вправо, то или издавал какой-то звук, или правым локтём толкал Семёна в бок.

Ещё через день показалось устье реки Улохан Мелемкён.

Как раз в это время вышло солнышко.

Наконец-то конец нашего пути.

_____ «» _____

Впереди выросли несколько домиков сложенных из тонких брёвен тех чахлах сосен, которые в большом количестве росли в округе. Это свидетельствовало, что мы находимся в ложбинке с подветренной стороны. В них раньше жили геологи, которые разведывали и открывали это месторождение, а сейчас набились приехавшие старатели. Нам достался крайний сарай в котором стояли у местного якута олени.

Этот якут заменял геологам такси. Был у них нанят на работу со своими оленями. Занимался перевозкой и доставкой материалов, почты. Развозил по одному человеку и людей.

Из сарая шёл характерный запах оленьих фекалий. В общем вот такое вонючее место нам досталось.

Только я стал готовиться к ночлегу в своей сварочной будке, в этот пронавоженный вонючий сарай меня никакими силами не затащить было, как подлетел Серёга на своём ГТТ.

- Что ночевать негде? – понял он ситуацию. - Поехали к нам.

Семён к начальству не пошёл. У него на этот счёт хорошая поговорка появилась: «Подальше от царей – голова будет целей». Спать он стал как всегда в своём бульдозере. Кстати я и по сей день этой поговоркой пользуюсь.

Подъехав к домику, понял, что попал в командирский балок.

На этот раз спать на полу никому не пришлось.

Мне была предложена высокая полка у маленького окошка затянутого целлофановой плёнкой вместо стекла.

Взглянув на неё я понял, что она служила не для отдыха а скорее всего для того что бы класть на неё разные вещи. Но размеры её вполне меня устраивали. Правда если ночью с неё свалишься – то с такой высоты скорость приличную наберёшь, мало не покажется.

Притащив из будки свои 3 ватных матраца, один прислонил вертикально к окну, которое заткнул предварительно старой телогрейкой. На других двух решил сам почивать.

Проснувшись, хотел встать, но спину пронзила страшная боль. От неожиданности такого я да же вскрикнул и, потеряв равновесие, повис на топчане.

Сергей, взглянув на меня, сразу всё понял.

- Что спину прихватило? – сочувственно спросил он.

- Да, - сквозь стиснутые зубы ответил я.

- За день оклемаешься?

- Постараюсь, - ответил я.

- Тогда отлёживайся сегодня. Подёнку я тебе поставлю в виде исключения. Столько дней не спали толком, - уходя последним из балка сказал Сергей.

- Спасибо, - поблагодарил я.

Забравшись на нары, поправил выбившуюся из оконного проёма телогрейку и понял, что холод из этого маленького плохо заткнутого оконца сделал своё чёрное дело. Простудил мне поясницу.

Только я вытянулся на нарах и блаженно начал погружаться в сон, как в дверях нарисовался Семён.

- Ты чо, Масквач? Заболел, говорят?

- Да радикулит скрутил, ответил я.

- Ну ка, сядь-ка, - приказал Семён.

Я машинально повиновался.

- Достань кончиками пальцев рук свои стопы на ногах, - продолжал командовать Семён.

Я опять, механически, спросонья только стал его приказам повиноваться, как сильная боль опять прострелила мне в позвоночнике и я, дико вскрикнув, застыл в скрюченной позе. Со лба моего потёк пот.

Семён, глядя внимательно на меня, заявил, что теперь видит, что я не вру и действительно меня серьёзно прихватил радикулит.

Заявив об этом, не посочувствовав он молча вышел на улицу.

Я же стал медленно выпрямляться и ложиться на спину.

Согнув сначала правую руку в кулак и выставив ногтевую фалангу большого пальца на кулаке вверх, я стал на него ложиться тем позвонком, от которого исходила эта сильная боль. Потом и левый кулак так же пристроил с другой стороны позвонка. Прodelав так с обеих сторон позвонка, а заодно и на соседних трёх сверху и снизу почувствовал, что настало какое-то облегчение.

Полежав и согревшись так минут десять уснул богатырским сном.

Вечером пришли мужики. Последним пришёл Сергей.

В это время я уже осторожно слез с нар и опять что бы ни выпал диск позвоночника стал передвигаться понемногу.

- Как дела? – спросил Сергей.

- Завтра на работу выхожу, - ответил я. При этом я заметил, как в глазах у Серёги блеснула удовлетворительная искорка. Он, молча, кивнул в ответ и сел к столу есть.

Повозившись с полчаса со своими делами, и перекусив со всеми, опять залез на нары и стал дремать.

Сквозь полудрёмотное состояние слышал, как Сергей по радиации связывался с большой Землёй. Так у нас назывался г. Алдан и ему подобные.

То и дело слышались доклады: сколько лаптёжников вышло на трассу и с какими грузами. (Лаптёжники – это автомобили, оборудованные широкими шинами на колёсах. Они имеют повышенную проходимость и почти не застревают в дороге. Авт.)

Зимник начинал работу. Во рту, почему то начали шататься два зуба. И болеть не болят, а шатаются и всё. Но сон всё равно берёт своё; и я медленно погружаюсь в блаженный сон.

На календаре было 14-ое февраля 2006 года. 16 дней понадобилось нашему мобильному отряду, что бы пробить этот зимник.

_____ «» _____

Проснувшись утром вместе со всеми вышел осторожно на улицу и умывшись снежком зашёл в балок. Двигался осторожно чувствуя дискомфорт в районе того позвонка, диск которого у меня выпадал. Старался резких движений не делать, боясь, что диск снова выпадет.

Облачившись в своё одеяние, а оно у меня было как капустаный кочан, подпоясался широким монтажным ремнём. Он приятно стягивал спину в поясничном отделе и там, под ним, тепла сохранялось больше. С благодарностью вспомнился совет Алексея Анпилова – взять именно такой широкий монтажный пояс.

Когда заканчивал заливать топливо в бак своего сварочного агрегата, ко мне подошёл здоровущий как медведь мужик на голову выше меня.

- Ты сварным, что ли будешь по кличке Космонавт? – спросил он.

- Да, - открыл я свой рот, оторопело продолжая его рассматривать и приходить в себя от увиденной такой громадины рядом с собой. Успокаивало то, что обратился он ко мне по добродушной кличке.

- Давай знакомиться, - продолжил он, протягивая свою ладонь раза в два больше моей.

- Давай, - в ответ и я скромно протянул ему свою ладошку, предчувствуя, как сейчас сложатся в ней мои косточки.

- Глушков Олег Николаевич, - пожимая, как не странно в четверть силы, весьма нежно, мою руку представился он.

- Сергей, - ответил я, думая, что женщины навряд ли ему вообще протягивают руки при знакомстве.

- Тебя ко мне в помощь назначили. Будем вместе работать.

- Хорошо, ответил я, - а что делать будем.

- Мастерскую для электриков строить будем, но сначала в неё сами переселимся на какое-то время, - ответил Алексей, - ты собирайся пока я пойду за «хозяйкой» схожу. Сказав это, он пошёл за Семёном.

Поздоровавшись с Семёном, я подцепил свою будку и, открыв настежь дверь её, стал осматривать окрестности, когда мы уже поехали.

Дорога к площадке, на которой разбивался посёлок, заняла минут десять.

Подъехав к ней, я увидел, как с площадки на все четыре стороны бульдозера аккуратно сняли верхний слой мха и благородного грунта. Сделано это было специально для защиты в летний период времени от гнуса и комаров. Нужно отдать должное Сергею, выбрана площадка была хорошо.

Передо мной была ровная как стол площадь, шириной метров в двести и длиной метров в триста. Расположена она была с подветренной стороны от Розы ветров за небольшой сопкой. Ближе к сопке виднелся небольшой лесной массив.

Отъехав от края метров сто, остановились у большого пня. Олег, выскочив из кабины, быстро отцепил мою будку от «хозяйки» и, выгрузив из кабины бульдозера бензопилу, небольшую канистру с горючим и сумку, махнув Семёну рукой, подошёл ко мне.

- Ну что Космонавт начнём работать? – спросил он, расплываясь в добродушной улыбке.

- Я как тот Ванька-Встанька. Всегда готов, - ответил я.

- Вот тебе пруток, - с этими словами он протянул мне, достав из сумки заранее припасённый пруток металлический диаметром в 16 мм.

- Разогрей мне конец его сантиметра на четыре, - протянув мне пруток, дал задание Олег.

Я, размотав провода сварочные, приткнулся к пню, встав перед ним на коленки. Работу такую я выполнял много раз и на большом сварочном токе электродом диаметром в пять миллиметров на высокой дуге разогрел ему конец прутка.

Схватив пруток, Олег попытался сначала на пне его отковать подложив какую то железку, но потом, быстро сообразив, что нужен металл массивный дляковки кинулся к дышлу сварочной будки и там быстро застучал своим тяжёлым молотком.

Раз шесть я ему разогревал в разных местах пруток, пока из него не получился великолепный зацеп для поворота брёвен.

Я в сварочной будке среди взятых заранее для ремонтных работ разных железок нашёл ему небольшой отрезок трубы и приварил его к зацепу вместо ручки.

К этому времени подъехал Сергей на своём ГТТ.

- Ну что на лесоповал? – спросил он, весело глядя на нас.

- Поехали, - ответил я, залезая к нему в ГТТ и принимая у Олега его бензопилу со всеми её причиндалами.

Запрыгнув в тягач, Олег еле удержался на ногах от резкого рывка Серёгиного. Тот как всегда любил полихачить.

Примчавшись к опушке леса, и покрутившись вдоль неё, Сергей выбрал самые большие и самые стройные ели. Остановились рядом. Выгрузили бензопилу и Олег, заправив её горючим, завёл.

Выбрав тонюсенькую стройную сосёнку, легко срезал её для меня. Я, поработав топором, очистил ствол от сучьев. Срезав ещё и макушку у сосёнки, получили хорошую вагу. Потом срезали ещё одну совсем тоненькую берёзку. Олег, откуда-то из сумки вытащил молоток, гвозди и какую-то железку. Потом стал её прибивать на вершине тонкого хлыста. Когда я её увидел, то без слов понял её предназначение. Она остриём своим должна была впиваться в ствол и не скользить по нему.

Вот с помощью этого тонкого хлыста с остриём на конце я стал упираться в сосны, когда Олег их стал спиливать. Первое время он мне показывал, с какой стороны мне надо было упираться в ствол. Потом через пять или шесть спиленных стволов я уже сам стал соображать, откуда лучше ствол подпереть, что бы он сразу не зажав пилу, завалился на землю.

Олег работал высокопрофессионально. За какой то - час работы мы навалили много стволов.

Я взялся за топор обрубать сучья, но Олег махнул мне рукой дав знать, что этого делать не следует.

Обойдя каждый ствол, Олег бензопилой порезал быстро сучья.

Я же стал чекеровать, (собирать их вместе для транспортировки волоком) стволы с помощью ГТТ и подъехавшей «хозяйки».

Когда мы привезли брёвна на площадку, то увидели сваленные брусья, которые привёз наш тягач Урал с нашего базового участка «Алексеевский». Из них нам приказывалось изготавливать стены наших жилищ и рабочих мастерских.

Олег этому обрадовался. Не надо было ошкуривать множество брёвен. Да и с заготовкой их работы поубавилось значительно. Из них теперь надо было только выкладывать фундаментные клетки на которых потом выкладывались каркасы стен и перекрытий.

Подложив три поперечных бревна, Олег быстро организовал площадку, на которой мы стали ошкуривать эти брёвна.

Да же с самым хорошим топором, изготовленным на заказ из рессорной стали не возможно было быстро ошкурить мёрзлое бревно. Топор скользил по обледенелому стволу, и нужно было проявить незаурядное терпение и приноровиться эту работу выполнять.

Нормой для старателя за двенадцатичасовую смену составляли восемь ошкуренных стволов.

Мне это пока удавалось выполнить. Но вкалывать приходилось все 12 часов. Отдыхать разрешалось только стоя. Сидеть разрешалось в 10 часов дня и в 15 часов не более 15 минут.

В одном из бульдозеров пробивавших зимник ехал вместе с механиком водителем врач стоматолог Зырянов Анатолий Иванович. Он тоже приехал стараться, откуда-то из Ростовской области.

Когда стали ошкуривать брёвна, то и он занялся вместе с нами этой не лёгкой работой.

Закончив с одной партией брёвен, решили на следующий день произвести заготовку ещё одной партии и выехали в тот же лес.

Закончив чекеровку брёвен, выехали с «хозяйкой» на участок. По дороге увидели, как из одного домика геологов еле-еле вьётся дымок. У двери не было подпорки, и она не была закрыта.

Это нам показалось тогда подозрительным и мы, чувствуя какую-то беду, решили туда заглянуть.

Но когда мы с Семёном и с Анатолием Ивановичем зашли в балок геологов, то увидели что в балке геологов еле-еле тепло. Печка едва теплилась. На топчане лежал на боку человек. Окликнули его - а он не отвечает. Лежит себе без движения. Анатолий Иванович подошёл к нему, и намного громче позвал, тронув за плечо. Но как оказалось, это был молодой парень, и он был без сознания.

Анатолий Иванович очень осторожно стал осматривать больного.

Как только он увидел на животе спекшуюся кровь, то сразу стало ясно предназначение бутылочного осколка с горлышком валявшегося рядом с топчаном лежащего парня.

Подняв на нас глаза, он приказал: «Срочно сюда мой чемодан!»

Мгновенно подчинившись, мы выскочили за дверь и Семён врубив максимальную скорость, помчался «на всех парусах» к тардохе где жил доктор.

Вскочили в балок, а где он спит – не знаем. На счастье один маленький чемоданчик увидели сразу. Он не лежал под топчаном, а на тумбочке стоял прислонённый к стенке. Схватив его, и передав Семёну, я ещё успел быстро заглянуть под каждый топчан. Нигде больше таких маленьких чемоданов не было. Значит это он – докторский.

Запрыгнув в бульдозер, мы опять понеслись на полных оборотах к тардохе геологов.

- Молодец! - подумалось мне о Семёне. – Не жалеет свою фуфлайку – кормилицу, - как он ласково называл всегда свой старенький бульдозер, на максимальных оборотах летит.

Прошло где-то минут двадцать как мы вернулись назад к геологам.

Доктор за это время не терял времени даром. Забил сухими дровами печь, плотно закрыл дверь, нашёл чайник с кипячёным чаем и принялся осторожно размачивать спекшуюся кровь на грязной, когда то белой простыне, которую раненый притянул к своему животу, невольно останавливая кровотечение, видимо, перед тем как потерять сознание.

К тому времени и мы уже показались на пороге.

- Этот чемодан? – с этими словами Семён протянул доктору свою ношу.

- Да! Спасибо, – задумавшись, ответил Анатолий Иванович.

- Промывать рану не буду, нечем. Выстригу простынь, что бы транспортировать можно было больного и всё, - стал он нам докладывать план своих действий, как, будто мы его проверяющими были.

Быстрым движением, открыв чемодан Анатолий Иванович достал лекарства ампулу и пузырёк сунув их мне со словами: «На согревай в руках». Потом металлический коробок со шприцами и, открыв его, достал шприц, упакованный в оболочку из нескольких презервативов, в которой, как выяснилось, был чистый спирт. Положив оболочку на край стола, и взяв небольшие ножницы, он надрезал оболочку. Вытекающий спирт из оболочки подхватил в пригоршню и растёр им руки. Потом достав шприц, из корпуса его вылил спирт на ватный тампон. Взяв в руки острый скальпель, разрезал левый рукав одежды больного, обнажив его руку. Протерев спиртом в этом месте мышцу руки, он сделал укол.

Семён стал возиться с печкой, стараясь её быстрее растопить. Он сбегал к бульдозеру и принёс, в какой-то банке солярки. Приоткрыв печку, стал в неё эту солярку небольшими порциями заплёскивать.

Через некоторое время пламя в печи загудело. Сухие дрова быстро разгорались.

Я сказал Анатолию Ивановичу, что надо срочно вызывать вертолёт.

Анатолий Иванович заканчивая свои уколы, согласился, что больного надо срочно отправлять в Алдан. Нам он приказал ехать в командный балок и вызывать санитарный вертолёт. Сам остался с больным.

Мы с Сенькой дружно вывалились из балка и кинулись к бульдозеру.

Так же на самой большой скорости Семён помчался к командирскому балку.

- Господи! Лишь бы Сергей был бы на месте, - думал я, взывая к Богу.

Серёга на наше счастье был в балке и как раз возился со своей радиостанцией. Накануне он не удачно закинул проводную антенну на ближайшую сосну и её ветром ночью сбросило. Вот Серёга её и забрасывал заново, привязав к концу для тяжести какой то болт. Как раз, когда мы к нему быстро подошли, он весьма удачно перебросил конец провода – антенны через верхний сучёк почти у самой макушки дерева.

Подбежав к нему, я быстро всё выложил Серёге.

Лицо его от удивления вытянулось. Задав несколько вопросов, он вошёл в балок и включил рацию.

Минуты через три или четыре из динамиков послышались голоса переговаривавшихся на этой же волне других начальников участков. Наша очередь должна была наступить только через полчаса.

Сергей не стал ждать.

- Внимание! Внимание! Прошу срочной тишины в эфире, - начал он своё сообщение. У меня ЧП.

Эфир мгновенно стих.

Повторив ещё раз: - Внимание! Внимание! Прошу срочной тишины в эфире. У меня чрезвычайное происшествие, - Сергей изложил суть происшествия.

Планёрку вёл главный инженер Царёв, а председатель артели Бестаев сидел видимо у себя в кабинете и слушал всё по громкоговорящей связи.

Взяв микрофон в руки, он спросил ещё раз кто остался с больным и будет ли он жить.

- Будет, будет, - закричали мы все разом, если вертолёт срочно пришлёт.

- Хорошо! Прошу тишины в эфире, - раздалось в ответ.

- Тында! Тында! Я Алдан 21. Я Алдан 21. Прошу выйти на связь срочно. Прошу выйти на связь срочно, - стал сам Бес вызывать санитарную авиацию.

На наше удивление секунд через 30 отозвался Алдан.

- Я Алдан 48 вас слушаю. Что у вас срочного.

- На зимнике участка Улохан Мелемкён у геологов обнаружен раненый с проникающим бутылочно-осколочным ранением в живот молодой человек лет 25 от роду. Он без сознания. Кто он, установить пока не удалось. Ему оказана первая помощь. С ним находится наш доктор. Он ввёл ему современный импортный американский антибиотик. Жизнь гарантируется, если срочно пришлёт вертолёт. Нужно переливание крови. Как нас поняли?

- Вас понял. Связываюсь с санитарной авиацией. Есть ли у вас вертолётная площадка поблизости и сможете ли вы обеспечить посадочные огни.

- Улохан Мелемкён, вы слышите нас? – раздался голос Беса.

- Да слышу, - ответил Сергей, - площадка по близости с этим балком есть. Обеспечим приём.

- Не просто костры по углам разжигай, а ещё и в бочки дрова то же засунь, - приказал Бестаев.

- Хорошо, не впервой, - ответил Сергей.

- Я Алдан 48, прошу тишины в эфире. Вертолёт будет у вас через полтора часа. Обеспечите встречу.

- Улохан Мелемкён, Сергей, кончай связь и лично проверь всё, - приказал Бес. Раненого не трогайте, его должен осмотреть сначала доктор с вертолёта.

- Есть раненого не трогать, кончаю связь, выезжаю на место лично, - закончил разговор Сергей. Оторвавшись от радиостанции Сергей щёлкнул тумблером выключателя и стал одеваться.

- Семён, - одеваясь, он отдавал распоряжения, - бери Космонавта, цепляй сани, в них любые четыре бочки и дров поболее, канистру с бензином. Космонавт пусть дырки внизу бочек попрожигает, чтоб горение в бочках было хорошим. Я к доктору. А вы, то же туда приезжайте.

С этими словами мы все повываливались из командирского балка.

Сергей вскочил в свой ГТТ и рванулся к балку геологов.

Мы с Семёном к нашей хозяйке со сварочной будкой. Метрах в ста стояли наши сани. Перецепив сначала их, потом мою будку рванулись к поленнице с дровами, а потом и на замёрзшую речку. По ней, замёрзшей до самого дна реке Улохан Мелемкён, мы катались как по хорошей дороге. Не далеко был небольшой склад поставленных у берега пустых бочек. Закинули в сани четыре бочки и поехали на место к балку геологов.

Там метров в ста от балка работал во всю наш бульдозер. Сергей пригнал его с трассы, и он расчищал площадку для посадки вертолёт.

Мы встали по одаль от них, и я начал выжигать сварочной дугой небольшие дыры на стенках бочек у дна миллиметров в шестнадцать или двадцать.

Работали не то что быстро, а просто в лихорадочном темпе. На всё про всё заняло по времени с час, где то.

По краям площадки расставили бочки, в них насовали дров сухих и их обложили со всех сторон дровами.

Ветра в то время совсем не было.

Звёзды в небе светили во всю и со всех сторон. Погода была на нашей стороне.

И вот в расчётное время с Юго-Восточной стороны показалась высоко в небе светящаяся точка. Это был наш спаситель.

Мы кинулись к нашим кострам.

Дрова обливали обильно бензином и быстро поджигали.

Один за другим вспыхнули четыре больших костра.

У вертолёт трижды моргнул посадочный прожектор. Этим командир вертушки давал нам знать, что он нас видит.

Снижался он как всегда по квадрату, потом зажёл посадочный прожектор и завис над площадкой.

Как только до земли осталось метров десять почти все наши горящие ветки дров от бочек унесло ветром. Но это было не страшно. Они погасли в снегу. А огонь в самих бочках только усилился. Там он горел хорошо. Да и вертолётчики на снегу белом отчётливо видели почти всё в свете яркого посадочного прожектора. Костры сделали своё дело.

Коснувшись колёсами площадки, пилот сбросил газ и отключил двигатель. Винты продолжали своё вращение, какое-то время, а потом, когда они остановились, дверь открылась, и молодой врач быстро вышел по приставленной лесенке с сумкой скорой помощи. Следом вертолётчики стали выгружать носилки. Мы, недолго думая, подхватили их и потопали вслед за доктором. До балка было метров сто, и мы быстро добрались до него. В балке было уже тепло. Доктора быстро поприветствовали друг друга и перешли на свой профессиональный разговор с непонятными для нас медицинскими терминами.

В основном, выслушав доклад нашего доктора, прилетевший доктор одобрительно закивал ему головой, когда услышал, что за лекарство ввёл больному наш доктор.

- Это великолепно, что у вас оказался этот препарат! – похвалил прилетевший доктор нашего доктора.

Пощупав пульс больного, прилетевший доктор, распорядился грузить больного в вертолёт.

Мы закутали раненого в ватное одеяло и, положив на носилки, быстро стали его выносить на улицу. Наш доктор, оставаясь с больным вдвоём, нашёл его документы и сунул их к нему в карман одежды.

Как только мы оказались в корпусе санитарного вертолёт и помогли переложить больного на штатные носилки вертолётчики, не дожидаясь, когда мы выйдем, включили двигатели. Пришлось бежать от вертолёт, согнувшись почти пополам.

Когда я выбежал из опасной зоны и вздохнул с облегчением, то почувствовал, как холодок ледяной пробежал у меня вдоль позвоночника.

Оторвавшись от земли и моргнув нам на прощанье своим посадочным прожектором, вертолёт стал набирать высоту уже не по квадрату, а сразу же, заложив небольшой вираж, ушёл в небо.

До балка мы с Семёном шли на полусогнутых ногах от усталости, а Серёга наш молодой командир, как ни в чём не бывало, шёл весёлой походкой отпуская по дороге добродушные шуточки и остроты по всему случившемуся. «Вот что значить молодость», - подумалось мне.

На третий день работы у Олега на фундаментном срубе из трёх лафетных брёвен возвышался сруб из бруса высотой в четыре метра.

Русский человек-медведь, так я его прозвал про себя за глаза.

Работал он как медведь в аптеке. Играючи взваливал себе, то на левое, а то и на правое плечо брус шестиметровый и подносил его к срубу: одним концом упирая в землю, прислонял его к вершине. И так обойдет весь периметр и понаставит кругом брусьев. Потом залезал на стену и с приставленных изнутри лесов начинает эти брусья один тягать кверху. Затянет брус, уложит его в ложе, померяет по уровню, пододвинет, что бы стенка кривая не была, а строго вертикально стояла, и начинает нагели забивать. Нагели я ему изготавливал. Резал привезённый квадрат из углеродистой стали, смотанный в метровую бухту. Длина нагеля была в полтора бруса. Потом нагревал конец этой заготовки, и пока он был красным, отковывал его, оттягивая конец в остриё. Нагревать электросварочной дугой конец нагеля приходилось не менее трёх раз. Зато нагель получался на славу. Его ещё самого выпрямишь кувалдочкой маленькой в струнку и уже можно в брус забивать. Алексей градусов под 70 ставил один нагель в углу и забивал его большой кувалдой с шести ударов. Потом другой нагель с другого конца бруса. Потом в средней части с шагом сантиметров в 60.

В работе ему всё время значительно помогала своя бензопила «Дружба».

Когда пятистенник каркасный из бруса был готов, то Олег завёл свою бензопилу и вырезал в брусё оконные и дверные проёмы.

К этому времени уже с базового участка Алексеевский пришёл дальномер, полностью загруженный досками, толщиной в 20 и 40мм и Олег стал настилать полы и подшивать потолок. В этом мы ему активно помогали. Он ходил среди нас и строго посматривал за качеством выполняемых работ. Если у кого-то получалось не так, как должно было получиться, Олег спокойно брал в руки молоток или топор и показывал, как надо делать работу качественно. Мне нравилось, что он при этом никого никогда не унижал, не оскорбил и да же ни разу ни над кем не усмехнулся. Наоборот, всем своим видом показывая, что он благодарен человеку, который старается так же как и он, но у него не совсем получается, так как ему хотелось бы, что бы всё получалось.

Помогая ему подшивать к потолку или спланировать на полу доски я, волей - неволей, старался так же быстро работать как и Олег. При этом мешала, как ни странно, одежда. Одет я был как капуста, потому что сварщик варит металл, и при этом находится в основном в неподвижном положении. Только его рука совершает небольшие колебательные движения сварочным электродом, укладывая расплавленный металл в зону сварного шва. Вот и одевался я соответственно, что бы ни мёрзнуть в лютые Якутские морозы. Естественно вспотев, останавливался часто, что бы дух можно было перевести. Сидеть при этом категорически нельзя было. Если сядешь передохнуть в неподобающее время, сразу же заработаешь пониженный КТУ (коэффициент трудового участия).

Взвалишь себе на плечо брус с напарником и несёшь его к месту укладки. Валенки на ногах здоровые на 2 размера, как правило, больше, что бы ноги не замерзли. Устанешь когда и запнёшься, а то и завалишься на бок с этим брусом. Лежишь себе блаженно при этом и думаешь хоть бы чуть-чуть отдохнуть и дух хотя бы перевести. Но нельзя. Страх заполучить пониженный КТУ и отправиться на «вертак» пересиливает, и ты встаешь; взваливаешь на себя этот, казалось бы, свинцовый брус и тащишь его на место.

Если на до мной остальные мужики и посмеивались, кивая друг другу и иной раз гогоча: «Гляди – Москвач опять завалился», - то Олег никогда не смеялся. Наоборот, он видел, что мне трудно в это время бывает и только потираливал: - Давай Космонавт, вставай быстрее! А то кто заметит, что лежишь долго, КТУ врубят пониженный».

Прошла неделя и тардоха с шестиметровым потолком была готова.

Наверху в качестве утеплителя настелили мох. Его собрали прямо из-под снега и укладывали на целлофан. Когда собирали мох, то использовали самодельные вилы. Их привезли заранее с центрального базового посёлка Алексеевский. Мха набросали с избытком, высотой, наверное, с полметра. Набросав стали его приминать, топча ногами.

Я из пустой бочки, в которой перевозилась масло машинное, изготовил печку. Из металлического листа толщиной в 2мм вырезал две прокладки для монтажа переходов печной трубы отопительной через потолочное перекрытие и кровельное. Пожаробезопасное расстояние в 250 мм от трубы до деревянного перекрытия выдерживать надо было строго. Мы с Олегом долго искали песок для засыпки и когда его нашли, то увидели что он не чистый. В нём было много остатков мха. Пришлось эти остатки мха вручную удалять. Зато отсыпка получилась хорошая. Помимо того, что отсыпку из чистого песка надо было делать в перекрытия, его надо было насыпать и под саму печку

слоем в 5 см., что бы деревянные полы не загорелись. Ведь печи из тонкой жести разогреваются до красна, когда топятся.

И вот, наконец, то настал момент, когда в самом первом новом помещении мы растопили печку. Как только печь покраснела, так стоять около неё было уже жарко. Отойдёшь в сторону - тот же холод. Ровно неделю – семь дней понадобилось протапливать печь до красна, что бы просушить помещение. В нём стало тепло и появилась возможность проживать.

К тому времени мы изготовили топчаны и провели электропроводку.

В крохотном ещё посёлке появилась после капитального ремонта дизельная электроподстанция.

«Карифан мой Василий со своими корешами постарался» - подумал я, с удовлетворением вспомнив как ходил к дизелистам на чай в эти короткие минуты, в которые нам разрешалось отдохнуть.

Я с удовольствием освободил командирский балок от своего присутствия, переселившись в новое помещение.

Нары в нём были сколочены в один ярус и по кругу. Потому что помещение это строилось под мастерскую электриков. Высота перекрытий в нём была большая - четыре метра. Как только будут построены баня, и общежитие то мастерскую придётся освободить.

На следующий день Олег заложил баню. Привезли опять же с базового посёлка Алексеевский печку с котлом, сваренную из листа толщиной в 10 мм. Такую тяжеленную печь пришлось устанавливать на место с помощью крановой лебёдки с нашей «хозяйкой». Котёл был сварен прямоугольным - «П» образной формы. Он одновременно отапливал помывочное помещение, в котором стоял. В предбаннике, где приходилось раздеваться старателям, пришлось мне сварить такую же печку, традиционно, из пустой бочки.

Не успел я закончить возиться с печкой, как меня позвали на работы по обустройству пилорамы.

Дня за три до этого к нам на участок прислали нового начальника участка в помощь Серёге. Поселился он вместе с ним в командирском балке. Вот об этом человеке мне хотелось бы рассказать поподробнее. Как только он появился перед нами, он вежливо поздоровался со всеми за руку. Здороваясь со мной, он назвал своё имя и отчество. Вот только, к большому сожалению, время стёрло из памяти их. Я условно назову его Владимиром Васильевичем.

Итак, пред нами предстал небольшой сухопарый мужчина тех же лет что и я. Или помоложе всё таки года на два или три.

Услышав его имя и отчество, я в ответ назвал своё, пожимая ему руку.

- Это вы из Москвы? – спросил он, добродушно заглядывая мне в глаза.

- Я-я-я, - протянул ему я в ответ.

- А Вы знаете, я недавно был в Москве, - продолжал он, не выпуская мою руку из своей, - меня от нашего объединения Северовостокзолото направляли на 26 съезд Коммунистической Партии Советского Союза. После этого, он отпустил мою руку, продолжая смотреть мне в глаза.

- Да-а-а?! - протянул я искренне; удивлённо и неожиданно, - быть делегатом 26 съезда почётно и это надо заслужить.

В ответ на это только во взгляде его блеснула короткая довольная вспышка, и он его перевёл уже на другого человека, к которому шёл дальше знакомиться.

Одет Владимир Васильевич был в овечий тулуп. На ногах были валенки. А на руках тёплые рукавицы. Эти рукавицы через несколько дней, были подшиты им на резинке друг с дружкой и продеты через рукава как продевают их маленьким детишкам в детских садах или в начальных классах школ. Присмотревшись по внимательнее, я обнаружил, что это очень здорово. Когда надо было быстро снять рукавицу Владимир Васильевич просто резко встряхивая рукой, её сбрасывал, не прибегая к помощи другой руки. Потом, сделав что бы то ни было, там где необходимо было сделать работу тонкими пальцами, он, опять не прибегая к помощи другой руки, просовывал свою руку в рукавицу.

Тепло при этом не успевало улетучиться из меховой рукавицы и рука так же не успевала быстро остыть.

В общем, мы все, у кого были припасены запасные резинки для нижнего белья, понаделали себе такие «помочи» для рукавиц.

Первый начальник участка
Улохан-Мелемкён
старательской артели
«Амга»
ПО Северовостокзолото.
Владимир Васильевич.
Здесь у него вторые
верхонки - (руковицы),
только что полученные со
склада. И ещё не
подшитые.

Этот снимок я сделал гораздо позже того когда Владимир Васильевич уже появился на нашем участке.

Изображён он на основании пилорамы. Изготовлена она на двухметровой клетке из лафетного бруса. На ней строго в горизонтальной плоскости смонтирован лист стальной, толщиной в сорок миллиметров. Длина листа в шесть метров. Ширина в два с половиной метра.

Привезя его по зимнику, разгрузили у пилорамы. Пилораму поставили на лист, и отметили отверстия на листе, где будет находиться крепёж. Потом саму пилораму убрали, а лист поставили почти вертикально, слегка наклонив к сосне. Наступил мой черёд работы. Замаркировав центры отверстий в виде больших крестов, я приступил к прожогу электросваркой этих четырёх отверстий. Провозиться с ними пришлось часов пять. Как только крепёж стал свободно проходить через прожженные отверстия, так мы лист с помощью хозяйки затащили по волокушам в проектное место и раскрепили его к лафетному брусу. Ещё раз проверив, строго ли в горизонте находится плита, Владимир Васильевич дал команду на монтаж самой пилорамы. И вот она уже жёстко раскреплена на мощных анкерных болтах с двойными гайками. Лист к брёвнам то же раскрепили с помощью приваренных мной петель – проушин со скобами. Когда почти было всё готово, я и подсуелился со своим фотоаппаратом. Момент выбрал подходящий и Владимир Васильевич мне не отказал. Разрешил себя сфотографировать.

Потом прошла наладка; пробная работа и первая распиловка бревна.

Я таких пилорам в своей жизни ещё никогда не видел.

Построена она была на склоне небольшого пологого холма. С одной стороны с верхней части холма завозился трелёвочным трактором лес. Хлысты брёвен обрабатывались соответствующим образом. С бревна отрезался комель и макушка. Они шли на дрова. Средина бревна очищалась от сучьев и подтаскивалась к направляющим пологим брёвнам, по которым брёвна закатывались вверх, на 2-х метровую высоту пилорамы, на тележку. Если бревно попадалось большого диаметра и его вдвоём или да же втроём не возможно было закатить по наклонным брёвнам вручную вверх пилорамы, то в дело шли специальные захваты. Они в чём-то копировали кошки, по которым лазят электрики на деревянные столбы. Вот с помощью таких захватов, но уже несколько медленнее бревно закатывали вверх на тележку пилорамы.

Я сначала не понимал, зачем пилораму строить так высоко от земли? Вопросов не задавал. Болтунов и глупых людей в Сибири не любят. Потом, когда уже пилорама заработала во всю мощь, я понял гениальность и простоту решения этого не простого нашего начальника участка.

Владимир Васильевич ловко использовал рельеф местности в свою пользу. С верхней части пологого холма он закатывал брёвна, сэкономив по высоте, где-то метр, с небольшим; а с нижней части удобно было из под основания пилорамы, через большие технологические окна в клетки, её убирать, широкими снежными лопатами выкидывая опилки из клетки. Приезжавший бульдозер-хозяйка за считанные минуты разгребал опилки и горбыль, дорожа их подальше от пилорамы.

Такие неровности местности Владимир Васильевич выискивал постоянно строя участок.

Затем пошло строительство и обустройство склада горючесмазочных материалов - (ГСМ).

Когда мы строили пилораму, два лаптёжника завозили нам ёмкости десятикубовые постоянно. Меня частенько брали с хозяйкой на обрезку расчальных проволочных связей, с помощью которых крепились бочки к кузову автомобиля.

Их Владимир Васильевич сам разгружал, показывая лично, куда какие сваливать.

И вот пришло время нам всем поработать на строительстве склада ГСМ.

Его разместили подальше от жилья и от таёжного леса на противоположной стороне этого же пологого холма.

И вот два мужика плотника: Алексей с напарником и я сварной начали возводить склад ГСМ.

Владимир Васильевич сначала со мной одним пытался это дело организовать, но потом понял, что я родился и вырос не в тайге и отступился. Мне нужно было объяснять прописные истины: например где и как изготовить хорошую валежину для работы. Сколько швырков нужно привезти на санках с хозяйкой, что бы выложить клеть под очередную бочку. Алексею же не надо было ничего объяснять. Он только уточнял у Владимира Васильевича, куда монтировать ту или иную бочку.

Так, например, под дизельное топливо мы смонтировали в ряд девять десятикубовых бочек.

А под бензин, одну, но на расстоянии метров в сорока от основной линейки дизельных бочек.

А под маленькие металлические бочки двухсотлитровые была построена эстакада высотой метра в полтора. Что бы была возможность легко разгружать их, перекатывая просто с кузова грузовика на эту эстакаду.

В первую очередь, как только выстроился ряд бочек под дизельное топливо, так были вызваны наши удалцы - асы бульдозеристы. Они действительно были ассами в своём деле. На максимально возможных скоростях они крутились по всему холму и дорожили к бочкам снег с мхом. Дорожили они его со стороны, где холм подступал вплотную к ряду бочек. Через день работы великолепная эстакада с плавными длинными подъездами из снега была готова. Алексей к тому времени изготовил деревянные пешеходные леса от горловины к горловине каждой бочки с перилами. И вот пришёл первый налив с Большой земли. Это был МАЗ – лаптёжник с прицепом. Как только он въехал на эстакаду, так мне приказали принять у него топливо. Я поначалу опешил. Как принять, и что делать?

Но Владимир Васильевич спокойно всё объяснил. Я залез на лестницу на пешеходные леса взял один конец длинной лёгкой трубы из оцинкованной жести и прижал его к открытой горловине люка. Потом из вязальной проволоки изготовил петлю и закрепил этот конец трубы у горловины бочки. Водитель же подтянул противоположный конец трубы к себе. Получался неплохой наклон градусов в 15÷18. Засунув в верхний конец трубы сливной толстый шланг, водитель открыл кран. Дизельное топливо или солярка как мы её называли, потекла в ёмкость.

Склад ГСМ заработал. Наливы пошли круглые сутки. Меня перевели работать в ночь, что бы я принимал топливо. Это на зимнике входило в обязанность дежурного сварщика. Кроме того я обязан был через каждые полчаса входить в каждую тордоху, и подкладывать дрова в печку. Одновременно надо было следить, что бы угарного газа не было в помещении, где спали старатели. Вести себя надо было тихо, а то можно было бы получить в свою сторону подарочек – летящий чей нибудь сапог или валенок.

Владимир Васильевич каждый день сам лично осматривал заполняемые ёмкости с топливом.

И вот оказия. У одной из бочек слегка разошёлся сварочный шов. Через едва заметную дырочку солярка капала с дебетом одной капли в секунду. Владимир Васильевич сразу же заметил, что снег под этим местом подтаял от капли. Заглянув под днище, и проведя ладонью снизу, он сразу обнаружил протечку. Срочно был вызван я с «хозяйкой» и мне приказано было заварить протечку.

Я слегка растерялся. До этого мне не приходилось варить ёмкости под давлением, да ещё и с горючим.

- Вари, вари не бойся. Это солярка, а не бензин. Когда бензин подвариваем там свои правила по безопасности соблюдать надо, - приказал Владимир Васильевич.

Я подогнал свою будку поближе. Растянул провода и прибавил обороты двигателя.

Только начал шов варить, металл от нагрева ещё больше раскрылся, и солярка потекла уже маленьким ручейком. Он горел, и пламя образовывалось уже на земле.

- Вари, вари быстрее не жди, - схватив лопату снежную, приказывал Владимир Васильевич.

Он сгребал снег в округе и забрасывал то место, куда текла моя солярка.

Проварив ещё сантиметра два, получил уже не струю, а целый фонтанчик. Тут меня злость, какая-то обуяла. Я подошёл к генератору и значительно добавил сварочного тока на дугу.

Варить пришлось короткими прихватками и прямо в струе солярки фонтанирующей. Больше всего я боялся, что струя попадёт ко мне на верхонки и зальёт рукавицы. Тогда пламя перекинется на

них, и придётся варить голыми руками. Поэтому, как только сгорала половина электрода я менял его на новый.

Труднее всего справляться со страхом. Эта сволочь может окутать тебя с ног до головы, парализовав все твои члены. Это я уже испытывал и не раз в жизни. За моими плечами была отличная школа выживаемости в 72 прыжка с парашютом. Там я и научился думать, прежде всего, когда казалось, что положение уже безвыходное.

Ещё вселяло уверенность в приказах старшего уже опытного Владимира Васильевича.

Он, постоянно находясь рядом, подбадривал меня и с Семёном подбрасывал в огонь свежие порции снега.

Минуты через три я уже сориентировался, что за один проход сварочный шов монолитный не получится. Укладку сварочного валика полумесяцем пришлось отменить, а прогревать пришлось металл вдоль кромок сверху – вниз укладывая каплю на каплю. Току было много. На таком токе обычно режут металл. Зажигать дугу приходилось не в корне сварочного шва а рядом и на «высокой дуге» переносить её в сварочный шов. Когда выходил на кромку шва то электрод уже почти вплотную касался своей обмазкой кромки шва. Сразу же от перегрева слышно было, как пары солярки со свистом врываются внутрь бочки. Одно движение сверху вниз разгоняющее просачивающуюся солярку и, не отрывая электрода, ещё одно движение сверху вниз уже с укладкой нескольких капель в корень шва. Потом резкий отрыв дуги, короткий на две три секунды перерыв и опять те же действия. Наложив первый коренной валик, закрыл фонтанирующий поток. Теперь он кое, где просто просачивался. Я тут же перешёл уже на колебания электродом в виде полумесяца. Причём ток не убавлял, а варил с частыми отрывами, давая жидкому металлу остыть, наплавляя металл по одной стёжке. В ход пошли уже и те половинки электродов, которые я не доварил в первом коренном шве.

И вот в общей сложности часа через полтора бочка была уже отремонтирована. Я в заключении и третьим швом, облицовочным, перекрыл свои первоначальные швы. Получилось да же немного и симпатично.

- Ну, вот молодец Космонавт, а ты боялся, - с добродушной весёлой искринкой в глазах и улыбкой на устах подытожил всю нашу работу Владимир Васильевич.

Я только усы свои мокрые вытер рукавицей под носом. Ничего не сказав в ответ. Настолько я был в напряжении, которое ещё в этот момент не отошло. Всем телом ощущалась испарина, которая дошла и до телогрейки.

- В баньку хорошо бы сходить куда нибудь, - заныл я в ответ, - а то снегом растираться уже надоело. Полтора месяца не мылись.

Владимир Васильевич посмотрел на меня внимательно и с пониманием кивнул головой, - ладно, что нибудь придумаем.

На следующий день Семён приехал за мной и, подцепив будку, сказал, что нам поручено для всех, истопить баню.

Я на него вытаращил глаза, - а где она, - спросил я его.

- Сваришь, ты же ведь сварщик у нас - асс, - банки консервные варишь, - съязвил Семён.

Я ничего не понимая, поплёлся, теряясь в догадках, за ним к выходу из своей тардохы.

Зацепив мою сварочную будку, Семён поволок её к тардохе геологов, в которой мы нашли нашего раненого парня, как только приехали на зимник. Отцепив её, велел мне ждать. Через полчаса приволок за собой сани, в которых была обычная старательская горизонтальная печка, изготовленная из бочки. Помимо этого в санях было ещё бочек шесть и куски профильного металлопроката – уголок 50х50 и много наколотых дров. Скинув всё в снег, сказал: - давай Масквач, старайся. Разрежешь одну бочку поперёк корытом, так что бы её на печку сверху приварить можно было. В нём будем лёд топить до крутого кипятка. Остальные бочки в ряд выставишь перед этой тардохой, на подставки у берега реки, которые сваришь из этого уголка. Под бочками разведёшь костры. Лёд я тебе с реки навезу.

Я сразу кинулся за работу. Трудно было подогнать рез верхнего корыта из бочки к печке. Резать ведь приходилось не шлифовально-отрезной машинкой, а сварочной дугой. Трудней всего оказалось сварить герметично металл так что бы он не протёк. Бочка была с окисленным верхним слоем, попросту говоря ржавая, и я изрядно попотел, пока сварил всё. Пришлось использовать присадочную проволоку, отбитую из сварочных электродов. Потом когда Семён помог установить её в тардоху и растопить, кинулся варить подставки для бочек. Их Семён посоветовал варить высотой в 40 сантиметров от земли. Сварив подставки обложили весь низ дровами. К этому времени на реке во всю старался наш один бульдозер. Он кружил и в одном месте и рвал специальным клыком приделанном сзади на фаркопе, своеобразном рыхлителем лёд. Потом мы с Семёном спустились на хозяйке с её санями к реке. Забросав сани большими кусками льда привезли их и я хотел их разгрузить

вручную но Семён поддел сани и перевернул их своим бульдозером. Получилось ловко довольно таки. Видно было, что Семён не первый год старается, а пятый. Куски льда оказались неподалёку от бочек. Я закидал их в бочки и поджёг дрова, выплеснув на них с полведра солярки. Делать всё нужно было быстро, так как становилось уже темно. В тардохе было уже жарко протоплено. Я и в корыто над печкой накидал мелкого льда. Он стал шипеть и таять. В тардохе была ещё одна бочка. Мы её сделали основной помывочной. В ней воду доводили до нужной температуры. Привезя с реки ещё саней шесть, первым начал мыться Семён. За ним уже установилась очередь. В тардохе – бане мылось не больше шести человек. Я к тому времени уже свою времянку из лампочек от сварочного генератора подцепил кругом: и в тардоху свет через маленькое оконце подал, и на улице, в двух местах то же.

Все мылись быстро и с большим наслаждением. Никто более чем в полчаса не сидел в тардохе. Все понимали, что должны все помыться. Я не успевал качегарить дрова под бочками и подкидывать в них лёд. Люди весело распарившись выбегали нагишом за кипятком к бочкам. Таскали его, закидывали лёд в свою помывочную бочку. Стоял довольный гогот и довольный смех.

Часов в девять вечера очередь дошла и до меня. Я с удовольствием заметил, что воды мне достанется много и с удовольствием содрал с себя грязное бельё. Вымылся я, то же за полчаса, но я успел ещё и постираться. Пользуясь тем, что воды было с достатком. Подходя к своей тардохе, я развесил на кустах своё бельё. Потом на следующий день искал его по округе, так как ветер посрыл его и разнёс по сторонам. И всё же я был вымыт, ходил в чистой сменке, и у меня был чистый запас белья на дальнейшее время.

Жить было здорово!

_____ «» _____

Когда мы ещё только готовились к зимнику, то я слышал про электрика Журавлёва Виктора, а вот встретиться и пообщаться с ним пришлось совсем мало. Помог, помню, он мне пару раз лампочки развесить свои для освещения на ночь, когда электростанции ещё в посёлке не было – и всё.

А тут прихожу в свою тардоху – вижу, Виктор к нам переселился.

В командирском балке готовились к приезду Царя.

В этот вечер, я второй раз в жизни почувствовал боль в мышцах своего живота от того смеха, который мне пришлось пережить слушая рассказы и байки Журавлёва Виктора. Вспомнился Анатолий Кузьмич, когда мы только начали стараться в Куронахе. Подумалось: вот их, если бы на пару посадить рядом, так они такие концерты задали бы.

Таких вот людей, простых, из народа, весёлых и находчивых, знающих множество анекдотичных случаев в жизни, я встречал очень редко. Всего около 3 или 4-х человек. Виктор был самым весёлым, остроумным и человеком, тактичным. От него никогда не несло никаким снобизмом, нецензурщиной, но чувство собственного достоинства он имел, и никому не давал возможности его унижить.

Я продолжал работать в ночную смену на складе ГСМ, разгружая наливывы и протапливая печи.

Один раз к нам завезли, какие-то механизмы и детали машин на кузовной машине. Кажется, это был Камаз.

Только я вышел в ночную смену к двадцати часам, как на меня накинута и стал орать его водитель, здоровенная дылда, что бы я шевелился быстрее и приварил ему кран к его квадратному самодельному здоровущему баку в кузове его автомашины. Он достал у нас дюймовый вентиль и ему выточили к нему муфту – вот он и торопился его как можно быстрее приварить и уйти обратно в рейс.

Я же спросонья не посмотрел, что у него в кузове твориться, и побыстрее махнул туда, не глядя себе под ноги. А там дизтопливо было разлито, и я в своих валенках, как раз в сантиметровую лужу влетел.

Когда оторопело, посмотрел вниз на свои валенки, то услышал его довольный гогот.

- Гляди ка Масквач в соляру втюрился, - гоготал он довольный.

Я же вылез обратно и отказался варить в противопожарных целях, пока он солярку не убрал из кузова и туда не насыпал на пол небольшой слой песка.

Песок он взял из пожарного ящика, быстро всё сделал, как я велел, и мне ничего не оставалось больше, как приварить ему вентиль.

Валенки же свои я испортил. Они теперь мерзли на морозе. Мне часто приходилось бегать с мороза в помещение и согревать там быстро замерзающие свои ноги. Особенно хорошо было греться в бане. Там было всегда теплее всего.

И вот помню, когда начали только протапливать печи в новой построенной бане, одновременно пришло несколько наливов с бензином. Их я разгрузил в бочку, отдельно стоявшую от всех в отдалении для бензина. Когда наливов все были разгружены я уже сам заметил течь в корпусе бочки из-за всё, такого же, плохо проваренного сварного шва.

Когда Владимир Васильевич пришёл с утра принимать работу, то я, не дожидаясь пока он увидит течь, показал её ему сам.

Пришлось её мне же сразу же и заваривать.

На мои опасения – всё же бочка с бензином, Владимир Васильевич внимательно посмотрел на меня, потом залез наверх к горловине бочки и проверил уровень бензина. Бочка была почти полная.

- Ничего, - ответил он, - сварной шов почти внизу бочки. А взрываются, как ты знаешь только пары бензина. А пузыри газовые доверху не достанут. Они в основной массе бензина остыть успеют, пока доверху доберутся. Давай вари, а я тебе снежку подкидывать буду.

После этого мне ничего не оставалось делать, как начать сварку.

Начал я накладывать сварочный шов уже учитывая опыт наложения предыдущего шва со середины этого лопнувшего участка, что бы от нагрева середина шва не сильно разошлась бы.

Но всё равно, когда пары бензина со знакомым звуком свиста стали уходить от места сварки вглубь бочки в массу бензина, я почувствовал, как у меня на затылке, на моей макушке от напряжения зашевелились волосы. Я хорошо помнил тот случай, когда один сварщик, махнув рукой на то, что мы ему говорили о необходимости пропарить сначала бензобак, а потом его варить. Так он, как только начал варить его: так бак рвануло так, что с ближних рам повывлетали стёкла. Нас оглушило то же. А сварщику ударная волна выбила в сварочной маске оба стекла и оглушила его конечно здорово.

Такое чувство, когда у тебя на затылке сами собой начинают шевелиться «хвостиком» несколько волос, виляя из стороны в сторону сами по себе, я испытывал уже в третий раз в жизни. И в этой артели второй.

Варил по такому же принципу как первый раз бочку с дизельным топливом – за три прохода.

Ктонибудь, гденибудь на Большой Земле если бы мне сказал, что он варил бочку полную с бензином, то я бы ему не поверил бы ни за что.

Закончив варить, почувствовал страшное облегчение.

Владимир Васильевич разрешил выйти вечером в ночную смену попозже на те 2 часа, которые я задержался, возясь с этим швом.

- А сейчас давай топай в баньку. Она согрелась уже, кажется. – Продолжал он.

Я с удовольствием воспользовался этим приглашением.

В бане уже было человека четыре, и я помылся в ней. Когда ходили по полу, то чувствовалось, что доски ещё от мороза полностью не оттаяли. Они были холодные. Мы все забились в парную. Там было хорошо. Тепло. По весне эту парную старатели превратили в кабинет «Дуньки Кулаковой» и многие им пользовались.

Закончил помывку быстро. Надо было ещё отоспаться и обед не проворонить.

Как только вышел из бани так на дороге к своей тардохе, в небольшом перелеске увидел метров за сто группу мужиков. Семён и ещё несколько парней окружили плотника. Небольшой, тщедушный, но жилистый мужичишко появился у нас в артели совсем недавно. С неделю, где то, заехав по зимнику, с попутным наливом. Он был не плохим плотником – столяром, умеющим вязать оконные рамы. Нужно сказать, что делал он это умело, сам подбирая себе заготовки древесины.

Одно только резко бросалось в глаза, это то, что мужичёк всё время ходил под шафе.

Где он прятал свою заначку – одному Богу известно было. Но делал он это мастерски и всегда к обеду был под кайфом.

Один мужик сгрёб этого любителя-фанфурика за грудки и орал озверело ему в лицо.

- Ты что ссучара фанфуришь всё время? – неслоь из его лужёной глотки.

Мужичок пытался по петушиному с каким-то гонором ему возразить.

Тогда в ход пошли кулаки.

Окружив кольцом этого фраера, мужики быстро стали ему устраивать «пятый угол». Это когда бьют кулаками со всех сторон до тех пор, пока жертва не упадёт на землю или не покажется кровь.

Далее на Руси неукоснительно всегда следовал закон: лежачего не бить или бить только до первой крови.

Пока я прошагал свои сто метров до этих разборок, меня, у самой кучи дерущихся обогнал ещё какой-то мужик, то же из новеньких. Он активно включился в драку. И после первого его удара у мужика хлынула кровь из носа, и он упал на землю.

- Что.о.о! Заорал Семён глядя на кровь. А ну разожми кулак и покажь, что в нём? – потребовал он новичка.

Тот, как ни в чём, ни бывало, разжал кулак и в нём оказался небольшой камушек.

Теперь уже и его начали «учить» мужики за то, что он нарушил закон. Бить разрешалось только мягким кулаком. Ничего ни в руке, ни на руке у бойца не должно быть.

Я обошёл дерущихся и, пройдя ещё метров сто пятьдесят, обернулся. Там всё так же активно продолжалось «ученье» новичка. Плотник был уже на ногах, в сторонке, и прикладывал к носу в рукавице снег.

Метров через десять, я опять обернулся.

Поверженный и проученный новичок был уже в горизонтальном положении.

Крепкий мужик, - подумалось мне, - долго простоял.

Пройдя ещё немного, я опять обернулся. Мужики помогали лежачему встать, и громко вразумляли непутёвых, которых только что, так казалось бы, жестоко проучили. Проучили по-своему. По мужски. Как они говорили: «До путя, проучили – по Сибирски!»

И как потом я убедился в этом сам, до самого отъезда из артели, я видел этого плотника абсолютно трезвого. Он на светлую голову сразу же стал раза в три быстрее работать.

А тот петух из новеньких быстро перебежал куда-то на другой участок.

Мне же вспомнились рассказы моего дедушки - Болотова Николая Евгеньевича, со дня рождения заменившего мне отца. Он родился и рос до 25 лет, приблизительно, в Сибирском городе Чите.

Об этих вот кулачных боях; о том, как справедливо велись тогда действительно авторитетные разборки в деревнях и городских поселениях Сибирских, он с большой любовью мне часто рассказывал.

Горько теперь сознавать, что народ с того времени психологически переродился.

Теперь, если начинают бить человека, – то применяют всё подряд. Бьют часто до смерти, забивая и лежащих, на земле. Напротив только моего подъезда за последние пять лет милиция подобрала уже два трупа. Одного паренька мёртвого, я видел своими глазами. Ему было только восемнадцать лет.

_____ «» _____

Однажды по зимнику с участка «Алексеевский» к нам пришла наша машина с гидравлическим экскаватором после капитального ремонта. Один из парней, который сопровождал экскаватор, увидев меня, приветливо поздоровался, а потом полез в кабину и достал от туда уже большого щенка.

- Космонавт, - обратился он ко мне, - это тебе наш бугор Василий велел передать. Зови его «Кучум». Пёс из породы медвежатников. Если остальные собаки как медведя учуют, так к жилью человеческому прибиваются и скулят от страха, то этот не должен. Его отец как медведя учует, так нападает на медведя, норовит его укусить за задние икры и от человеческого жилья он, наоборот, в тайгу уводит косолапого.

Я был безмерно рад Кучуму. Взял его на руки, обласкал. Пошёл в столовую и у повара выпросил варёный кусок мяса. Отошли в то место где я работал. А варил я, на окраине нашего поселения, что бы не сверкать в глаза старателям, у самой большой кучи собранного с площадки мха. От посёлка меня отгораживал отвал бульдозера, который часто спасал и от сильного ветра. Накормив и приласкав Кучума, я сразу почувствовал от него ответную, ласку. Пёсик, съев мясо, добродушно вилял своим хвостом и норовил лизнуть меня в нос. Надо сказать не безуспешно. Пару раз ему это удалось сделать.

Лаская его, я вспомнил нашу семейную короткошерстную псинку, по кличке Барсик.

Его держали в доме мои дедушка и бабушка, воспитавшие меня с раннего младенческого возраста. Подарили эту маленькую псинку моей бабушке, какие-то хорошие её знакомые, которые переезжали с Дальнего Востока, куда-то в средне-восточную Европейскую часть России. Мы часто гадали, какой породы был наш Барсик. Потом нам знатоки подсказали, что это был короткошерстный Японский терьер с редкостным окрасом серо-белого цвета. Со временем мы узнали, что наш Барсик как кошка видит в темноте только одним глазом.

Хорошо помню как тогда, когда мне было лет шесть к нам приехал известный в г. Москве клоун по кличке Карандаш, выступавший на манеже цирка с маленькими собачками. Он пришёл в восторг от

нашего Барсика, и стал уговаривать моих стариков, продать нам его. Говорил, что наш пёсик будет выступать в свете прожекторов, и ему будут аплодировать сотни людей. Но на бабушку никакие уговоры и большие деньги не подействовали, и она никому не отдала свою духовную отдушину. С понурым видом уезжал от нас ни с чем, тот известный цирковой артист - Карандаш.

Каждый раз, когда я выходил из своей тардохы на работу, то Кучум весело виляя своим хвостом, подбегал ко мне и провожал меня в столовую. А дождавшись когда я выйду из столовой, так же весело провожал меня до своего рабочего места, часто забегаая вперёд и поглядывая мне в глаза как бы спрашивая у меня: «Как дела – мой добродетель?»

Ночью он со своими сородичами находился под нашей тардохой. Там было несколько теплее, чем на продуваемой со всех сторон улице и собаки там зимой спят, тесно прижавшись, друг к другу.

Днём он, проводив меня до рабочего места и получив от меня очередную пайку с едой, чинно и не торопясь съедал её. Потом благодарно виляя хвостом, норовил, как всегда меня лизнуть в лицо в знак особой ко мне любви. Потом побегав и попрыгав в округе и видя, что я не оказываю ему никаких знаков внимания, а только источаю от себя ослепительный свет сварочной дуги, зарывался с головой в свою нору, которую он вырыл в куче мха.

_____ «» _____

Когда мы только-только пробили зимник у меня во рту стали понемногу шататься зубы.

Поговорив с мужиками, они мне посоветовали поесть луку свежего или чеснока. От рассказов своих родителей переживших ужасы Великой Отечественной войны я знал, что у меня начинается самая настоящая цинга. Забыл я тогда рассказы своей бабушки, которая спасаясь от цинги во время Войны, заваривала еловые ветки крутым кипятком и пила этот настой. А то бы я справился гораздо быстрее с этой бедой.

Помню, живя в командирском балке, я пару раз просил Сергея передать в Алдан просьбу прислать ящик чеснока на всех нас.

Он обещал передать в штаб эту просьбу, но чеснока мы так и не дождались.

Тем не менее, сварной работы на участке прибавлялось всё больше и больше.

То гусеницы на бульдозере вытянуться от тяжёлой работы; то ленивец придется наплавить.

А ещё ко мне тащили все детали из тонкого металла подваривать.

Помню раза два или три притаскивали маленькие бачки бензиновые от пускового двигателя. У них были потертости и через маленькие дырочки бензин выливался.

Когда принесли первый раз, то я растерялся и спросил бульдозериста как такую жестянку варить. Он усмехнулся и сказал. А так же как и все сварщики варят.

Я осмотрел бачёк. От него резко несло бензином. Толщина металла, из которого он был сварен роликовой сваркой, была 0,8мм.

- Такую толщину надо бы ацетиленокислородным пламенем варить Американской горелкой № 00, - заявил я бульдозеристу.

- Ты чо, Масквачь? – вытаращился он на меня, - цену себе набиваешь что ли? Вари до путя, тебе говорят, - с этими словами он сунул мне этот бачёк.

Я дошёл до мужиков, где мы чаёвничали. Налил из чайника воды в бачёк, до самой горловины, что бы его не разорвало. Срезав ветку перочинным ножом, который постоянно носил с собой, заточил её пробочкой на конус и вместо винтовой крышки засунул в горловину. Думаю, если рванёт пары под крышкой, то пробку вышибет сначала, а сам корпус уцелеть должен.

Начал сварку. Мне ясно было изначально, что со своим электродом диаметром в 3мм соваться на эту потёртость бесполезно. Сразу же дырка образуется размером с двухкопеечную монету.

Пришлось взять и обить сварочный электрод такой же диаметром в 3мм и использовать его как присадку. Причём, когда я зажёл электрод, как всегда в таких случаях, на стороне на толстом металле, что бы ионизирующим его перенести уже на то место где я хотел возбудить дугу на изделии, то когда перенёс его на мгновение и дуга возбудилась, то всё равно образовалась дыра и электрод мой присадочный провалился одним концом в эту дыру. Ничего, - сказал я сам себе. Дав немного металлу остыть, повторил все свои действия. Следующий раз я уже поднял дугу над присадочным электродом и расплавил его. Всё тепло сварочной дуги я направлял на присадочный электрод, который держал в левой руке. Получилось так, что в этот бачёк я раза три всадил свой присадочный электрод и по

немного отрезая, запихнул сантиметровые обрезки во внутрь бачка. Потом такими же импульсами стал разваривать торчащие из бочка присадочные куски электрода. Работал не спеша, тщательно осматривая место сварки после каждого сварочного «импульса». Получилось так, что сварочная дуга всем своим основным столбом падала на присадочные электроды, а какой-то малой своей толикой на основной металл. И этого хватило, что бы, на какую-то величину расплавить и его. Получилась блямба, размером с копейку.

Я подождал немного, когда металл остынет и повернул бачёк, так что бы вода в бачке залила это место изнутри, где я заварил. Подумал, если начнёт потеть, то пусть попробует горчицей залить и прокипятить. Есть и такой способ забить пористый металл горчицей. Применяем, правда, он был нами на сварных швах работающих не в бензиновой среде, а в водяной. Но этого не потребовалось. Сваренная блямба не потела да же тогда, когда в бачёк бульдозерист залил бензин.

- Лады! До путя заварено Масквач! Вишь и без Америки обошёлся!, - крикнув с удовольствием и утерев свою бороду, добродушно сверкнув на меня своими глазами сказал он, забирая свой бачёк.

Я тоже испытывал гордое удовлетворение от содеянного, но особо не подавал виду.

_____ «» _____

Через пару дней меня сняли со сварочных работ и поставили опять в помощь Глушкову Олегу Николаевичу. Он и ещё двое мужиков заканчивали строительство интересного здания под названием холодильник.

Я когда с Семёном подъехал к нему и увидел его в первый раз, ничего не мог понять.

Встал с широко открытыми глазами и, рассматривая этот деревянный бревенчатый сруб, не могу понять, зачем такой длины приблизительно по два метра из углов сруба наружу брёвна торчат.

Олег на мой вопрос ответил, что обваловку мхом будем делать. Так вот что бы ветер мох потом не разнёс и необходимо эти выпуски брёвен из стен такой длины делать.

Я плохо соображая как это будет всё выглядеть сел в сани ещё с одним напарником и мы прицепленные к Семёновой хозяйке тронулись собирать мох.

В руках у нас были самодельные вилы. Семён, разгребая снег, цеплял слегка и мох на земле.

Его относил на край отвала, и мы выковыривая его из снега вилами забрасывали в сани.

Через полчаса такой работы сани были уже полными, и Семён развернувшись встал на небольшой перекур.

Я ближе познакомился со своим напарником, узнав от него, что он бывший капитан милиции и уже третий год старается в золотоприёмной кассе съёмщиком золота. Что бы заработать побольше подёнок он вышел на работу стараться со всеми. Перекур короткий закончился и мы поехали к холодильнику.

Там Семён поддел сани отвалом, и перевернул их, опорожня содержимое.

Так мы работали дней десять пока с трёх сторон весь холодильник не окружили тремя насыпями из мха. Потом, решив, что его уже должно бы хватить, стали как на сенокосе вилами подают сено в скирду, так и мы стали подавать мох наверх и укладывать его сначала вдоль стен, а потом и на кровлю которую из небольших брёвен успел уже уложить Олег Николаевич. На брёвна раскатали из целлофановой плёнки рукав, что бы вода от дождя не проникла внутрь холодильника.

Потратив ещё дня три получили высокий холм из мха. Вокруг брёвен и на кровле толщина мха утрамбованного нашими ногами достигала почти двух метров. Свободным оставался только проход к входной двери этого самодельного холодильника.

На следующий день Семён привез мои четыре бочки с подставками и кучу дров.

Свалив это, уехал на реку за кусковым льдом.

Потом съездили за моей сварочной будкой.

Размотав провода от сварочного генератора я повесил к потолку соединённые последовательно 36 вольтовые лампочки и подключил в холодильнике свет.

Пока я устанавливал бочки и подкладывал под них дрова, Семён уже привёз с реки сани набитые кусковым льдом, который вспорол ему другой бульдозер, со специальным рыхлителем.

Когда растопили лёд в бочках, то стали лепить снежки из снега и, обмакивая их в воду лепить внутри холодильника на стены.

Вот где я с благодарностью вспомнил про то, что взял с собой в артель диэлектрические перчатки и шерстяные варежки.

Натянув на шерстяные варежки резиновые перчатки я брал в руки слепленные уже моим напарником снежки из подтаявшего рядом с кострами снега и обмакивал их в воду. Потом мы выкладывали снежки на кусок листа как на поднос и затаскивали этот лист в помещение. Затем начиналась лепка снежков на стены.

Когда чёрных брёвен на стенах и на потолке уже не было видно взяли ковшки и стали потихоньку набрызгивать воду из вёдер на стены. Воды нужно было в ковшик брать очень мало, а снежную массу пропитать так, что бы она не отвалилась от стены или от потолка.

Не сразу у нас это получалось. Были и огрехи. Раза три или четыре покрытие наше отваливалось в особенности от потолка.

Но ничего. Не ошибается тот, кто ничего не делает.

Ночами стояли крепкие морозы и мы, оставляя открытыми двери, вымораживали нашу лепку на стенах.

На следующий день всё повторялось сначала.

Нарастив на потолке слой сантиметров тридцать, а на стенах до сорока мы приступили к заливке пола. Ну, там повозиться пришлось только с первым слоем. Остальные слои заливали чистой водой.

И вот, когда уже оставалось нам залить в последний раз полы ледяные, пришёл Камаз длинный с прицепом, таким же длинным до верха забитый коровьими мороженными тушами.

Это были молодые бычки. Туши были разрезаны вдоль пополам.

Нас заставили их резать пополам и потом, обливая водой, оставлять на ночь.

Получалась ледяная глазурированная с одной стороны туша. Потом она перетаскивалась в холодильник и укладывалась глазурированной частью вниз. После этого мы поливали водой разложенные туши в холодильнике и так же оставляли их на ночь замораживаться.

Провозившись ещё пару дней, мы все туши так же заложили в холодильник.

Если из трёх комнат и маленький коридор мы весь превратили в ледяной дворец, то туши мясные затаскивались с самую дальнюю и самую большую торцовую комнату, площадью метров 30 квадратных, и забивались до самого верха.

Оставались ещё по бокам из коридора слева и справа две комнаты метров по 10 квадратных. Они предназначались для мороженой рыбы и для мороженных кур.

Водой обильно поливали туши так, что потом, да же в конце июля только с помощью лома отдалбливали их из ледяного плена.

Таких Камазов с прицепом было всего четыре. Но, слава Богу, я с этими тушами уже не возился. Накопилось много сварочных работ, на которые меня и бросили опять.

Я с напарником за это время немного подружился и он обещал мне, когда пойдёт большое золото запустить меня в святую святых участка золото-приёмную кассу (ЗПК) и показать мне весь процесс аффинажа.

_____ «» _____

Стройка на новом месте набирала свой темп.

Пилорама уже во всю работала, выдавая хороший добротный брус.

Владимир Васильевич как заводная юла успевал побывать на всех объектах по два, а то и по три раза до обеда, и раза четыре после обеда, быстро обходя все строящиеся объекты пешком.

Он пользовался у мужиков - старателей большим авторитетом за то, что никогда никого не оскорблял.

Был построен объёмный высокий склад. Потом заложили большое двухэтажное общежитие и золотоприёмную кассу.

Я стал работать по недельно: одну неделю в ночь; одну неделю в день.

Меня с одной части посёлка перевели на другую часть, поближе к тому месту, где должна была быть вскрыша.

Вскрыша. Что это такое? – спросит не искушённый читатель.

На разведанном участке земли геологами, там, где определено на каком уровне от поверхности земли залегает золото, производят удаление этого верхнего слоя земли, разрыхляя замёрзшую почву вечной мерзлоты с помощью бульдозеров, которые мы целую зиму ремонтировали, и перебирали, что бы они во время работ нас не подвели и не отказали.

Не успел я проработать на новом месте в первый день и пары часов, как подъехал Семён на своей хозяйке с санями, привёз в них брёвна небольшого диаметра и доски с рубероидом.

С ним был один из плотников с бензопилой «Дружба».

- Ну что Масквач, - заявил он мне, - тебе навес велено построить под бульдозер с подветренной стороны.

Мне стало ясно, что огонь моей сварочной дуги заметил Владимир Васильевич и распорядился загородить его от посёлка с помощью этого крытого навеса.

Пришлось сварку бросить и начать помогать плотнику. Таков был приказ.

К вечеру навес был уже готов. Еле-еле мы успели; и как раз к восьми часам вечера был вбит последний гвоздь в кровельный рубероид.

Я не переставал удивляться, как всё быстро делалось у старателей.

Шестиметровый куб, обитый горбылём, защищал меня от ветра и снежных вьюг с трёх сторон.

А с четвёртой стороны мог свободно заехать бульдозер, встав на ремонт или передом или задом смотря с какой стороны, находилась его неисправность.

Вечером, когда в столовой собрались старатели на ужин зашёл как всегда Владимир Васильевич. Он каждый день перед завтраком и перед ужином беседовал со старателями, планируя и распределяя объёмы работ, расспрашивая о том, как будут выполняться его приказы. На Большой земле это называется планёркой. Вот и в этот вечер, как ни в чём не бывало, он провёл свою планёрку и потом слегка дрогнувшим голосом объявил:

- Это моя сегодняшняя планёрка последняя - мужики. Завтра с вертолётom прилетает новый начальник участка. Приказ уже подписан. Я вас с ним познакомлю.

В столовой мгновенно установилась гробовая тишина, которая секунды через три взорвалась возмущёнными и растерянными голосами.

- Как же так, Владимир Васильевич? Участок полностью скомпонован. Все основные здания и постройки грамотно расположены. Работы по ним начаты. Самая трудная и ответственная грязная, черновая работа почти уже завершена. А теперь кому то сливки слизывать придётся? – задал я ему эти вопросы в заключении когда все почти уже выговорились.

Он с благодарностью посмотрел на меня и коротко ответил:

- Приказы руководства как в Армии, у нас не обсуждаются. Всё.

С этими словами он встал, давая понять, что все разговоры окончены и направился к выходу.

_____ «» _____

На следующий день к нам на участок залетело сразу два вертолётa.

В самом первом привезли запасные узлы к бульдозерам. На борту было четыре человека.

С интервалом в тридцать минут этот вертолёт взлетел. На подходе к нам вдоль распадка на большой высоте показался ещё один вертолёт.

На этом втором вертолётe прилетел Царь, с ним новый начальник участка и пять старателей. С этим же вертолётom улетел наш самый первый начальник участка Владимир Васильевич.

С грустью я проводил эту вертушку своим взглядом.

Все старатели разместились в нашем балке.

Традиционно уже те, кто прилетел, не работали первые три дня.

Втихаря угощали своих корешей привезёнными фанфуриками в первый день.

На второй день опохмелялись ими же. На третий день ходили и присматривались везде, где и что делается.

На четвёртый день меня вдруг сняли со сварочных работ и поставили колоть дрова на пару ещё с одним сварщиком по кличке «Барабан».

Когда я в первый раз услышал, как к нему обратился его какой-то кореш, то в голове сразу же промелькнула мысль: - А не тот ли это Барабан, про которого говорил мне главный механик?

Но спрашивать я его про замасленный редуктор не стал, считая, что это дело не моё.

Просто пришёл на место с ним, где были напилены дровяные чурки и стал работать.

Барабан по началу объяснил мне, что он сам попросился на эту работу специально, что бы вот таким тяжёлым трудом быстро из себя выгнать весь хмель и остатки пьянки последних дней.

Посмотрев на меня, как я начал колоть дрова, он вдруг мне заявил, что я Масквач интеллигентный и быстро выдохнусь от этой тяжёлой работы.

Я ничего не ответил ему и только пристально посмотрел ему в глаза, поняв его задумку потягаться со мной.

Молча отошёл к неразделанным хлыстам, отрубил топором три ветки и, заострив их, воткнул в снег поглубже, на расстоянии шести шагов друг от друга.

Когда отмерял шагами землю, я спросил, согласен ли он с этими замерами.

Получив утвердительный кивок головой в знак согласия, приступил к работе.

Сначала выбрал не торопясь себе короткую сучковатую чурку на подклад, на которой уже кто то до нас, на этом же месте колол дрова.

Перетащил её в удобное место посредине кучи напиленных дровяных чурок и втоптал поудобнее её в снег, предварительно расчистив место до мёрзлой земли.

Барабан уже за это время наколол с десятка полтора чурок, моторно размахивая своим колуном как маятник.

- Да Масквач, я смотрю, работник ты никудышный, - съязвил он. Так на подёнку не работаешь.

А что бы заработать подёнку на колке дров, надо было наколоть поленницу дров на длине в шесть метров и высотой в человеческий рост.

- Цыплят по осени считают, - ответил я ему хладнокровно.

Начал и я работу.

После каждого удара колуном я делал два - три объёмных вдоха, тщательно вентилируя свои лёгкие. Одновременно это являлось небольшим отдыхом. Я чувствовал как моя кровь успевает влиться в мои мышцы.

Колуны у нас были старательские. Это самоделка, сваренная из кусков рессоры японского бульдозера Камацу. К нему в качестве ручки приваривалась специальным способом труба двухдюймовая полтора метра длиной. Весил такой колун килограмм десять или пятнадцать.

Через минут двадцать мы скинули свои ватники.

Я продолжал работать в том же ритме. Самое главное для меня было отдышаться после каждого удара, почувствовать, что кровь вошла в мои мышцы и я способен на новый удар.

Барабан лихорадочно колол дрова прямо на снегу, не подставив себе, что ни будь под поленья. Поэтому ему часто приходилось делать по два удара вместо одного. После первого удара часто чурка не раскалывалась, если сучок был поблизости, а вдавливалась в снег.

Странно, - подумал я, - вроде бы опытный старатель, а так силы свои нерационально тратит.

Через два часа я посмотрел на барабана. С него лился ручьём пот. Я то-же вспотел изрядно и иногда вытирал лицо, но не так обильно как у моего напарника.

В.о.о.т! Хорошо радовался он. Всю похмелку выгонит.

Где то за час до обеда смотрю, Барабан стал перерывы между чурками чуть ли не втрое дольше моего делать.

- Ну вот, - подумал я, сейчас ты совсем устанешь.

К обеду наши уровни сровнялись.

Как только наступило 13 часов, так мы дружно отставив в сторону калуны, пошли обедать.

Я взял себе только мясо с бульоном и хлеба немного с баклажанной икрой.

Барабан же съел очень много еды за обедом.

Через полчаса мы опять застучали колунами.

А ещё через два часа Барабан уже не мог отдышаться после каждого удара.

Пот валил с него градом.

Мне его не было жалко, и я не злорадствовал над ним. Просто безразлично и монотонно делал своё дело.

В результате всего этого процесса, я закончил свою мерку часа на полтора раньше его. Потом все эти полтора часа ходил вокруг кучи и делал вид, что работаю. Надо было ещё за ней, и присмотреть маленько. А то не без оснований боялся, что если уйду варить металл то с моей кучи колотые дрова на его половине окажутся.

При этом ни в коем случае нельзя было присесть и отдохнуть. Сразу же нарвёшься на КТУ понижающий.

Барабан же еле, еле, доделал свою мерку до конца и тяжело переставляя ноги, уже ни чего не говоря, поплёлся за мной к нашей тардохе.

На следующий день меня кинули на шурфовку, а Барабана посадили за мой сварочный аппарат.

Новый начальник участка круто начал всё менять и всех гонять.

Что такое шурфовка? – спросит неискушенный читатель.

Разведку золотых приисков, насколько я это видел своими глазами, ведут несколькими способами.

Первый – самый приближённый. Ведут его по руслам промерзших до дна рек естественно в зимний период времени. Бульдозер тянет за собой сани с буровой установкой. За буровой установкой сразу прицеплены ещё сани с небольшим вагончиком, где отдыхают рабочие обслуживающие эту буровую установку. Обычно двигаясь по середине рек или в тех местах, где предписывается провести разведку бурением её проводят, как правило, через каждые 100 метров. Не берусь точно утверждать, на какую глубину забуриваются геологи, но при мне одна такая установка забуривалась на глубину в 50 метров. Знаю, что пробы грунта берутся через каждый глубинный метр. Они нумеруются и потом промываются. Если при промывке обнаруживается золотоносный песок, то потом на это место возвращаются уже другие геологи – шурфовщики. Не знаю, как сейчас эти работы организованы, а в то время когда я старался, шурфовка - это была добровольная каторга во много раз хуже нашей. Площадь участка, которую необходимо было разведать, разбивалась на квадратную сетку по десять метров с каждой стороны. Потом в центре пересечения рылся шурф шириной в 90 сантиметров и длиной в 120 сантиметров. Сначала расчищался снег. Потом на землю набрасывались корни от многочисленных чахлах сосен, поваленных ветром в округе. На корни выкладывались особым способом дрова, что бы горели и не погасли от ветра. Потом когда дрова прогорали, и земля оттаивала, этот слой земли убирался. Первые контрольные пробы начинали брать с первого же погонного метра. При мне вели шурфовку на глубину до 25 метров. Над таким шурфом устанавливается небольшой ручной ворот точно такой, какой бывает у колодцев. С помощью этого ворота шурфовщика опускают в колодец и поднимают обратно на поверхность.

На ночь в колодцы набрасывались корни, потом сухие дрова. Они смачивались небольшим количеством солянки и туда бросали зажжённую тряпку. Костры разгорались и горели всю ночь. С рассветом придя к колодцам, забрасывали их снегом, гася остатки пламени и тление углей. Потом в колодец опускался шурфовщик. Опускаться надо было быстро, потому что угарный газ не полностью выветривался из колодца, и тогда уже сложнее было из него выбраться, тем более новичку.

Мне показали, как это делают опытные шурфовщики.

Шурфовщик сначала опускает бадью. Потом сделав несколько глубоких вдохов и выдохов набрав в себя воздуха с помощью приспособления самодельного на тросе быстро опускается в шурф. Там он быстро собирает остатки мокрых углей, гася одновременно ещё тлеющие угли, и грузит их в бадью. Если шурф глубокий и шурфовщику не хватает внизу воздуха от угарного газа он сам садиться на бадью верхом и кричит напарнику наверху, что бы тот крутил ворот и вытаскивал его наверх. Крутить ворот надо быстро, что бы человек внизу не задохнулся. Вытащив шурфовщика и бадью с углями, высыпашь остатки дров в сторону. Их потом переберёшь от снега и обратно закинешь в шурф на ночь когда будешь переходить к следующему шурфу.

Отдышавшись на свежем воздухе и проветрив шурф минуты три или четыре, опускаешься с помощью ворота на дно. Потом сразу отцепляешь карабин и освобождаешь трос. Тебе на лебёдке опускают бадью. Она из себя представляет, крупное ведро, у которого дно не плоское, а конусное. Бадейки самые клёвые - изготовленные из толстой жести. Их обрамляют в верхней части ободом. Такая бадья лёгкая и удобная. Она вмещает объём - в три или четыре обычного ведра.

Небольшая лопатка шурфовщика - она размером с сапёрную не прямую, а угловую, и вдобавок ко всему зажим для ручки у неё отштампован на 45° приблизительно кверху и сама эта ручка изготавливается, как правило, из угловатого корня сосны.

На дне шурфа, стоя на коленях, выгрызаешь лопаткой оттаявшую от вечной мерзлоты землю и закидываешь её в бадью, прислонённую в угол. И так все сорок сантиметров в среднем оттаявшей земли.

Когда грунт оттаявший выберешь весь, то кричишь напарнику, что бы тот отцеплял бадью и опускал карабин за тобой.

Я постоянно носил на себе монтажный пояс, и мне не надо было цеплять специальную доску.

Прицеплял карабин я прямо за монтажный пояс.

Пробыл я на шурфовке три дня. Но они мне показались кажется в месяц.

Я так не изматывался ещё на стараниях как за эти дни.

Шурфовщик мне попался опытный. У него, правда зубов передних не было совсем, да и остальные были жёлтыми, болезненными и через раз посажены. Лицо то же было покрыто характерной для фанфуриков местных сеткой глубоких старческих морщин.

Когда меня к нему привезли на бульдозере – хозяйке, то я, уже подъезжая к нему, издали увидев это чудище, уже успел взять себя в руки и, изображая полное безразличие на лице протянул ему руку для знакомства.

Он удивлённо, но с достоинством протянул свою.

- Сергей, - представился я.

- Кряж, - ответил он.

- Это чо, кликуха, такая? А как в натуре Вас звать величать, – спросил я его.

- Да я уж и сам забыл, как меня раньше звали, - явно смущённый тем, что я в вежливой форме на Вы обратился к нему.

- Мать с отцом Василием назвали, а вот мужики мне кличку такую определили. Так ты уж зови меня как все Кряжем, ладно?

- Хорошо. Кряж так Кряж.

Участок у нас был не большой. Ширина его была в шесть колодцев – 60 метров; а длина в 7 колодцев – 70 метров.

Благодаря опыту этого казалось забытого Богом человека, способного жить только в таком удалении от большого скопления людей, мы вдвоём выполняли свою старательскую норму. За день попеременно опускаясь в колодцы из всех 42 штук выгребали по сорок сантиметров земли.

Кряж знал, как нарезать бензопилой дрова правильно, что бы сначала корни легли на дно шурфа, и под ними оставалось свободное пространство. Только его опыт забросать колодец дровами так, что бы они горели всю ночь и не погасли, обеспечил нам нормальную выработку.

Я, искренне, не таясь, удивлялся этому человеку, и ему было приятно то, что я, приехав из самой Москвы, так уважительно к нему отношусь.

На второй день он от кого-то узнал, что мы с доктором и Степаном нашли раненого и спасли от смерти его бывшего напарника.

Встретив меня утром, он притащил, откуда то термос с горячим чаем, и мне пришлось хлебнуть из него для того, что бы не обидеть Кряжа.

Отхлебнув пару глотков, у меня глаза на лоб сразу же полезли, и я понял, что это накрепчайший чифир.

Он же хвалился, что целую пачку лучшего индийского чая в этот литровый термос бросил.

Сказав, что потом допью, я не стал себе наливать больше из термоса такой концентрат и окунулся в работу.

В конце третьего дня мне сказали, что бы на следующий день я выходил опять работать на старое место сварщиком.

Я да же с Кряжем попрощаться, толком не успел. Сразу же вышел на своё рабочее место.

Только начал работать, как ко мне сразу же ещё один бензобачёк из-под пускового двигателя протёртый притащили. Оказывается Барабан такие вещи варить не смог, и его перевели в другое место.

Я опять сел на своё противопожарное ведро, подложив на него толстую доску и, сидя на нём немного отдыхая при этом, стал варить всё подряд, что мне давали, радуясь тому, что опять занялся любимым своим делом.

С новым начальником участка мне пришлось видаться, пока, только издали.

Представиться и познакомиться с каждым, как это сделал Владимир Васильевич, новый начальник участка счёл необязательным. А ведь нас не так уж и много было в это время.

Приезжавшие ко мне с планировки и расчистки участка вскрыши на ремонт бульдозеристы жаловались, что новый начальник участка очень злой человек. Сыпет понижающими коэффициентами трудового участия направо и налево. Никаких веских аргументов не приемлет.

- Зачем так делает? – говорил мне один бульдозерист, - злит только людей. Он от меня отвернётся, а я назло ему на одну скорость пониже включу и ещё медленнее работать стану.

Я с сочувствием и пониманием выслушивал мужиков, но как-то хладнокровно, до тех пор, пока меня самого не коснулась его, образно говоря, карающе - властная десница.

Дело было в одну из морозных ночей.

Я по своим должностным обязанностям ночного сварщика, должен был обходить все помещения и обеспечивать в печах этих помещений устойчивое горение, что бы люди случайно не замёрзли и не угорели.

Это было и на нашем базовом участке «Алексеевский» и здесь на участке «Улохан-Мелемкён». Так вот в эту ночь столбик термометра опустился довольно круто вниз.

Градусника у нас не было, как на участке Алексеевский, но я думаю, что градусов под 40 ночью придавила с температурой.

Я обычно старался каждый день простиравать свои шерстяные носки от пота. Чистые носки обычно лучше выдерживали холод и не так его пропускали. А тут оказалось, что мои валенки снизу были промочены в дизтопливе и как я не старался их высушить у печки всё равно ноги в них замерзали на таком морозе и уже через полчаса я бежал в самое тёплое помещение – это в баню. Там в парной я забирался на верхнюю полку и минут двадцать отогревался.

Потом шёл на улицу подкидывал дров в печку бани и, делал обход во все остальные помещения, где спали старатели и топились печи. Там тихо открывал двери, и так же стараясь не шуметь, приводил в порядок горящие угли и закладывал печи доверху дровами.

Потом надо было зайти на дизельную подстанцию и проверить, не моргает ли красная лампочка и в случае необходимости подлить масло и топливо.

Задание по сварочным работам мне дали в эту ночь – обварить ковш экскаватора. И я бы наверняка справился бы с этим заданием, если бы мне разрешено было бы работать на бульдозере Семёна. Я с его помощью сам бы подцепил бы тросом и перевернул бы ковш столько раз, сколько мне надо было бы.

Семён же никому не разрешал садиться в свой бульдозер и работать на нём.

Я знал это и поэтому не воспользовался им.

Где то с полметра я не доварил сварных швов. Когда варишь шов не в нижнем положении, а в вертикальном, то времени уходит значительно больше. Вот поэтому то, когда Барабан придя на работу увидел, что я не доварил полметра сварочного шва вскипел и тут же настучал об этом новому начальнику участка.

Тот подскочил ко мне, когда я уже завтракал в столовой и с радостным взором при всех громко объявил мне то, что в связи с тем, что я не справился с заданием, он объявляет мне КТУ за этот месяц равным 0,9.

Я, когда он подходил ко мне, понял о его намерениях сразу же, но, тем не менее, устоялся ему в его глаза.

Вокруг его зрачков и в углах его глаз я увидел какую-то яркую желтизну. Такую желтизну я у человека видел в первый раз.

Отведя взор в сторону и бормоча ему объяснения, что мороз лютый на улице стоит, а на склад валенки до сих пор не завезли. А те, в которых я работаю, не годны, так как в соляре промочены. Я в то же время думал:

– Э мужик, а ты ведь больной. И как тебя медкомиссия на участок допустила?

Все кто был в столовой, замерли.

Масквачу - КТУ занизили.

Секунд через 30 разговоры опять возобновились, как ни в чём не бывало.

Я сел на лавку, и стараясь держать себя в руках, с трудом доел свою порцию гречневой каши с мясом. В горле стоял какой то комок горечи и я с трудом через этот комок горечи отправлял в желудок свои пережёванные комки каши с мясом, с большим трудом заставляя себя доесть порцию, во что бы то ни стало не подать виду что я расстроился.

На следующую ночь мороз спал немного, и я смог всё задание выполнить в полном объёме.

Когда я пришёл в столовую, то ко мне подошёл наш электрик Журавлёв Виктор. Он сочувственно посмотрел на меня и сказал, что он ещё до отъезда из Алдана назначен партбюро артели партгрупппоргом участка.

Постольку – поскольку, я являюсь коммунистом начальник участка без собрания участка, выгнать меня сразу не сможет. Имей это в виду. Сказал он и пошёл по своим делам.

Я же двинул свои стопы в сторону моего полусарая, на своё рабочее место.

Зайдя под навес, с благодарностью вспомнился мне наш самый первый начальник участка Владимир Васильевич. То что он, зная уже, что снят с занимаемой должности отдавал распоряжения как не в чём ни бывало, продолжая до последнего мгновения думать о людях и по настоящему заботиться о них, возвышало его не только в моих глазах но и в глазах остальных честных старателей.

Вот и этот навес он сколотил для меня, проявив заботу не только обо мне, но и об остальных мужиках огородив их от спящего моего огня.

Работы как всегда было много.

В углу валялось штук шесть коронок. Это мужики привезли их после того как они поистерлись.

Вам дорогой читатель необходимо пояснить, что коронками назывались у нас сменные наконечники, которые устанавливались на конец рыхлителя, с помощью которого рыхлилась вечная мерзлота.

Рыхлитель монтировался на заднюю часть рамы бульдозера. Рама отжималась от бульдозера. Сам бульдозер при этом приподнимал свою заднюю часть приблизительно на полметра. А когда бульдозер начинал двигаться рыхлитель вспарывался в землю, и раздвигая комья земли рыхлил её родимую.

Глубину рыхления, как правило, держали на уровне 20 сантиметров. Глубже нашими бульдозерами не возможно было рыхлить. Импортные японские, те на много лучше себя зарекомендовали. Они как правило брали на 30 – 40 сантиметров мерзлоты больше чем наши. На один такой иностранец наших надо было не меньше пяти штук. За час работы японец зарывал сам себя в землю. Вот что значило, ещё в то время, импортная техника.

К каждому японскому бульдозеру по контракту поставлялось штук сорок наконечников. Каждый наконечник рассчитан был на эксплуатацию в течении 24 часов. Потом он должен был идти в металлолом.

Мы же не могли пойти на такое расточительство и выбросить эти наконечники. Вот и направлялись они ко мне на наплавку.

Я старался наплавить их как можно больше и как можно быстрее.

Варил на большом токе в нижнем положении сварочного шва. При этом активно использовал и присадочный материал. В особенности ценились следующие материалы: старые подшипники и обоймы из под них; углеродистая проволока. Хорошо шёл в присадку углеродистый квадратный прут, со стенкой в 10мм из которого я изготавливал нагели для сборки деревянных стен.

Нормой выработки считалось наплавить за смену не меньше шести коронок. Мне же удавалось иной раз и до десяти коронок счёт довести. Дело в том, что если наплавлять металл на одной коронке, то она из-за небольшого объёма быстро нагревается. Приходится какое-то время ждать пока она остынет. Задумываясь над тем как поднять производительность труда, я решил одновременно вести наплавку трёх коронок. Пока варишь одну, остальные две остывают. При этом маскировался. Прятал с глаз долой эти две остывающие коронки под стол.

Тот горный мастер, который следил за мной, придраться ко мне никак не мог. Дуга под навесом моим горела всегда почти постоянно. Ток был максимальным и ко мне проверяющие старатели ходить уже почти перестали. Все удивлялись такому количеству наплавленных коронок за смену и начальство помалкивало. От него всё равно повышающего коэффициента труда не добьешься, хоть об стенку головой, как говорится в народе, бейся.

Один раз к нам на участок пришёл налив с прицепом. Это автомобиль КАМАЗ оборудованный большой ёмкостью для перевозки топлива. Водители брали с собой ещё и небольшой прицеп так же с топливной ёмкостью.

Когда налив на зимнике стал преодолевать тот самый злосчастный перевал «Шаман», о котором я уже писал, то дежурный бульдозерист, поставленный в низовьях этого перевала был в стельку пьян. Он запросил у водителя налива за сопровождение его через перевал бутылку водки.

Наша артель, зная про труднопроходимый перевал, длиной в семь километров, поставила два дежурных бульдозера для сопровождения автомашин. Один дежурил наверху перевала. Другой внизу. И святой обязанностью этого старателя было выполнить свои обязанности и в трезвом виде, без каких бы то ни было подношений.

Шильников Юрий Федотович – так величали шофёра налива, был не новичок в перевозках по зимникам. Он являлся ещё и инструктором по вождению в экстремальных условиях.

Мгновенно приняв решение, Юрий Федотович сел в кабину и повёл налив с прицепом сам, один без сопровождающего бульдозера. Он конечно хоть был и одним из самых опытных водителей, но не знал, что из себя представлял «Шаман».

На этом перевале он ещё не проезжал, и на том самом месте, где мы чуть было не свалились в пропасть у него заносит прицеп с бензином, отрывает его и прицеп падая застревает в расщелине.

Юрий Федотович почувствовав отрыв прицепа, и увидев его падение в расщелину, принимает правильное решение, не останавливаясь двигаться дальше.

Когда перевал был пройден, то повстречавшись с другим дежурным бульдозеристом, наверху он просит его достать из расщелины прицеп.

Услышав о том, что его карифан отказался сопровождать налив, этот бульдозерист рванул на спуск.

Встретившись со своим карифаном и набив ему морду, за отказ и позор такой работы они вдвоём вытащили из расщелины прицеп с бензином.

Подтащив прицеп и обвязав его тросами, налив потихоньку поехал к нам.

Мне было велено отремонтировать налив в срочном порядке и отправить его назад.

Первое что мне пришлось сделать, это подварить сачившуюся ёмкость с бензином. В этот раз я уже не боялся варить, так как до верхнего уровня в ёмкости был метра полтора бензина.

Закончив сварку ёмкости, я кинулся греться в кабину, так как ноги мои уже почти ничего не чувствовали.

Сидевший в кабине Юрий Федотович с удивлением спросил меня, почему я так замёрз. Я же ведь в валенках.

Когда я рассказал ему что с моими валенками случилось, он молча полез за пассажирское сиденье и, достав чёрные валенки протянул их мне.

- На, носи. Извини, что немного поношенные, но они не протёртые целые ещё.

Я обалдело на него уставился, и рука не могла не потянуться к такому ценному и спасительному для меня подарку.

Я высказал ему, множество благодарностей за это.

Потом мы решили немного перекусить.

Я, отправляясь на работу эту, прихватил с собой из столовой мяса, хлеба и банку с баклажанной икрой.

Юрий Федотович то же достал свою поклажу из дома.

Когда началась трапеза, то для меня возникли опять мученья. Зубы от цинги расшатались до такой степени, что я один из них да же как то раз приподнимал немного.

Видя, что я ем медленно и долго Юрий Федотович то же поинтересовался, что со мной.

Я и об этой цинге своей, рассказал ему.

Он, так же молча, полез в карман и протянул мне маленькую чесночную дольку.

Я поблагодарил его за это. Очистил её и хотел разжевать – но не смог. Тогда достав её, разрезал перочинным ножом, который всегда был в моём правом кармане и положил за щёку.

И вот через какие то 10 ÷ 15 секунд я почувствовал, как мой расшатавшийся весь зуб начинает, как то пристывать, прилепляться, в своём гнезде в моей челюсти. А ещё через 2 ÷ 3 минуты я им уже рискнул раскусить эту горькую, но зато такую спасительную чесночную дольку.

Я с широко открытыми от удивления глазами, гонял эти чесночные половинки, из одного участка рта в другой прилепляя свои зубы в гнёзда дёсен.

Юрий Федотович уже закончил трапезничать и терпеливо ждал пока я закончу возиться со своими зубами прикрыв термос с чаем, что бы тепло не уходило.

Минут через десять и я закончил со своей трапезой, попив чайку из термоса Юрия Федотовича.

В кабине машины было смонтировано три радикулитки (радиатора масляных) и ноги мои к этому времени согрелись в теплых валенках и я радостный и умиротворённый вывалился из кабины продолжать дальше ремонтировать сломанный прицеп.

Вдвоём с Юрием Федотовичем мы часа за три справились с узлом крепления дышла к фаркопу машины. Где то подогревали и гнули металл. Где то наваривали куски толстой арматуры, но надёжность и качество ремонтных работ было на лицо к концу нашей работы. Я не жалел электродов и наваривал толстые швы что бы обеспечить надёжность в течение длительного времени эксплуатации моей работы.

Слегка уставшие от бешеного темпа работ и довольные результатами этих работ, оба замёрзшие от ночного мороза, не сговариваясь, запрыгнули в манящую своим теплом кабину автомашины.

Отхлебнув тёпленького крепкого чая из своего термоса, Юрий Федотович рассказал мне страшную историю о том, что года три тому назад из Ленинграда приехали к ним на заработки в автохозяйство, в Нерюнгри семь человек водителей. Все они были шоферами первого класса. Держались горделиво, с достоинством. Им всем дали по новой автомашине и отправили в рейс. На следующий день поступило сообщение, что все водители разбились. Они один за другим ушли в пропасть, и семь цинковых гробов пришлось вести в аэропорт на отправку в Ленинград.

На такую трагическую поверку оказалось, что шофера эти, приехавшие с большой земли, привыкли ездить по относительно хорошим дорогам с асфальтовым покрытием, да ещё посыпаемым реагентами и песочком. Они совсем не умели сбавлять скорость на спусках с помощью двигателя, резко переключаясь на пониженные передачи, а пользовались пневматическими тормозами. Вот и

получилось, что все они израсходовали сжатый воздух на одном из первых затяжных спусках и им его попросту не хватило. Тормоза поэтому отказали, и все ушли в мир иной.

С тех пор во всех автохозяйствах ввели обязательным правилом всех шоферов в течение трёх месяцев стажировать, заново переобучивать, для работы в экстремальных условиях сурового Северного Алданского нагорья.

Одним из таких инструкторов и стал Юрий Федотович. За это время он уже подготовил человек десять для работы на зимниках. А ведь ставя свою подпись под тем, что человек им обучен и полностью подготовлен к этой суровой работе он ещё и на свою совесть брал ответственность за это. Вот и пришлось ему отказать трём лихачам в том, что они являются пригодными к работе в таких условиях.

Закончив перекур и свой рассказ, Юрий Федотович въехал на снежную эстакаду и мы слили привезённый бензин в ёмкости.

Тепло попрощавшись со мной, этот удивительный человек обещал в свой следующий заезд привезти мне ещё чесночку, извиняясь за то, что у него только одна долька всего в кармане завалялась.

Я на всякий случай взял себе его адрес в г. Нерюнгри, что бы заехать, и потом отблагодарить за такую человечность, что я потом с удовольствием и сделал.

Он, немного смутившись, продиктовал его мне.

Через неделю, в столовой, перед приёмом пищи, повар говорит, что мне пришла небольшая посылка и показывает на совсем крохотный ящик, сколоченный из фанеры.

Я недоумённо взял его в руки.

На нём от руки было написано: Рудневу С.К. от Шильникова Ю.Ф.

Я сразу же догадался, что там лежит.

- Досматривать будете? - с этим вопросом я протянул посылку сидевшему рядом горному мастеру.

- Да чего уж там. Она совсем кроха. Бутылка и то намного длиннее будет, – добродушно разрешил молодой горняк.

Когда пришёл в свою тардоху, вскрыл посылку и рассовал спасительный чеснок по карманам, угостив своих самых ближайших друзей Лешего и доктора дав им по три головки чеснока.

С этого дня зубы мои перестали шататься.

А в памяти у меня хорошо запомнился те моменты, когда я залезал к себе в рот, и двумя пальцами достав зуб из десны, опять втыкал его на место. Вот что такое цинга.

_____ «» _____

Время остановить не возможно, и оно постоянно отсчитывает свои мгновенья. Секундные мгновенья складываются в минуты, а минуты в часы.

Сейчас, вспоминая как тогда мы работали по 12 или 14 часов в смену, кажется, что это было не со мной, а с кем то другим сидящем во мне.

После 8 –го марта каждый день в г. Алдане можно было наблюдать такую картину, как толпы старателей передвигаются от одной конторы старательской до другой.

Кажется, дай им транспаранты и флаги в руки – будет демонстрация.

Желающих попасть в артель в этом году было сорок человек на одно место.

Планы, по организации участка заложенные Владимир Васильевичем успешно воплощались в жизнь.

Всё что он хотел и планировал в голове и на бумаге, воплотилось в дереве и наяву.

Мне было приказано переселиться в новую тардоху.

Она уже была просушена и находилась в ста пятидесяти метрах от моего рабочего места.

С другой стороны в двадцати метрах находилось уже русло реки Улохан-Мелемкён.

Когда я пришёл в тардоху, то самое лучшее место в крайнем правом углу, уже было занято каким-то старателем из Молдавии, и я расположился с ним рядом.

На следующий день 10 марта к участку подлетели три вертушки и наша тардоха вмиг наполнилась народом.

С левой стороны от меня то же поселился старатель из Молдавии и они часто разговаривали друг с другом о чём то своём по Молдавски.

Где то в конце марта месяца у мужиков началась ломка.

В первую очередь она началась у меня и ещё у одного парня, так как мы уже давно работали.

Что же это за ломка – спросит удивлённый читатель.

Это такое явление, когда встаёшь ночью или просто просыпаешься от страшной боли в мышцах, как правило, в ягодичных, которые сводит судорога и крутит сильной болью.

Если застонешь или закричишь от внезапно пронзившей тебя боли, то разбудишь соседей и получишь в свой адрес пару, а то и тройку летящих сапог.

Это явление наступает после первых двух или трёх недель интенсивной работы или при наступлении весны, когда витаминов не хватает и мышцы не достаточно питаются.

Я, почувствовав, как боль пронзила мою голову, и свела мою правую ногу, застонал от внезапности этой боли, до крови закусив губу, догадавшись мгновенно ткнуть нос в подушку.

Взяв себя в руки отдышавшись, встал, и стал тихонечко прохаживаться по проходу мимо спящих старателей, разминая руками сведенное судорогой тело.

Где то через неделю у моих соседей слева и справа начались аналогичные явления с разницей в один день.

Когда этим переболели все в тардохе стали спать по ночам спокойно.

Храпунов среди нас не было. А если бы они и появились бы, то их попросту пересели ли бы, в отдельную тардоху храпунов.

С молдаванами естественно я познакомился, и мы часто общались друг с другом.

Помню, я как-то раз прослушав песню Аллы Борисовны Пугачёвой, они пристали ко мне с расспросами о творчестве Аллы Борисовны. Я с интересом всегда слушал песни в исполнении Аллы Борисовны. Многие вещи в её исполнении прекрасно звучали. Но постоянно, ни разу после её выступления, какого то, глубинно-восторженного чувства у меня не возникало никогда. Расспрашивали обо всём, так, как будто я её знал лично.

Рассказав им, как однажды ко мне позвонила сестрёнка моего друга детства Танюшка и пригласила на концерт Аллы Борисовны в её кафе подпольное у нас в Одинцове.

Кафе, в котором она выступала, называлось «Арлекино». Этой песней она открывала своё выступление и этой песней закрывала. У Танюшки уехал в это время муж в командировку, и она что-бы не пропали 2 приглашения захватила и меня.

Алла Борисовна была молодая, стройная и приятная дамочка в то время.

Начала концерт она в 12 часов ночи, а закончила в 5-30 утра.

Оркестр хоть и играл в полсилы, но в доме жильцы явно многие не спали.

В конце своего выступления Алла Борисовна, оставаясь в одном купальнике, запрыгнула на составленные столы и, танцуя какой-то канкан, запела свою прощальную в этот день песню «Арлекино». В конце последнего куплета бюзгальтер её лопнул, и она прыгнула со столов под дикий рёв присутствующей толпы.

Потом поняв, что я больше ничего пикантного о ней не знаю, ребята с вопросами уже поотстали.

У правого молдованинина был с собой маленький приёмничек «Альпинист».

Мы часто на ночь минут 10 – 15 слушали музыку.

Однажды в воскресенье, когда я пришёл со смены и стал готовиться залечь в свою люлю, сосед включил приёмник. По радио передавали концерт. Пела София Михайловна Ротару. Песня начиналась для меня не понятными словами: «Роман-дэ-гел....»

Сидя спиной к соседу в конце второго куплета я услышал приглушённые рыдания и удивлённо обернувшись, увидел, как мой молдаванин лежит лицом вниз и, уткнув голову в подушку, тихо рыдает.

Я растерялся, поднял руку и хотел тронуть его за плечо. Но второй сосед, его друган, сказал:

- Не трогай его - он сам отойдёт. Это у нас душевное.

У этого соседа было то же всё лицо в слезах.

Мне ничего не оставалось делать, как выйти на крыльцо самому потрясённому от всего этого увиденного, и присев у стены на чистые не истоптанные сапогами ещё ступеньки выкурить сигаретку.

Потом, когда я уже был дома и соседка моей мамы, работавшая на телевидении, пригласила меня на запись концерта «Песня 1986» я решил у Софии Михайловны спросить лично, о чём же эта песня.

Но вот беда. Как же подойти к ней. Купить цветов я не догадался предварительно.

И тут я увидел, как к дежурной подносице цветов подошёл один мужичёк, и попросил за неё преподнести кому то из выступавших артистов букет цветов.

- А что это возможно? – спросил я её наивно.

- Да конечно. А то наши лица одни и те же мелькают на экране, - ответила мне девушка, мило улыбнувшись моей наивности и удалившись куда-то, принесла и протянула мне очередной «дежурный» букет. Я взял его, поблагодарив симпатичную девушку.

Но вот беда. Как обратиться к такой знаменитости?

Вообще-то в студенческие годы я часто подрабатывал в разных киностудиях на эпизодических ролях и в массовках. Поэтому оказавшись в артистической среде, я оказался в знакомой среде.

Объявили перерыв, и я подошёл к Леонтьеву, который перекуривал в курилке.

Поздоровавшись с ним, как со старым знакомым, напомнил ему, как часто заезжал за ним домой, что бы отвести его на выступление во дворец завода им. Хруничева на очередное комсомольское мероприятие. Нужно отдать должное Леонтьев вкалывал на Комсомол тогда, как Папа Карло.

Он вспомнил меня и заулыбался, кивая головой.

Я спросил его как отчество Софии Ротару.

Он ответил, что не знает и посоветовал обратиться к Иосифу Давыдовичу Кобзону.

Он как раз дефилировал в этот момент мимо нас, и я тут же рванул к нему с вопросом.

- Михайловна, - был кратким ответ известного мэтра эстрады.

Попив кофейку в буфете и позабавившись непосредственной детской игрой сына

Вышел в фойе и внимательно прочитал расписание записи выступающих артистов.

София Михайловна выступала последней.

Вернувшись в зал, стал смотреть и наслаждаться записью и выступлениями певческой элиты страны.

И вот, наконец-то прозвучал голос конферансье, что следующей, на сцену приглашается София Ротару.

На сцене под гром истинных оваций влетает богиня эстрады София Ротару.

Мне в жизни особенно нравятся три женских голоса великих эстрадных певиц. Это: Эдита Бронислана Пьеха, Анна Герман и София Ротару. Причём София Михайловна обладает особым даром; какой то притягательной своей изюминкой, которая возвеличивает её в твоих глазах, когда ты её слушаешь до Богини эстрады. Вот и сейчас, слушая её - я впал в какую-то прострацию.

Когда раздались восторженные аплодисменты, я рванул к эстраде со своим «дежурным» букетом.

Поблагодарив её за выступление, я сказал, что у меня к ней будет один вопрос, и я подожду её у подмостков сцены.

Выступление её было последним, и она когда направилась к выходу, я осмелился к ней приблизиться и спросил:

- София Михайловна, Вы поёте песню, она начинается словами: «Роман-де-гел....», - о чём она?

- Просто о хорошем в жизни, - был ответ певицы, а потом она, посмотрев на меня, и улыбнувшись, наклонилась, и, сняв туфли на каблуках босиком как простая девчонка побежала по красной ковровой дорожке прочь за кулисы.

По дороге её поприветствовал молодой дирижёр оркестра, сообщив, что является хранителем полной коллекции её выступлений. Было видно, что они давно уже знают друг друга.

И его, одарила эта Богиня эстрады, своей лучезарной улыбкой, помахав на бегу правой рукой, держа в левой, букеты цветов и свои туфельки.

Всё это будет потом под Новый 1987 год.

А пока на дворе стоял конец марта месяца 1986 года.

_____ «» _____

Погода в это время года на Алданском нагорье стояла хорошая. Если ночами морозы стояли под -30⁰С, то днём приятно светило солнышко.

И этот самый важный генератор жизни делал свою работу каждый день, приближая теплое время года в этот суровый Сибирский край.

Промороженная до самого дна река Улохан – Мелемкён, как и множество её ручейков и речушек, спала ещё своим прекрасным зимним сном в спокойном царстве холода. Но чувствовалось, что спать ей уже не долго.

Уже между речным льдом и берегом, кое-где наметились речные проталинки.

Шофёры, проехавшие зимник жаловались на то, что дорога становится местами труднопроходимой. Такие места приходилось преодолевать, как говорить с ходу.

Была подготовлена новая посадочная площадка для вертолёт оборудованная по всем правилам и требованиям на отдельном от посёлка месте на противоположном от поселения берегу реки.

И вот в один из таких дней на вертолётную площадку, с разницей в полчаса, сели два вертолёт.

Помимо всевозможных запасных частей к оборудованию они привезли необычный груз. Купленный в Германии за валюту здоровущий породистый боров со своим гаремом из 6 уже отечественных свиноматок.

Счастье моё, что меня не задействовали на разгрузку и транспортировку этого груза.

Как удалось такого кабана с его окружением загрузить в машину и довезти до другого берега, мне не ведомо. Но ни у кого в мире нет такой смекалки как у старателей. Там люди подобраны по этой части уникальные.

Поселили свиней в отдельном свинарнике, утеплённом толстыми слоями мха как на перекрытии так на стенах и на полу. Привезли им мешков десять картошки и свёклы на первое время и складировали всё это в том же утеплённом сарае за перегородкой.

Как только солнышко стало по-весеннему пригревать, так свиное стадо оказалось среди посёлка.

Первое время свиньи ходили и приглядывались к старателям с осторожностью.

Потом они обнаглели. Вернее будет сказать, что это люди им дали такой повод.

С тёплыми солнечными лучами у столовой были оборудованы пара длинных столов с лавками для еды на свежем воздухе.

Остатки еды многие старатели сбрасывали на землю, подкармливая свиней. Тут же еда мгновенно съедалась этими прожорливыми существами.

И вот иду я как-то раз из столовой с полной миской гречневой каши с мясом на второе, как чувствую, что мне сзади между ног влетает какая-то мягкая торпеда.

Естественно я оказался под довольный гогот старателей на земле. Миска моя, отлетев в сторону, шлёпнулась на землю, на радость моей торпеды, которая как Вы уже, наверное, поняли, оказалась этим немецким борвом.

Да, хороший урок бдительности я получил на всё оставшееся время, оставшись в этот обед без каши.

Покончив с моей миской каши, боров нацелился на кого-то другого из старателей, зайдя к нему опять сзади. Но мужик перед этим видел, как боров поступил со мной и он уже был бдительней, встретив борова лицом и увернувшись от его атаки.

Борова это обстоятельство не удовлетворило, и он кинулся вновь на этого мужика.

Мужик, немного ошалев от такой наглости, вынужден был, защищая свою пайку врезать сапогом под зад наглецу.

Недовольно хрюкнув, боров отошёл в сторону.

Не прошло и трёх минут, как боров атаковал уже этого мужика опять сзади уже сидящего за столом и спокойно евшего свою кашу.

Лавка со столом повалилась и теперь уже все старатели ругаясь на чём свет стоит старались дотянуться сапогами до обидчика. Тот же, только недовольно хрюкая, довольно таки быстро увёртывался от сапог, нападавших в праведном гневе старателей.

- Осторожно! Осторожно! Яйца ему не отбейте только. А то приплода от свиноматок не будет никакого, - раздался трезвый командный голос горняка, хохочущего вместе со всеми и над собой тоже. (Горного мастера. Прим. авт.)

Погоняя борова по кругу, старатели выбрали свои миски с ложками и потянулись к повару за добавкой. Через несколько секунд показались первые просители с разочарованными лицами и продолжая вспоминать борова не хорошими словами, побрели недовольные, каждый в свою сторону.

_____ «» _____

Каждый раз, как только я шёл на своё рабочее место меня по дороге встречал весело повиливая своим хвостом мой пёс Кучум.

Погладив его по голове и потрепав добродушно загривок ему при встрече, мы продолжали уже вдвоём свой путь.

Как только я заходил под свой навес и, поприветствовав своего сменщика, уточнив объём работ на смену и попрощавшись с ним, садился на своё пожарное ведро так Кучум кидался ко мне, и старался лизнуть меня в нос, зная, что я наверняка ему принёс, что-то вкусненькое.

Мне было приятно, что рядом есть преданное тебе существо, у которого все помыслы хоть и на зверином инстинкте, но они действительно искренние - без всякой предвзятости, как у людей.

Где то в начале или в конце апреля (я уже не помню) небо затянули тучи и пошёл мелкий и противный дождь.

Работая, какое-то время под навесом, мне ещё было комфортно, но вот я получил задание отремонтировать сани наши хозяйственные и мне пришлось задуматься над тем, как варить под дождём.

Тут я вспомнил про проволочный каркас, который мне посоветовал взять с собой со свалки Семён. Он висел у меня на стене. Я снял его и пошёл в тардоху к хозяйственнику просить целлофан.

Тот, выслушав меня, без лишних слов выдал мне кусок трубчатого целлофана длиной в два метра.

Я по дороге зашёл к электрикам и выпросил у них старую катушку с медным проводом приблизительно около миллиметра в диаметре.

Получив и это я пришёл в свою тардоху и сел шить на коркасе целлофан прикрепляя его медными проволочками к каркасу.

Провозившись часа два, я вышел на улицу, надев каркас на плечи и продев руки в специальные металлические вытянутые петли. На плечах у меня был одет охотничий плащ. На ногах охотничьи сапоги с высокими голенищами. На руках брезентовые рукавицы, одетые на резиновые перчатки, под которыми были вязанные шерстяные перчатки.

Вот в такой экипировке я и стал работать на зависть всем старателям, которые сидели в своих тардохих и ждали когда пройдёт этот затяжной дождь.

А дождик этот дней десять, где то лил. Потом вышло солнышко и я, не обращая на него внимания, в каком-то рабочем запале продолжал работать, не снимая свою накидку до тех пор, пока меня не окликнул какой-то проходивший старатель.

- Да. Что то я совсем заработался – подумалось мне, - солнышка не заметил да же.

Раздумывая так, я снял свою проволочно-каркасную целлофановую накидку и опять повесил её на стену до следующего дождика.

Когда пришёл в тардоху, то мой сосед молдаванин похвастался мне перед сном, что выглядел я уж очень красиво, и он не удержался и сфотографировал меня издали.

_____ «» _____

Металл имеет свойство сжиматься и растягиваться. Особенно это чувствуется, когда новые гусеницы на бульдозере вдруг начинают провисать. В этом случае приходится просто выкидывать пару башмаков вместе со звеньями гусеничной цепи. Когда приезжает бульдозер к электросварщику вырезать один или два сразу башмака, то сварщик обязан помочь бульдозеристу выбить крепёжные пальцы соединяющие башмаки. Для этих целей у каждого бульдозериста храниться выкладка. Это металлический стержень чуть длиннее пальца и по диаметру миллиметром на пять поменьше. К этой выкладке приваривается ручка, за которую держит напарник помогающий бульдозеристу.

Так вот вижу я как то раз, как ко мне едет один бульдозер и у него провисшие гусеницы крутятся. Сразу понял переобуваться ему надо. Достал свою дежурную кувалду и стою, жду. Мужик развернул свой бульдозер и встал ко мне под навес поудобнее. Поздоровался и, вылезая, достал из ящика с инструментом кувалду ровно в четыре раза больше чем моя. У меня глаза на лоб полезли.

- Ты Космонавт со своей кувалдой много не настораешься. Нам ведь переобуться полчаса дают. Вот и давай работай.

Я уже знал что делать. Не в первый раз уже приходилось переобувать бульдозера.

Сплавил электросварочной дугой стопорный болт у пальца с удобной стороны на ленивце.

Потом взял выкладку и дал её в руки бульдозеристу. Он её взял. А я его кувалду. Стал выбивать палец при этом размахивая кувалдой как косой, когда траву косят. На двадцать втором ударе палец вылетел из цепи.

- А теперь ты держи выкладку, - сказал бульдозерист.

Когда я приставил её к очередному пальцу то он раскачав кувалду одним движением описал ею круг в воздухе и лихо и чётко всю свою силу вложил в этот удар ровно в середину выкладки. При этом палец сразу же просел наполовину. Следующий удар был точно такой же силы, и палец почти полностью выскочил из цепи. Следующий удар не такой сильный, как первые два уже выбил палец из гнезда цепи. Я только головой мотнул от удивления. А бульдозерист только разогрелся. Когда я на следующий палец выкладку поставил, то он его уже с двух ударов выбил.

Я опять только головой мотнул от удивления, восхищённо произнес только два слова: «Высший пилотаж!»

Довольный произведённым на меня эффектом бульдозерист следующий палец дал выбивать мне.

Кувалда эта, гигантских размеров, весила килограмм двадцать. И я боялся ею так крутить как крутил по кругу бульдозерист и стал так же как в первый раз «траву косить».

-----«»-----

Однажды ко мне привезли целую автомашину тонких оцинкованных труб. Эти трубы предназначались для поверхностной прокладки оросительных систем на полях в засушливые периоды времени. Они на торцах да же имели специально приваренные соединительные замки для быстрого соединения друг с другом.

Задачу мне поставили не из лёгких. Из этих тонких труб я должен был сварить регистры для отопительной системы двухэтажного общежития, которое решено было построить недалеко от столовой.

Резать восьмиметровые трубы пришлось то же электросваркой. Тогда ещё специальные отрезные машинки были только пневматические и только в основном на закрытых военных заводах. На торцевые части решено было мной использовать листовую сталь толщиной в шесть миллиметров. Вырезать круглые заглушки пришлось так же электродуговой сваркой. Причём качество шва оставляло желать лучшего. Приходилось много времени тратить на то, что бы обеспечить герметичность шва и как этот шов будет держать давление в сети - для меня было то же проблематичным вопросом.

Промучившись с одним регистром очень долго я решил вырезать заглушки немного большими по диаметру, и подгонять их уже на наждачном камне строго в размеченный размер.

Качество сварочных швов на второй трубе стало уже намного лучше, и я быстро приспособился варить их один за другим.

Как соединить регистры друг с другом? Естественно с помощью гнутых труб. Трубы мне привезли, а как их гнуть? Пришлось воспользоваться таёжным трубогибом.

Топором срубил пару сучков с близлежащих сосен. Перочинным ножом сострогал с них кору и выстрогал пробки. Одной пробкой забил трубу с одной стороны. Наскрёб топором на дорожном срезе неподалёку песку. Притащил его под навес и стал засыпать песок в трубу. Одновременно трубу подогревал дугой сварочной, держа электрод на таком расстоянии, что бы металл с электрода не приставал к трубе. Но всё равно, конечно отдельные брызги на него всё равно попадали. Подогревая трубу я выпаривал влагу из того песка, который в неё засыпал. И вот так по десять сантиметров приблизительно я каждый раз сушил песок, засыпанный в трубу. Потом стал, стуча молотком по трубе снизу вверх утрясать песок. Досыпав песок доверху, заткнул трубу с другой стороны. Потом попросил помочь мне приехавшего на ремонт очередного бульдозериста. Одел на один конец кусок в три метра трубы большего диаметра и вокруг сосны росшей неподалёку стал закручивать эту трубу оборачивая сосну трубным змеевиком. Когда трубу стало уже трудно загигать и на её конец надел кусок трубы большего диаметра. С его помощью докрутил змеевик до, кажется десятого кольца. Когда змеевик уже был свит вокруг сосны, разрезал его электросваркой сверху вниз. Получилось 10 колец. Из них 20 отводов под угол $\approx$ в 180° . Прожигая отверстия в заглушках с обеих сторон, вваривал в них отводы, соединяя по две трубы в один регистр.

Потом когда уже другой сварщик стал монтировать отопление в общежитии, то он очень хорошо отозвался о моей работе. Из всех регистров запотело 3 или 4 шва. Учитывая то, что сваривать оцинкованный металл крайне затруднительно, потому, что при переносе дуги на новое место цинк просто мгновенно испаряется. Испаряясь, он сдувает капли металла, которые должны лечь в сварочный шов. Поэтому, когда приспособляешься к сварке оцинкованной стали, всегда задерживаешь дугу в ожидании заполнения расплавленным металлом зону сварки.

За неделю таким способом для общежития было сварено сорок регистров. Помимо этого я ещё сваривал те места, которые не могли сварить другие сварщики на бульдозерной технике. Но беспокоили они меня мало, зная, что у меня идёт этот особый заказ.

-----«»-----

Когда снег сошёл, то в тайге стали из берлог выходить медведи.

И вот в один прекрасный день, когда дизельные электростанции ещё на ночь не включались, я после смены вышел покурить на наше широкое крыльцо. И вдруг в тишине услышал, какие-то стоны, рычащие из тайги.

Не понимая, кто это может издавать такие звуки, я спросил у нескольких мужиков, что это за звуки.

Один мне старатель старый и объяснил, что это медведь из берлоги только что вылез и мучается с запором своим.

Я обалдело на него вытаращил свои глаза, ничего не понимая откуда у медведя может быть запор.

Он, видя моё удивление, стал мне пояснять, что когда косолапый ложиться в спячку то он чистит себе желудок тем, что есть слабительную траву. Потом съедает немного глины, и ложиться в берлогу. Глина, пройдя через желудок и кишечник, застревает при выходе и закупоривает анальное отверстие изнутри. Ноздри медведь прикрывает своей мохнатой лапой. Поэтому когда он спит, муравьи и прочая живность мелкая спасаясь от холода и заползая туда, откуда тепло идёт не может проникнуть ни в кишечник, ни в носовую полость. Вот так природа устроила защиту медведя на период его спячки.

Проснувшись же косолапый исхудавший весь начинает из под снега оттаявшего искать, чем бы ему полакомиться и он находит в основном клюкву. От неё у него начинается пищеварительный цикл и естественно ему рано или поздно хочется на стул сходить. Вот тут то и начинаются его мучения. Он орёт на всю тайгу. Его душевные стоны в это время далеко слышны. Охотники, наблюдавшие за медведями, часто видели, как они ломают сучья на поваленных соснах и пытаются сесть на эти сломанные торчащие острые сучки, что бы проткнуть себе глиняную пробку. Разрушить её. Вот и раздаётся стон медвежий по тайге, пока он не найдёт себе облегчение.

Меня этот рассказ поразил, и я подумал, что меня как лоха разыгрывает этот мужик.

Однако нет, ещё один, уже геолог, то же самое мне объяснил.

А жил он отдельно от нас со своими землекопами.

Прошло, каких то недели две как он, увидев косолапого на свалке у столовой, дал предупредительный выстрел из ружья.

Медведи очень любят сгущёнку. Находя на свалке у столовой банки из-под сгущёнки, они долго их вылизывают.

Потом ещё раз он появился дня через три опять на этом же месте. Ещё пришлось дать один выстрел в воздух и сообщить об этом в Алдан.

На следующий день он опять пришёл и нас всех предупредили, что бы мы не отходили от своих тардох никуда. Получено указание из Алдана медведя, если он ещё раз появится у столовой застрелить. И это правильно. Медведь уже привыкает к выстрелам, и становится опасным для людей. Он может напасть на человека и задрать его. А как нападает медведь, я уже видел, когда работал начальником Монзенского участка в СМУ-1 треста Лесдревмонтаж. Вернее сказать видел человека, скальпированного им. Мы его встретили, когда возвращались с участка на самосвале и еле еле успели спасти.

Вот и в этот раз никто из нас в туалет на улице по большому уже не пошёл.

Потом часов в десять вечера пришла радостная весть. Медведя уложили одним выстрелом. Выстрела на этот раз не было слышно совсем потому, что стрелявший мастер геолог находился в своей избе и стрелял через маленькое оконце метров с десяти от медведя. Пуля угодила ему в висок и уложила наповал.

На следующий день вечером мы все попробовали медвежатинки.

Мясо специфическое и вкусное.

Жёлчь и печень как приказали из Алдана передали через вертолётчиков тем кто давал разрешение на отстрел.

-----« »-----

У одного из наших парней было охотничье ружьё, и он решил пойти поохотиться.

Написал горняку заявление на один день и ушёл в тайгу. Выстрелов нам из-за шума нашей дизельной электростанции не было слышно, но он пришёл из тайги поздно вечером и довольно уставший сказал, что подстрелил одного горного козла.

Потом, поужинав, стал по очереди ко всем приставать, что бы ктонибудь ему помог донести козла с вершины сопки, где он его закопал на леднике.

Когда он дошёл до меня, то я быстро согласился ему помочь.

Когда то и я любил побродить с ружьишкой и пострелять куропаточек и тетерев. Один раз в лесах Вологодской области да же Ангел хранитель помог мне каким-то шестым чувством поднять голову наверх и встретиться с глазами рыси. Мой инстинкт сработал быстрее, чем её бросок. Дробь с двух стволов дуплетом изрешетила ей голову и шею почти в упор, когда она уже прыгала. В этот момент её лапы передние были в отрыве от ветки, на которой она сидела, а задние ещё полностью не были распрямлены. Ружьё я вскинул, но прицелиться, не было времени. До неё было каких-то полтора метра и хорошо, что я не промахнулся тогда. Внешне она выглядела как две наши домашние кошки, на ушах её только были красивые кисточки.

На следующий день я подошёл к горняку, и тот довольно быстро согласившись нас отпустить, одобрительно махнул нам рукой.

Вершина сопки, казалось, была рядом. Протяни руку – и вот она.

Однако это впечатление было обманчивым.

Отойдя от нашего лагеря с километр, перед подъёмом на сопку в густых зарослях на небольшой ложбинке я услышал, какой-то незнакомый звук.

Не успел я повернуть голову, как мой охотник проговорил тихонько мне: - Медведи.

Мы замерли. Он стал снимать с плеча ружьё, а я искать глазами, где же медведи.

И вот опять звук повторился. Тут и я увидел маленького медвежонка. Он уже самостоятельно рылся во мхе, выискивая красные ягоды прошлогодней клюквы и довольно издавая звуки, поедая её.

Ружьё было снято с плеча и стволы разломлены.

- Здесь где то должна и медведется быть, - тихонечко проговорил он. При этом его руки дрожали и один патрон, который он вытащил из ремённого магазина, не был вставлен в ствол, а уронен на землю.

Внизу были одни расчелены, и я с печальным взглядом проводил глазами, как патрон улетает в эту расчелину, из которой его уже никогда не достать.

Когда и следующий патрон улетел вслед за первым, я понял, что дела у моего охотника плохие.

Дотянувшись рукой до патронташа, я вынул очередные патроны и сам вставил ему их в стволы его ружья. Ему осталось только сложить ствол, что он и сделал. При этом раздался щелчок.

При звуке щелчка из кустарника метров в пяти от медвежонка выросла медведица, встав во всей своей красе на задние лапы. До неё было метров двадцать. Медвежонок, посмотрев на нас, двинулся к нам в сторону, вынюхивая носом воздух, который ветром от нас стало относить.

Медведица рыкнула на него, и он остановился, замерев на месте. В кустах чуть подальше зашевелился ещё один пестун. Я про себя начал просить Господа, что бы он увёл медведицу, боясь да же пошевелить губами.

Постояв секунды три и рассмотрев нас повнимательнее, медведица ещё раз издала такой же рыкающий звук и, опустившись на передние лапы, повернувшись к нам задом, неторопливо пошла к кустам от нас удаляясь в противоположную сторону.

- Не стреляй, - на всякий случай прошептал я своему охотнику. При этом автоматически в голове продолжал как мог творить молитву к Господу и ко всем святым, что бы помогли бы отвести беду от нас.

- Я не дурак, стрелять по ней в такой обстановке, - тихонько прошептал мой охотник.

Когда медвежий зад окончательно скрылся за дальним кустарником, мы облегчённо вздохнули и, посмотрев друг на друга, вытерев со лба обильно выступивший пот, двинулись своей дорогой дальше.

Каких-то три четыре минуты заняла эта встреча с добродушной медведицей, а когда вспоминаешь о ней, то и по сей день мороз по коже идёт. Ведь всякое могло случиться. У нас не было специально заточенных пуль, которые гарантировано, проникают под медвежью шкуру. И если бы она на нас двинулась, защищая своих пестунов – то нам бы туго пришлось.

Когда летишь над летней тайгой то внизу видно, что вершины сопки покрыты ледниками. Они то и питают летом многочисленные ручьи и реки. Причём в горной местности очень редко, где встретишь ручей на поверхности земли, они все под землёй текут. Вернее в глубоких расщелинах. Потом эти многочисленные глубинные ручьи вливаются так же незаметно в реки.

Чем выше поднимались мы в гору выискивая козы тропы, а иначе напрямую по тайге не пройти из-за буреломов и завалов, тем реже нам попадались деревья. Вскоре их вовсе сменил кустарник. А ещё выше и этот кустарник стал вовсе карликовым, низко прижимаясь к земле.

Помню в одном месте, я увидел в расщелине небольшую карликовую берёзку высотой не более метра. И сразу же чем-то родным, домашним резануло душу.

- И как же тебя, родимая, занесло сюда? Каким ветром? – пронеслось у меня в голове.

Часа четыре мы протопали в гору на вершину этой сопки – и вот мы уже у ледника.

Ледник был не большой метров в двадцать в диаметре. На нём ярко блестел в солнечных лучах снег. Метрах в двух от края виднелся небольшой бугорок. Это и была тушка горного козла подстреленного накануне моим охотником.

- Слава Богу не нашёл косолапый моей добычи, - сказал мой охотник.

Достав из рюкзака топор, я приступил к разрубке туши козла. Разделив её на четыре части, мы уложили мясо в рюкзаки. Причём, вот натура у меня дурацкая, своему охотнику я, засовывая голень в рюкзак, разрубил заднюю ногу козла пополам, а себе поленился. Она как то не естественно у меня перекосила мой рюкзак. Но я понадеялся на Русский авось и тронулся в путь так. Вскоре я почувствовал, что колено этого козла натирает мне спину. Но сознаться в том, что я дал маху в разделке туши – гордыня не позволяла, и я терпел этот дискомфорт до самого конца нашего обратного пути.

Это был единственный выходной день, который я брал в артели, что бы использовать его в личных целях.

Мяса с этого козла досталось совсем мало на человека.

Нам положена была двойная порция, и то она оказалась размером со средний кулак человека.

-----« »-----

Где то через неделю на нашем холодильнике был замечен старателями ещё один медведь.

Горняк, взяв дежурный карабин и спецпатроны с подпилотом на медведя, поехал к нему на хозяйке с Семёном. Семён перед поездкой этой специально две двери, которые он снял предварительно из-за жары, опять навесил на кабину бульдозера.

Когда залезли на холодильник, то увидели, что мох в основном в середине весь раскидан, и косолапый добравшись до брёвен, видимо смекнул, что ему их не одолеть, и удалился восвояси.

Быстро прислали трёх старателей и закидали холодильник сверху мхом, что бы он не согревался.

В холодильнике же ничего не изменилось. Как было там холодно так и осталось. Термометр только на один градус повысился. Лёд на потолке в том месте, где был раскидан мох, то же не отвалился.

Мы с охотником решили этого косолапого на петлю поймать.

Я не свалке нашёл тросик миллиметров шесть в диаметре, проколил его на костре, что бы человеческий запах отбить, выпросил у повара требухи куриной, и мы отправились ставить петлю на медведя не забывая прихватить и ружьишко на всякий случай.

В тех местах, где мы виделись с медведицей, я нашёл поваленное дерево с удачно вывернутыми корнями. Подрыв мох спрятал требуху куриную под ствол и приладил тросик так, что бы петля обязательно наделась бы на голову косолапому. С противоположной стороны закидали ствол корнями и сучьями сотворив гору, как нам казалось недоступную.

На другой день пришли к этому месту и о Боже. Наши все старания пошли на смарку. Косолапый не полез в петлю, а раскидал все наши сучья и корни и, как мне кажется, съел с аппетитом наше угощение.

У меня после этого отпала вся охота, охотится на медведя таким способом.

Я понял, что он в этом намного умнее нас.

-----« »-----

С очередным вертолётom прилетела партия старателей с базового участка Алексеевский.

Прилетев все наперебой стали рассказывать случай с медведем, который произошёл и там на участке.

Один сварщик варил по одалу, от гаража ремонтируя бульдозеры. Он только что приехал стараться на участок и вышел на работу в ночную смену.

Варит мужик металл, во всю старается.

А молодой медведь только что спустившийся с гор в таёжный распадок никогда в своей жизни не видевшей такой красоты как дуговая сварка решил поближе подойти и на неё такую яркую и красивую полюбоваться.

Вот идёт он и идёт зачарованный на такой огонь в темноте и как ближе и ближе подходит так ничего уже не видит кроме него. Дуга очень вредно действует на глаза и попросту ослепляет, если на неё непрерывно смотреть.

Подошёл он к сидящему сварщику и положил свою левую лапу на его правое плечо.

- Отстань Петрович, не видишь работы полно, - с этими словами сварщик стряхнул лапу медведя в сторону, продолжая непрерывно варить металл.

Косолапый, видно ничего не понимая, опять опёрся на плечо сварщика.

Тот, уже прервал сварку и обернулся.

Представляете себе тот ужас, когда он в полуметре от своей головы увидел во всей своей красе голову медведя.

Мужик и отключился, упав в обморок. Падая, он наоборот включил сварочный аппарат, замкнув держатель на массу. Сварочный аппарат не выдержав такого издевательства сгорел.

Придя в сознание, сварщик бегом кинулся в спящий барак. Там с ним произошла истерика.

Больше он на работу в тайгу не выходил. На этом все его старания закончились. Как только мужики не отговаривали его успокоится, и продолжить работы – не помогло.

Меня же охранял мой верный безсловесный друг - пёс Кучум.

Он как всегда встречал меня у столовой каждый раз, когда я выходил из неё, и я никогда не забывал про своего друга. Всегда приходил минут на пятнадцать пораньше и приносил ему сваренное мясо. Нам оно уже порядком поднадоело. Мы ругались на повара, просили сделать его котлеты. А он закармливал нас одним и тем же варёным мясом, иногда готовя и рыбу. Куры у него шли один раз в две недели или если кто-либо ехал в тайгу надолго.

Поев мяска, и поиграв со мной мой Кучум всегда старался находиться и спать неподалёку от того места где я работал, зарывшись как правило, каждый раз в мох. И вот однажды я гляжу как Кучум стрелой и с бешеным лаем кинулся в ночную тайгу.

Там он неистово лаял на кого то и лай его постепенно удалялся в тайгу всё дальше и дальше.

Когда я пришёл после ночной смены, то мужики мне рассказали, что собаки на кануне почуяли медведя и все с испуганным воем, поджав свои хвосты, забились под тардохи.

Не на медведя ли кидался мой Кучум? – задумчиво подумал я, беря у повара миску с супом.

Дня через три история повторилась.

На этот раз я встал и отошёл в сторону на некоторое расстояние в темноту от своего полусарая, что бы глаза со света привыкли к темноте. На всякий случай раскрыл свой складной нож, который носил с собой.

Через некоторое время я двинулся в сторону лающей собаки.

Тут я увидел стоящего на задних лапах медведя пытающегося отбиться от накидывающегося на него сзади Кучума.

Пёс мой зверел и кидался на не прошенного гостя, норовя его схватить зубами за задницу.

Медведь же, как не старался увернуться от Кучума, всё же получал укусы разъярённого пса и кидался за ним вдогонку.

Моему спасителю этого только и надо было. Он всё дальше и дальше уводил непрошенного гостя в тайгу.

Вскоре тишина наступила в тайге, и когда я уже стал волноваться за моего спасителя, минут через десять Кучум, возбуждённый выскочил пулей из тайги на свет моей лампочки и лапаясь со мной, довольный тем, что я его с любовью трепал по вздыбленному ещё заливку лизнул меня в лицо своим языком выражая так же взаимную свою любовь ко мне.

Просидев в задумчивости минут десять; что же мне делать? Идти в тардоху к людям или нет. Я всё-таки решил, что беда миновала и можно продолжить работать.

Придя в столовую, меня опять спросили, не видал ли я медведя.

Я спокойно ответил что видел. Он на меня вышел из тайги.

При этих словах в столовой воцарилась мёртвая тишина. Я спокойно пояснил, что Кучум уже второй раз отводит от меня косолапого.

После этого случая интерес среди старателей к Кучуму возрос в десятки раз.

Многие его пытались перетащить к себе, да же силой – но каждый раз верный мой пёс горделиво возвращался ко мне, никогда не изменяя своей дружбе со мной.

-----«»-----

На полигоне по расчётам оставалось срезать земли в отвал с метр. Потом через полметра шёл слой земли, содержащий уже золото. Там необходимо было включать приборы.

Мне было приказано сварить печь для золотоприёмной кассы (ЗПК).

Для этой цели была изготовлена труба с фланцевым соединением с герметичной заглушкой. Заготовки её передали с грузом на вертолёт с участка Алексеевский. С другой стороны трубы, приваривалась глухая заглушка, а в неё врезалась обычная водопроводная труба, спускавшаяся в ящик с водой.

Сварные швы должны были быть герметичны. От этого напрямую зависело здоровье рядом работающих людей. Были случаи, когда при негерметичной сварке имели место отравления людей ртутными парами да же со смертельным исходом.

Добротню разварив на одном конце фланцевую заглушку, а на другом конце глухую заглушку с трубой, я стал варить ящик для сбора ртути выпариваемой из ртутной амальгамы.

Потом выбрал самую лучшую бочку из под масла.

На всякий случай понюхал её, не пахнет ли она бензином. Но ничего не заметив, приступил к изготовлению из бочки пустой печки для выпаривания ртутной амальгамы. Для этого вварил в верхнюю часть трубы для дыма и выпаривания ртути, дверцу, поддувало, ножки высотой в полметра не меньше, и решётку внутри для дров.

Горняку, приехавшему за ней, печка понравилась, и он попросил сварить ещё и сейф для хранения золота.

Я в ответ на это сказал, что если варить сейф, то нужен металл не в десять миллиметров толщиной, а хотя бы в шесть. А у нас в то время были только листы толщиной в десять миллиметров. На это мне сказали, что бы я варил сейф не такой большой как шкаф, а в метр высотой. Ещё я попросил, что бы мне дали возможность обработать края моего реза от электродуговой резки заготовок сейфа на наждаке, который стоял у входа в электромастерскую. В этом мне горняк обещал помочь, подослать хозяйку, когда будет готова заготовка.

Один погонный метр листа толщиной в десять миллиметров режется сварочной дугой ровно час.

Время я засекал часто. Причём, что бы не уйти в сторону, мало того, что бы мелом нанести маркировку той линии, по которой надо выполнить рез. Надо ещё и найти кусок толстого уголка, с шириной полки 100х100 или 63х63 и прихватив его, резать, ориентируясь в темноте под маской на грань уголка.

У меня уже был припасён кусок такого уголка в метр длиной. И я сразу же приступил к работе.

Через полдня работы, листы были уже заготовлены и Семён на хозяйке отвёз меня на обдирочный наждак. Подождав немного, и видя, что этот процесс длительный Семён подался на своей хозяйке по другим хозяйственным делам, а я стал один ворочать тяжёлые листы и обдирать кромки, зачищая металл.

Проезжавшие на полигон с обеда мужики, на одном из бульдозеров одобрительно глядя на меня, подбодрили, приветливо поздоровавшись со мной.

Под конец рабочего дня, когда я уже заканчивал варить петли на дверце сейфа, Горняк принёс мне два внутренних замка. С ними я провозился то же часа два и работу к восьми вечера закончил полностью. Сейф получился на славу. Мне было приятно посмотреть на свою хорошую работу. Главное дверца закрывалась без перекоса и плотно.

-----«»-----

Работал у нас токарем в ремонтной мастерской приветливый парень Анатолий Васильевич Згура. Приехал к нам стараться он с Украины из г. Припять. Ныне это мёртвый город из-за аварии на рядом расположенной Чернобыльской АЭС. А вообще он там был прописан на ул. Ленина в доме 28 в кв. 79.

Как только он услышал сообщение по Маяку о том, что там произошёл радиоактивный выброс, так сообразил, что случилось что-то неординарное, и стал проситься, что бы его отпустили домой проведать семью.

На это наш новый начальник участка язвительно сообщил ему, что он может не рассчитывать на доленое участие в артели, так как не выполнил условия договора, оформившись на работу. И в лучшем случае ему заплатят по сто рублей в день и всё.

Парень спокойно и с достоинством выслушал заявление начальника участка и всё равно стал ждать вертолёт. Мы ему собрали по сто рублей с человека, что бы ему как то помочь. Скинулись бы и побольше, но на кармане, ни у кого больших денег не было.

Когда он прилетел в Алдан, ему заявили, что случай этот особый – исключительный и начальник участка не прав. Он не должен был делать от имени руководства артели таких заявлений и Анатолию будет начислена подёнка и не тогда, когда она будет начислена всем, а сразу же по прошлогоднему среднесдельному заработку. Уехал Толик довольный этим, а как сложилось у него там с семьёй, уже я не знаю. Хотелось бы думать, что все остались живы и здоровы.

-----«»-----

Погода в мае месяце, в то время, на Алданском нагорье, была тёплая. Днём воздух прогревался до 15⁰С, а ночью было холодно. Ночью продолжали протапливать печи. Правда, дров уходило раза в три меньше. Чувствовалось, что днём вскоре может наступить настоящая жара.

Числа десятого мая ко мне на рабочее место лихо на четвёртой повышенной скорости подлетело два бульдозера. На отвале одного из них висела бухта проволоки диаметром в шесть миллиметров. С помощью другого отвала её скинули на землю. Один конец привязали к фаркопу одного бульдозера, а другой конец к фаркопу другого бульдозера. Мне приказали отойти подальше. Бульдозеры разогнали в разные стороны, разматывая бухту с проволокой. Разматывали до тех пор, пока её не порвали. А когда порвали, отвязали куски от фаркопов, и стали рубить на куски метра по два длинной.

Потом один бульдозер слетал на склад и привёз мешок мела и бочку жидкого стекла.

Из метрового куска трубы миллиметров сто в диаметре сварили стакан на ножках и туда половину налили жидкого стекла и половину мела. Перемешали палкой деревянной всё это быстро и стали окунать проволоку в смесь жидкого стекла и мела. Окунали двухметровые куски по очереди каждую сторону. В середине там, где держали проволоку рукой, оставалось чистое не покрытое смесью место. Его и использовал потом я, что бы зажать проволоочный уже изготовленный таким способом сварочный электрод в держатель. Держатель я сначала использовать пытался старый, в который зажимал обычные заводские сварочные электроды. Но он так сразу же, нагрелся, что я от него быстро отказался.

Из арматурной стали толщиной в восемь миллиметров, я за час изготовил новый сварочный держатель. Варить им, правда, одной рукой было тяжело, и я стал обеими руками манипулировать им.

Изготовив электроды, мы расставляли их сушиться на солнышко вокруг моего навеса с солнечной стороны.

На следующий день они были уже готовы.

Интересно то, что проволока, из которой мы изготовили эти электроды, была пружинная.

Сварочный ток был очень большим, за триста ампер.

Варить мне пришлось бульдозерные отвалы. Помогал мне один из бульдозеристов. Темп работ был бешенный.

На участке пошло золото.

Вот тут-то я и увидел, что такое золотая лихорадка. Раньше мне об этом рассказывал только Василий, готовя меня, новичка, к промысловому сезону.

Возразить против такого темпа работ было не возможно.

Ответ был бы коротким. Кулаком и в нос. Просто и без слов. Что бы, не просто работал, а старался работать, по настоящему, СТАРАЛСЯ.

Мне не когда не забыть этого шального лихорадочного блеска в глазах первого бульдозериста, который приехал и заорал нам: - «Золото пошло!»

Потом дня через три темп работ чуть-чуть спал. Вернее сказать он стал не просто суетливым, а чуть более спокойным, и выверенным.

После того как мы отремонтировали два бульдозерных отвала нам привезли на наплавку трубы фланцевые с прибора. Их надо было изнутри наплавить. И как можно больше. В ход пошли старые подшипники как шарики и ролики, так и куски обоймы. Всё это расплавлялось внутри как дополнительный присадочный материал. Дело в том, что пульпа – это смесь грунта и песка подаваемая насосами на прибор быстро стирала лопасти насоса и стенки трубопровода подающего пульпу на прибор. И чем больше наплавить слой стенки, тем дольше он простоит.

Вот тут-то я почувствовал, что такое термический перегрев. Хотя варил я не под прямыми солнечными лучами, а под навесом, но всё равно. Оставаясь в одном рабочем комбинезоне, и брезентовом костюме отделанной чёрной замшей, я на третий день работы почувствовал, что у меня всё плывёт от жары перед глазами.

И тут я решился. Очистив карманы от всего лишнего, сняв брезентовый костюм, я побрёл, шатаясь к реке Улохан-Мелемкён. До неё было метров сто двадцать. Подойдя к самому глубокому месту, я как был во всей остальной одежде, так и плюхнулся в речную яму. Помню когда влетал в воду, увидел множество рыб стремительно вылетающих от меня в разные стороны. Вода в реке была наверху, у поверхности +4⁰С, а внизу ямы был виден лёд.

Естественно, я как стремительно влетел в воду, так стремительно из неё и вылетел и задыхаясь от холода, помчался пулей на своё рабочее место.

Пока добежал - немного согрелся и, надев сухие рукавицы и сварочную робу, стал опять наплавлять металл.

Так я открыл купальный сезон на реке Улохан-Мелемкён.

-----«»-----

Мой знакомый охотник, с которым мы ходили за горным козлом был ещё и страстным рыболовом.

Один раз он мне предложил сходить с ним на рыбалку.

Меня долго уговаривать не пришлось, и я быстро согласился.

Дело это было в воскресенье. Я после ночной смены решил с утра посидеть с удочкой.

У моего соблазнителя была припасена ещё одна удочка, которую он мне и уступил.

У повара выпросили пятилитровую стеклянную банку на время, и пачку соли.

Подойдя к реке Улохан-Мелемкён, мой охотник предупредил, что бы я вёл себя очень тихо на берегу и не делал бы никаких резких движений. Дело в том, что хариус, который обитает в таёжных реках любит прятаться в глубинных ямах, и ведёт себя очень осторожно. Он при малейшей опасности стрелой выныривает из своего укрытия и старается быстро покинуть опасное место. Потом нужно долго ждать и сидеть неподвижно, пока он зайдёт обратно в яму.

Таёжная река в этом месте, представляла из себя, казалось бы, не глубокую речку. Её вполне можно было бы перейти не в балотных сапогах. Но это было далеко не везде. Встречались глубокие, до шести метров глубиной ямы, в которой я накануне искупался. Они были разные как по форме, так и по глубине. Вот в этих-то ямах и любил спрятаться в засаду хариус. И как только на воде оказывалась, какая нибудь мошка, то она мгновенно схватывалась голодной рыбой.

Видел я эту реку и в период весенних затяжных дождей. Вот тогда к ней лучше вообще не подходить. Уровень воды поднимается в некоторых местах до двух метров высотой, и она может перекачивать валуны круглые то же метра в полтора, а то и в два диаметром.

Выбрав по солнцу такое место, что бы на водную гладь не падала от нас тень, мой рыбак потихоньку отпустил от удочки крючок обмотанный синей шерстяной ниткой, что бы не блестел, и занёс его удилицем над водной гладью. Только крючок коснулся поверхности воды, как на него налетел стрелой из глубины хариус и заглотил.

Мгновенный улов. Я оцепенел от неожиданности.

Остальные рыбы из этой ямы, когда он вытаскивал улов, мгновенно её покинули.

Но моего рыболова это не расстроило. Он доволен был рыбиной. Она была сантиметров двадцать длиной. Зачерпнув в стеклянную банку воды, он высыпал туда полпачки соли и размешал её. Потом снял пойманного хариуса с крючка и запустил в банку. Там хариус стал заглатывать солёную воду и через некоторое время затих.

Мы присели на берегу и то же затихли. Никаких движений. Застыли как отлитые фигуры. Минут через десять к нам осторожно стали приближаться хариусы. И вот когда в яме их уже было около пяти или шести особей, мой рыбак опять осторожно отпустил всё тот же крючок и наклонил опять удище, опустив его на воду. Тут же мгновенно ещё одна рыбина заглотала наживку.

Мне то же захотелось поймать самому так же хариуса, и я отошёл к следующей яме метров на сто выше по течению.

Там и мне повезло, раз пять, кажется.

В банке места для рыбы уже не было, и мы перестали её таскать из реки.

Минут через двадцать достали по одной рыбки и стали их есть.

Я никогда в жизни не ел ничего вкуснее. Нежное слабосолёное мясо не надо было жевать. Его можно было просто раздвигать языком. Особый аромат. Это надо попробовать хоть один раз в жизни. Вкус его и описать то невозможно.

Вся рыбалка заняла два с половиной часа и проходила в трёхстах метрах от наших тардох.

Но надо было готовиться к ночной смене, и я отправился спать.

-----«»-----

Тот горный мастер, которому разрешили застрелить обнаглевшего медведя, когда он повадился на нашу свалку, говорил нам, что в тайге в среднем в одном распадке, как правило, живёт одна медвежья семья.

Но это явно не касалось нашего распадка.

Как только пошло золото, так с горной стороны реки, стал появляться ещё один старый медведь.

Он появлялся всегда в одно и то же время ближе к полудню. Выйдет из тайги и сядет на валун, прогретый солнцем грея свой зад. Так сидит всё время и смотрит через речку на старателей, как те стараются.

На третий день этому медведю дали кличку: «Прораб».

В вагончике горного мастера в углу поставили заряженный карабин на всякий случай.

Так недели две этот прораб приходил всё время и подолгу наблюдал за старателями. Те уж и привыкли как то к нему. Посмотрят в его сторону, сидит ну и пускай себе сидит. Посидит часа два или три и уходит куда-то.

Так было до тех пор, пока в один прекрасный день на участок не приехали съёмщики золота.

Старатели, увидев машину золотоприёмной кассы, обрадовались, что есть возможность отдохнуть и попить чайку минут пятнадцать. Как всегда позаглушали свои бульдозера отжавшись на отвалах, оставив один работающим, что бы от него завестись, и подались в вагончик чай пить.

Приёмщики же, чего-то у себя забыли взять из ЗПК, и быстро уехали не став сливать амальгаму.

Через полчаса приходят на свои рабочие места старатели и тот бульдозерист, у которого работал бульдозер, то же залезает на свой бульдозер, и видит интересную картину. Все рычаги бульдозера торчат не прямо вверх как положено им торчать, а загнуты в бараний рог. Ни одного прямого нет. Все в дугу согнуты. А на сиденье, где должен водитель сидеть, куча испражнений с брусничными не переваренными ягодками алыми блёстками сверкает. Подарок от михайла-потапыча в качестве визитной карточки оставленной.

Такой наглой дерзости от Прораба никто не ожидал.

Ругань с весёлым гоголом поднялась. Все давай, кто чем, помогать бульдозеристу скорей отмываться, и рычаги бульдозера выправлять. Часа два участок стоял пока сварщик дежурный на полигоне не разогрел все рычаги и не выправил их в рабочее положение.

Вечером из Алдана было получено разрешение на отстрел этого медведя.

Но Прораб оказался хитрее и умнее. Он вообще больше ни разу не пришёл погреться на камушке, утратив всякий интерес к нашему делу. Вот и пойми эту медвежью психологию.

-----«»-----

Работы у моего навеса становилось всё больше и больше.

Туда как на свалку свозилась вся изношенная техника.

Дополнительно подогнали ещё один дизельный сварочный агрегат и выделили ещё одного сварщика.

Он расположился чуть поодаль от меня, что бы нам не сверкать друг другу в глаза электросваркой.

Ещё один старатель помогал нам изготавливать сварочные самодельные электроды для наплавки. Он не минуты то же не сидел и активно нам обоим помогал ремонтировать ту технику, которая выходила из строя.

Я уже давно придумал и успешно воплотил в жизнь, как нам сокращать время простоя техники на ремонте.

Дело в том, что ещё, когда я уезжал с зимника я высказал своему главмеху мысль, что хорошо бы нарезать заранее пластины для ремонтной сварки тех конструкций, сварные швы которых не выдерживают нагрузки и лопаются. И он тогда ещё с одобрением к этому отнёсся.

Вот и здесь я стал заранее вырезать косынки различной формы и различных размеров из листовой стали толщиной в десять миллиметров. Полосы и пластины различных размеров то же из этой же стали.

Резать дугой металл крайне долго и нудно. Один погонный метр реза занимал целый час.

Был у меня бензорез, но кислорода к нему мне никто не завозил. А так хорошо бы часок поработать, зато быстро металл раскроишь, так как тебе надо. И мучиться не надо было бы с дуговой резкой.

Но кислород был на участке, и он строго предназначался только для напайки резцов токарям.

Благодаря тому, что у меня заранее были нарезаны полосы, и всевозможные пластины с косынками ремонт бульдозеров сократился и стал быстрее проходить по времени раза в четыре.

Честные ребята это видели и одобряли мои действия и поступки.

Ничего не говорил мне против этого и мой горняк. (Горный мастер). Наоборот, ему было выгодно, что техника всё время работает и минимум времени тратиться на её ремонт.

А вот на начальника участка, я опять ещё раз нарвался.

Дело было как-то раз, во время, когда сильно пекло солнце, и я опять разогрелся со своей сваркой до того, что в голове всё поплыло. Я так же как в первый раз сходил на речку, и нырнул в яму, разогнав опять хариуса.

Когда вернулся на рабочее место через 10 минут, то там увидел поджидающего меня начальника участка.

- Ну что, попался купальщик! – со злорадной усмешкой подскочил он ко мне.

- Объявляю тебе КТУ=0,7 за этот месяц.

- За что? - возмутился я, – За то, что во время своего перекура, я сходил и окунулся в реку? Так в глазах же плывёт от жары всё. Совесть надо иметь!

- Что? -о? -о? – заорал он, подскочив ко мне вплотную и придвинув свою рожу к моему лицу.

- Спорить со мной будешь? – продолжал он, заглядывая мне в глаза. Тут я опять увидел в его глазах вокруг зрачков и в углах глаза резко выраженную желтизну.

Я взял себя в руки, видя, что бесполезно, что-либо возражать. Но взгляда своего от его глаз не отвёл. Я спокойно и хладнокровно, да же с ненавистью глядя ему в глаза, выдержал эту паузу.

Постояли мы так с минуту, как два петуха смотря друг на друга, а потом разошлись.

Как доработал я до конца смены, уже и не помню.

Обиды комок сдавливал мне часто горло и иной раз не давал дышать.

Потом я уже узнал, что это называется стресс.

Придя к себе в тардоху, и выкурив пару сигарет подряд, я решил что всё. На этом надо ставить крест на стараниях. За плечами у меня было ровно 248 подёнок при 220 обязательных, и я имел право на доленое участие в распределении премии в артели.

Чувствовалось ещё, что за плечами уже есть сорок лет тебе. Чувствовалось, что очень хочется просто выспаться, где нибудь в тишине без грохота проезжающих мимо твоей тардохы бульдозеров, без топота сапог рядом проходящих мимо твоей лежанки старателей, громко иной раз разговаривавших друг с другом.

Но как уехать, когда пошло золото? Сейчас никто без уважительной причины меня не отпустит?

Тогда я решил обратиться к нашему доктору Анатолию Ивановичу.

Причина была в некотором дискомфорте, который я действительно тогда испытывал.

И вот я у него, в уже отдельном зубном кабинете, где он рядом одновременно и поселился жить в соседней комнате.

Объяснив ему ситуацию, я изложил просьбу, и он осмотрел меня.

- Да! Непонятно, что это у тебя за болезнь такая? – сказал он в заключении.

- Но ты ведь как-то приспособился к этому недугу пока? – продолжал он, - может быть передумаешь?

- А зачем ждать? – вопросом на вопрос ответил я ему. – Следующий КТУ будет равен 0,5 и тогда уже дорога на вертолёт будет неизбежна? А так я сам улечу.

- Да! Пожалуй, это самое резонное решение! – подытожил наш доктор.

Подсев к столу, и вырвав чистый листок из школьной тетрадки в клеточку, доктор написал своё медицинское заключение в необходимости моего обследования в поликлинических условиях и с каким я диагнозом отправляюсь на большую землю.

Я поблагодарил доктора, и, взяв у него заключение, собирался уже уйти, как он остановил меня и в приказном порядке сказал, что бы я не спешил.

- Сядь, не дёргайся! Сейчас чайку попьем, тогда и пойдёшь, - приказал Анатолий Иванович.

- У меня кроме печенья, пряников и конфет ничего больше нет, - извиняющимся тоном продолжал он, наливая в стаканы чай.

Я, откровенно говоря, и не рассчитывал на такой тёплый приём нашего доктора.

Разлив нам чай Анатолий Иванович тяжело вздохнув, сказал протяжно: «Да... И меня сия участь не обошла. И мне КТУ=0,9 был объявлен начальником участка.

- А Вам-то за что? – искренне удивился я.

- Да портянку сел перемотать на бревно и чуть дольше задержался, на какое-то мгновение. Поверишь, так хорошо было, ветерок в лицо потное обдувает. А он тут как тут. Перекур, сидя и в неположенное время. Вот ведь как бывает, – заключил со вздохом Анатолий Иванович.

- Так Вы же не курите? – не унимался я.

Анатолий Иванович всё так же продолжал пилить лес на пилораме по двенадцать, а то и по четырнадцать часов в сутки, а врачевал он совсем мало. Только тогда когда у кого то начинали болеть зубы.

- А ты ему попробуй, докажи? – продолжал Анатолий Иванович.

За столом воцарилась, на какое-то время, тягостная тишина.

- Я тебе Сергей благодарен за твоё мгновенное решение, вызвать вертолёт к тому раненому, помнишь? – нарушил молчание Анатолий Иванович.

- Помню, - ответил не весело я, - только по-моему это у нас с Вами одновременно как то получилось.

- Какая разница. Самое главное Сергей, что ты честно всегда старался, никогда и не пред кем не ссучивался - вот и всё, - заключил Анатолий Иванович.

На этой не весёлой ноте я и попрощался с доктором.

Но самое главное он сделал. Он этим чаепитием немного забальзамировал мне душу. После этого мне стало легче. Появилась большая уверенность в своей правоте, и мысль, что всё-таки правда будет рано или поздно на стороне правых.

Знаю, что ещё ему был объявлен понижающий коэффициент = 0,7 как и мне. Не знаю, за что наш начальник ему повесил это КТУ, но долевое участие в распределении премии он получил. И свои, кровно заработанные, то же.

-----«»-----

На следующий день, я как всегда пришёл в столовую на завтрак.

Встретив в конце завтрака знакомого съёмщика, из ЗПК с которым старался на строительстве холодильника напомнил ему про обещание показать мне ЗПК и весь процесс получения золота из амальгамы.

На это он утвердительно кивнул и сказал, что сначала со своими остальными съёмщиками переговорит и сам мне скажет, когда подойти можно будет.

На работу я уже не пошёл.

Вместо этого пришёл в командирский балок и объявил, что в связи с заболеванием должен вылететь на обследование в город Алдан.

Начальника участка не было, он где то очередные разгоны устраивал, а был не известный мне заместитель.

Он попросил меня показать направление в больницу, но я сказал, что не доверяю ему в этом, и сам зачитал текст и показав его на некотором расстоянии ему.

Потом я напомнил ему, что у меня ровно 248 подёнок, и я надеюсь, что ни один день не пропадёт у меня из табеля.

Он заглянул в табель и согласно кивнул мне в ответ.

На этом мы расстались.

Я пошёл укладывать чемоданы.

Весть о том, что я уезжаю с участка мгновенно разнеслась по нему.

Многие завидовали мне, что я скоро увижу город Алдан и окунусь в городскую жизнь.

Свято место пусто не бывает. На мой сварочный аппарат кандидатов было человек пять не меньше.

В обеденный перерыв я увиделся с приёмщиком ЗПК, и он сказал, что бы я приходил к ним в 15 часов.

Точность – вежливость королей. В три часа дня я нажал кнопку электрического звонка на заборной калитке ЗПК. Через несколько секунд дверь в небольшом домике метров 10 x 10 открылась, и на пороге выросла фигура моего карифана. Он, приглядевшись ко мне, махнул рукой приглашая зайти. На калитке загудел магнит самодельного замка электрического, втянувшего в себя щеколду и освобождающую дверцу на её открытие.

Аккуратно и не спеша я закрыл за собой калитку, защёлкнув её на магнитный замок и двинулся к крыльцу.

У крыльца стояло корыто с водой для того, что бы не входить в помещение с грязными ногами.

Зайдя в дом, я прошёл через металлическую решётку и увидел, что он разделён на две половины.

Одна половина была жилой, а в другой находилась сама ЗПК. Разделён он был перегородкой досчатой. В жилой части стояла печка железная без выпаривателя, а в ЗПК я узнал свою печку и сейф то же. Всё помещение было оборудовано металлической клетью сваренной из прутковой металлической арматуры. Прутки были миллиметров двенадцать в диаметре. Сварены они были часто, с шагом в двадцать сантиметров где то. На полу и на потолке то же была такая же решётка.

- Да, - протянул я. - Не пожалели арматуры мужики. На совесть сварили.

У входа стояла пирамида для автоматов Калашникова. Автоматы же были у всех трёх кассиров за плечами.

В ЗПК стояло два стола. Один был обит оцинкованным стальным листом с буртиком. На нём находился цинковый пестик и цинковый кругляк толщиной миллиметров в двадцать. На этом столе разбивали куски спекшегося золота после выпаривания из него ртути. Потом круглым магнитом собирали всё, что к нему прилипает, и несли это в специально опечатанный ящик. В него сбрасывалось не чистое золото, а примесь его, которая должна магнититься.

На другом столе стояли лабораторные весы. Лежали журналы, в которых записывались отчёты по весам. Взвешивалась сначала чистая ртуть на напольных весах. Тара, как пустая под своими номерами, так и заполненная, привезённой с участка ртутной амальгамой. Всё тщательно взвешивалось и записывалось в пронумерованные, прошнурованные и опечатанные специальные журналы учёта. Целостность специальных сургучных печатей, залитых в небольшие выточенные токарем металлические гнёзда, проверялась постоянно и к ним относились трепетно.

На столе рядом с лабораторными весами на клеёнке на круглой тарелке горкой было насыпано золото.

- Давай Космонавт! Это тебе специально ребята оставили, - показал карифан на золото.

Я подошёл к золотой кучке поближе. Протянул руку и тремя пальцами попробовал на ощупь золото.

Это было раздолбленное цинковым пестиком чистое золото без примесей.

Получив психологическое удовлетворение от того, что я, то же прикоснулся к продукту такого многодневного не только своего труда, я встряхнул обе ладони друг с другом над кучкой металла, показывая всем, что к моим рукам ничего не прилипло, и отошёл от стола.

Поблагодарив всех за экскурсию в ЗПК, и попрощавшись со всеми, я вышел на улицу.

Странное чувство владело мною.

Я действительно получил то, что хотел. И был этим доволен и в то время бесконечно счастлив.

Вечером мне передали, что завтра будет вертолёт и, наверное, не один.

Сдав на склад не нужные теперь уже тёплые вещи, я значительно облегчил вес своих чемоданов. Да и сварочных электродов в них уже не было. Чемоданы я решил оставить у ребят в общежитии, в Алдане.

Когда пошёл вечером на ужин то, выйдя из столовой, увидел своего Кучума. Он стоял и ждал меня, весело поваливая своим хвостом.

- Подожди Кучум, - сказал я и кинулся опять в столовую. Подошёл к повару и тихонько попросил для своего любимца чегонибудь вкусенького в последний раз.

Тот сочувственно глянув мне в глаза насобирал из мисок остатки мяса и отдал мне целую кучу, завернув всё, в какую-то тряпку. Заодно сунул мне полкурицы с собой в дорогу.

Выйдя из столовой, я кивнул Кучуму, и повёл его подальше от людей и от прожорливых свиней шныряющих рядом и ищущих без конца, чемнибудь поживиться.

Мы с ним пришли к реке, и я скормил Кучуму его угощение. Где то около часа я провёл со своим любимцем на берегу реки Улохан-Мелемкён. Он так же ласково играл со мной норовя лизнуть меня в нос. А я как всегда трепал его за загривок, глядя по его крупной голове. Прощался я со своим псом ненадолго, думая вскоре вернуться и опять продолжать стараться дальше. Мне надо было выспаться. Я страстно хотел только одного – выспаться. И ещё. Хотелось увидеться с женой и дочуркой. Рассказать им о том, как прекрасно бывает иногда и в этом далёком таёжном крае.

Когда я пришел к себе в тардоху и стал готовится ко сну то за стеной услышал знакомый звук ГТТ. А ещё через несколько секунд в дверь ввалилась весёлая компания из пяти человек. Во главе её был Серёга – наш русский дагестанец. Оказывается, это они специально заехали меня проводить. Все радовались за меня, что я скоро буду уже дома с семьёй. У Сергея, как всегда в левой руке был китайский термос и он предложил чокнутся, чисто символически, налив из него кваску прохладного. В термосе болтались льдинки из холодильника. Мы с удовольствием чокнулись этим напитком. Весело было. Не помню, кто, но кто-то из ребят подшутил над Сергеем. Какой он, мол, Дагестанец, он совсем наш Русский. На это Сергей, блеснув на говорившего своими голубыми глазами, вдруг попросил всех отойти от стола подальше передвинул с краю на середину буханку хлеба стал на цыпочках напевая сам себе с особым темпраментом присущим только коренным дагестанцам танцевать лезгинку. Сделав вокруг стола три прохода, он в конце танца, выхватил из своих ножен кинжал, с которым никогда не расставался, покрутил его вокруг кисти, как бы взвешивая и притягивая к руке, потом каким-то движением из-под руки перекинул его снизу вверх из-под себя. Кинжал, описав полукруг из под его правой руки точно вошел в кирпич хлеба, стоявший посредине стола. Мы все застыли в молчаливом шоке. Из застывших голубых глаз нашего русского дагестанца сверкали добродушные молнии, перекидывавшиеся с одного окаменелого лица на другое.

-----«»-----

На следующий день утром 4 июня 1986 года мне стало ясно, что день будет жарким.

Позавтракав в столовой, я вместо чая, решил попить кваску. Его рядом со столовой под небольшим навесом от солнца, поставили аж в три бочки.

Подойдя к ним, я взял в руки кружку, и направился к крайней левой бочке.

- Э...э...э! Космонавт! Не пей из этой бочки. Он что-то не свежий там. Из соседней бочки выпей. Там хороший квас, - проговорил проходивший мимо меня знакомый старатель.

- Спасибо, - ответил я ему и вдоволь напился свежего хлебного квасу из средней бочки.

Потом подъехал за мной персонально ЗИЛ 131 и отвёз меня на вертолётную площадку с моими чемоданами.

Времени было около 10 часов.

Вертолёты должны были вылететь из Тынды с комиссией и по нашим расчётам быть, где то, к этому уже времени на нашем участке.

Становилось на солнце жарко.

Я оставил свои чемоданы с рюкзаком на площадке и спустился к реке. Намочившись до пояса с прибрежных камней, стал ждать вертолёты. В кармане нашлась, какая-то монетка. Я бросил её в речку, загадав желание вернуться сюда ещё раз.

Прошло ещё полтора часа, пока высоко в небе показался первый вертолёт.

И то, сначала машина с начальником участка приехала. А потом уже через десять минут и первый вертолёт показался.

Со мной начальник участка да же не поздоровался. Покопился на меня своим жёлтым глазом и всё.

Свита высыпала из вертолёта огромная. Все сели на грузовик и укатили на участок. С вертолётами остался один из пилотов охранять. И я сразу же попросился к нему в тенёк. Пилот только рукой махнул.

- Делай что хочешь!

Минут через двадцать показалась машина.

Я уже сидел в кабине вертолёта и изготавился к фотосъёмке.

Царёв – наш Главный инженер, с командиром вертолётa любезно разрешивший снять его мне на память. «Царь» - такую уважительную кличку дали ему в артели. А я бы добавил: «Главный бульдозер».

Немного не достроенное двухэтажное общежитие на участке.

Когда Царёв оказался со мной рядом в кабине, он потребовал что бы я показал ему направление доктора.

Документ был у меня во внутреннем кармане ветровки, и я быстро достал его.

Прочитав его, он вернул направление мне, и кивнул пилоту вертолётa, давая команду «На взлёт».

Я радостно вздохнул полной грудью при этом.

-----« »-----

Около часа мы летели до Чульмана.

Вот только не помню сейчас. Пролетали ли мы чашу нерюнгринского угольного бассейна до посадки в Чульмане, или после неё? Кажется - до Чульмана.

Размах этой чаши впечатляет.

Летели мы, по кромке этой чаши, обогнув её наполовину.

Представьте себе чашу глубиной более километра и диаметром в несколько километров. По краям этой чаши спиралевидная дорога, по которой в виде маленьких букашек ползут здоровые карьерные автомобили, вывозя из этой чаши ценнейший уголь, которому по своим высокотемпературным показателям при горении нет равных в мире.

Где то за полчаса до посадки в Чульмане вижу по лицам мужиков, что у них, что-то случилось. Некоторые да же встали и с напряжением на лицах летели стоя.

Потом, когда вертолёт быстро сел у кромки лётного поля не его краю, вдалеке от здания аэропорта и его винты ещё продолжали крутиться все мужики, включая и вертолётчиков, бросились бежать к забору.

Один я в салоне физюляжа оставался сидеть да тот механик, в кабине, который вертолёты караулил на нашем участке.

Когда все рванулись к забору, я удивлённо спросил механика, - что случилось?

- Что, что случилось? Не видишь разве? Медвежья болезнь. Они там кваса старого не из той бочки, из которой надо напиться. А её для свиней оставляли с протухшим квасом и ничего не написали и не сказали.

Это сейчас я с улыбкой вспоминаю случившееся. А тогда мне было не до смеха. Искренне было жаль мужиков. Они как будто кросс стометровки на время сдавали, так быстро бежали к забору.

Когда Царь последним зашёл в салон физюляжа, то злобно процедил сквозь зубы. — Башку оторву, скотине.

Это я уж не знаю кому. Наверное, повару, устроившему такой массовый дискомфорт.

Алданский аэропорт встретил нас послеобеденным зноем.

Дежурная машина отвезла всех до конторы, а меня водитель спросил, где я остановлюсь.

Я ответил, что в общежитии СМУ. Дом водителя был как раз на дороге, по которой надо было проезжать мимо моего общежития. И он мне сказал, что подвезёт меня до самого общежития.

Я не стал дёргаться и с комфортом доехал до дома. Там поблагодарив и попрощавшись с шофёром, поднялся на третий этаж.

Ребята, увидев меня, загудели приветливо. Там же был и Миша Сорокин со своей женой Валентиной — симпатичной якуточкой и первенцем — сыном.

Тут же я отдал всю наличность, что оставалась у меня с собой. Покушал той курицей, что дал мне с собой наш повар которую заботливо разогрела Валентина Афонасьевна; и завалился с великим удовольствием в свободную койку.

Проспал я три дня.

Вставал только в туалет и поесть то, чем меня кормили Валя с Мишей.

Они видели, в каком состоянии я приехал ни о чём не расспрашивали и вели себя в комнате тихо.

-----« »-----

Через три дня я встал и почувствовал, что мне значительно стало легче.

Собрался, взял с собой пустой рюкзак и пошёл в контору. Там написал заявление на отпуск и на то, что бы мои отпускные и оклад артель перевела домой на имя жены. Обозначил сумму, оставив себе на обратный билет, на самолёт и пошёл в общежитие.

По дороге зашёл в магазин и о чудо только что привезли алкогольные напитки. Я купил по две бутылки вина, водки и коньяка. Опуская их в рюкзак, увидел, как к магазину сбегаться народ начал. Ну, думаю — повезло!

Придя к своему протеже в управлении ОБХСС сел у дверей его кабинета и стал ждать, когда он освободиться.

Двери были тонкие, стены в коридоре то же досчатые. Всё о чём говорил майор ОБХСС беседуя со своим допрашиваемым в кабинете было отчётливо слышно. Мне пришлось просидеть со своим рюкзаком чуть более четырёх часов, пока он не выпустил своего допрашиваемого.

Когда я постучал в дверь и вошёл, то он узнал меня сразу же.

- Ну ты что, привет, отстарался уже? – задал он мне свой вопрос.

- Да. Зимник прошёл. Теперь вот в отпуск оформился. – ответил ему я, при этом прошагал и без разрешения стал за тумбочку в его кабинете выставлять и прятать бутылки.

- Ну, вот и всё. Как я обещал – так и сделал, - с довольным видом от содеянного, сказал я.

- Спасибо, - поблагодарил инспектор и протянул мне на прощанье руку.

Я пожал её с искренним к нему уважением и признательностью. Кроме всего прочего я обнаружил у этого следователя особый талант, слушая его доводы, когда он раскалывал, так долго одного из старателей. Делал он это весьма профессионально, убеждая своего посетителя. Все его доводы были ярко патриотичны, и под конец беседы старатель у него в кабинете сдал своего напарника с кем нелегально промышлял, промывая в лотке в ручную золотишко.

Выйдя из его кабинета, я опять пошёл в магазин и купил уже ребятам в общежитие спиртное на отпускной отходняк. Простоять пришлось в очереди, правда, не долго. Мало ещё людей знали про то, что в этот магазин завезли спиртное.

Проходя мимо кассы аэрофлота, зашёл туда и узнал, что билетов на Москву на ближайший месяц нет. Они были все распроданы заранее. Надеяться, что мне удастся получить бронь, ни какой не было. Бронировались тогда билеты для пассажиров, вылетающих по особым обстоятельствам. Как правило, обкомы, райкомы и крайкомы КПСС требовали, что бы аэрофлот до 10% оставлял бы билеты до самого последнего момента - объявления времени на посадку. Вот тогда-то бронь эта и раскупалась мгновенно стоящими у кассы людьми желающими стать пассажирами.

Нет билетов – поеду поездом решил я.

В общежитии с ребятами было как то грустно. Чувствовалось, что они завидуют мне, хотя никто из них не подавал да же и виду об этом.

Посидели. Каждый рассказывал те истории, которые приключились с ними, пока я старался.

Каждая зима, а в особенности в Сибири даётся не просто каждому человеку.

Ребята рассказывали, сколько техники поломалось у них в шестидесяти пяти градусные морозы. Они простояли тогда около трёх дней.

В такие морозы никто старается не работать. Но, тем не менее, жизнь не остановишь. Она как наша матушка Земля продолжает крутиться медленно и всё в одну и ту же сторону.

Наутро я оставил ребятам свои здоровые два чемодана, взяв с собой только рюкзак. В него сунул свои тёплые вещи и налегке зашагал к автобусной остановке.

В Алдане было жарко. Я взял автобусный билет на город Нерюнгри. Хотелось зайти к Шильникову Юрию Федотовичу и ещё раз сказать ему большое спасибо за его человеческое отношение ко мне спасшему мои ноги от холода и мои зубы от выпадения. Такое не забывается.

Когда сели в автобус и поехали то на одной из остановок я подошёл к водителю и спросил насчёт того знает ли он Юрия Федотовича. Оказалось что да. И он обязательно обещал мне что притормозит, когда будем проезжать мимо автобазы, где работает Шильников.

Не помню уже совсем, сколько часов мы ехали, но шофёр выполнил своё обещание и не забыл про меня. Когда проезжали мимо автобазы, то он притормозил и высадил меня прямо у проходной.

Зайдя на проходную, я у сторожа поинтересовался, где можно найти Юрия Федотовича.

Он показал, в какую сторону и к какому корпусу надо подойти, что бы узнать, где увидеть Юрия Федотовича.

Зайдя в корпус и найдя начальника автоколонны, я узнал, что Шильников находится в рейсе и будет часа через полтора. Поблагодарив начальника, я решил зайти к сварщикам. Долго искать их не пришлось. Они были в соседнем помещении в ремонтной мастерской. Их было трое. Познакомились и разговорились. Узнав что я работал технологом по сварочному производству, и только что отстарался в Алданской артели разговор у нас пошёл уже на профессиональные темы.

Мужики с особой гордостью рассказали мне, что у них освоен процесс электродуговой строжки металла по Японской технологии. Рассказали мне, что они изобрели гораздо лучший резак, чем тот, который им дали Японцы.

Под конец беседы появился Юрий Федотович. Увидев меня, обрадовался. Стали собираться – и вдруг один из сварщиков кинулся к своему рабочему месту, снял быстро свой электродуговой резак и тянет его мне.

Я растерялся. Зачем? А он настаивает на своём, бери и всё. Ещё пачку графитовых электродов суёт. Раз у вас такого процесса нет – то будет. А электроды дополнительно приобретёте. Юрий Федотович, видя мою растерянность на лице, наклонился ко мне, и говорит мне, что бы я взял с собой всё, что мужики мне приготовили. Пришлось забрать. Рюкзак стал значительно тяжелее.

Потом я жалел об этом. У нас нет Японских бульдозеров, и мы их не ремонтируем. Естественно провалялся у меня в гараже этот резак лет 15 пока я его кому то из сварщиков не отдал. Ну да ладно.

Пошли мы к Юрию Федотовичу. По дороге я в магазин заглянул, хотел с собой горячительного чегонибудь прихватить. А там из ликёро-водочных напитков одни пустые полки красуются. Сухой закон.

Юрий Федотович, узнав, зачем я в магазин пришёл, замахал на меня руками. Не надо, мол, ничего. Дома у него всё есть.

Пришлось с унынием согласиться.

Дверь открыла симпатичная крепко сбитая немного с проседью в волосах сибирячка.

Я поздоровался. Пока про меня Юрий Федотович докладывал своей супруге, мне вспомнились слова одной из песен: «... Сибирячки как огонь. С переливами гармонь. С переливами гармонь. С огоньком ребята..»

Она, оказывается, была уже наслышана обо мне. Супруг делился с ней, рассказывая ей обо мне. И мы сели пить чай.

Сев к столу и начав застолье, налили по рюмочки и, видя как хозяин отпил только самую малость, а хозяйка совсем не стала пить я то же отхлебнул для вида из своей, и всё. Пить не хотелось совсем. Хотелось общаться друг с другом и больше узнать друг о друге.

Когда стрелка часов клюнула за двадцать часов, я заторопился. Надо было устраиваться в гостиницу. Но меня хозяева не пустили и оставили на ночлег. Мы с большим удовольствием проговорили до часу ночи.

Утром я встал, поблагодарил хозяев за кров и приятное общение и пошёл покупать билет на поезд до своей родной Москвы.

Билетов в этот день не оказалось, и я взял на следующий.

К Юрию Федотовичу решил больше не ходить, хотя они меня и приглашали к себе если я в этот день не уеду. Всё-таки чувствовалось, что я им создаю какую-то напряжёнку немного.

В гостинице то же место нашлось не сразу. Пришлось часа полтора ждать, пока освободиться номер.

Интересно то, что когда я подходил к гостинице метрах в ста от неё работал японский бульдозер. Он только начинал рыхлить мёрзлую землю своим задним клыком на небольшой площадке. Договорившись насчёт номера, я пошёл поискать, где можно было бы купить еды. Когда я через час вернулся в гостиницу, я бульдозера не увидел. Он зарылся глубоко в землю, готовя котлован под строительство, какого-то объекта. Я да же был шокирован таким темпом работ. Это был наглядный пример высококачественной работы импортной техники.

Пообедав, завалился спать. Самый любимый в то время для меня процесс.

Попросил дежурную по этажу, когда меня надо было разбудить, и залёг в постель, как медведь в берлогу, сразу уснув.

Проспав часа три, вдруг как то сразу же проснулся и посмотрел на часы.

Время было как раз минут за пятнадцать до того как дежурная меня должна была разбудить.

Я не стал этого ждать и, встав с постели, стал собираться в дорогу.

Старая привычка, переданная мне моими предками, собирающимися в дорогу - это прибыть на вокзал не за 10 или 15 минут до отхода поезда или отлёта самолёта, а как минимум, за час или за полтора часа до этого, и в этот раз заставила меня приехать на вокзал где то за час с небольшим.

Прошло минут пятнадцать от того срока когда дежурная по этажу должна меня была разбудить, а её всё не было.

Я одетый и с рюкзаком за плечами подошёл к стойке и, протянув ключи дежурной по этажу, съязвительно поблагодарил её за то, что она вовремя меня разбудила.

Ключ с номерной биркой звякнул о стекло на письменном столе, когда я его положил перед носом у дежурной и одновременно с этим звуком из уст дежурной раздалось:

- Ой, извините, забыла. Задремала.

Но я уже с безразличным видом удалялся от дежурной стойки.

На вокзале, не торопясь отбил телеграмму жене, когда приеду, и когда подали состав, сел в своё купе. Место моё оказалось внизу, и я очень обрадовался, увидев вокруг себя таких же мужиков, как и я сам. Значить место моё внизу никому уступать не надо. Ни старики, ни женщины с нами не едут.

Ехать предстояло целую неделю, и времени впереди было предостаточно.

Как только поезд тронулся и проводница ещё раз провела обход, проверив все билеты и пересчитав своих пассажиров, так мы стали общаться друг с другом перезнакомившись сначала, естественно.

Один мужик, помню только то, что усатый он был такой же, как и я, на удивление попался разговорчивый.

Мало того, он знал много анекдотов, шуток и прибауток разных. На всё у него была припасена, какаянибудь байка. Вот только жалко, что тогда не было со мной такой техники как диктофон. О них только было слышно, что хотят такие изготовить.

Поначалу это было и интересно и смешно слушать его. Но на третий день, когда от смеха стало сводить челюстные мышцы и мышцы живота стали болеть, я уже не смеялся – не мог. Когда надо было рассмеяться, так как не смеяться не возможно было, я вытягивал уже в сторону шею и мычал как корова, которая возвращается домой и, видит своё подворье. Потом уже под вечер я, так же как и мои соседи по купе, стали бегать от нашего соседа подальше. Они так же испытывали от него такие же болезненные судороги смеха, как и я. Больше я уже никогда в жизни не встречал таких народных артистов - самородков.

Врезалась мне в память ещё одна история.

В нашем вагоне был всё время один крепко подвыпивший пассажир. Он постоянно прикладывался к бутылке, и всё время еле-еле стоял на ногах. Сколько у него было с собой взято водки – нам не ведано было. Как только поезд въехал на перрон в городе Братске так этот пассажир, стоявший рядом со мной у выхода и ожидавший остановки вагона, увидел, как по платформе еле-еле едет трактор Беларусь и тащит за собой две тележки набитые ящиками с пивом.

Хорошо помню это мгновение как его белёсые от алкоголя глаза засверкали бешеным светом.

- Пива, пива давай, - заорал он что есть мочи.

В это время вагон как раз остановился, и он бросился прямо в кабину водителя.

- Так я же в вагон ресторан груз везу – стал ему говорить водитель Беларусика.

- Две цены даю! Всё пиво у тебя покупаю – орал наш сосед по вагону.

Я не стал дожидаться окончания этой беседы и побежал вместе со всеми к одной ближайшей из многочисленных палаток, в которых торговали разными дорожными продуктами. Купив жареной рыбы и котлет с батонном хлеба, кинулся обратно в вагон.

В вагон затаскивали ящики с пивом.

Этот старатель-алконавт закупил у проводника два купе до самой Москвы. Забил их ящиками с пивом и стал пить пиво в своё удовольствие.

Через день он пошёл по вагону и стал щедро угощать всех пассажиров, едущих в этом вагоне.

На каждое купе было выделено по ящику пива.

Запах в вагоне стоял такой, как в душном пивном баре, где вообще нет никакой вентиляции.

Я стал выходить часто в тамбур и там дышать свежим воздухом.

Когда поезд стал приближаться к Москве, наш горе старатель стал ходить по вагону и просить по 20 копеек за выпитые бутылки с пивом, так как все деньги у него уже кончились, и ему не на что было купить обратный билет, что бы доехать назад, и попасть обратно в артель - дальше стараться.

Жалко было смотреть на мужика, и мы скинулись, кто, сколько мог ему на билет. Но этих денег всё равно не хватало, и он сидел и плакал посредине своего купе среди ящиков с пустыми пивными бутылками, когда мы все выходили в Москве на перрон. Было только слышно как проводник, сорвавший на нём хороший куш наличными деньгами, орёт, и выгоняет его из вагона надеясь сдать ещё и его пустые бутылки оптом за полцены.

Вспомнились слова из песни Володи Высоцкого:

- Я на Вачу еду плачу, возвращаюсь, хохочу.

Москва!

Наконец-то всё позади: зимник и сорокоградусные морозы. Из них 3 дня под -65°C. Валенки и резиновые сапоги.

Скорей в метро и на свой родной Белорусский вокзал, а там и до своего города Одинцово ровно полчаса на электричке.

Кто бы знал, как я соскучился по своему дому, по семье, по жене и дочке. Скорей бы их увидеть обнять и прижать к себе дочурку и жену. Ноги сами почти бегом несли меня вперёд.

Встреча с родными и близкими тебе людьми, ближе и родней которых, у тебя кроме матери с отцом не осталось. Что может быть ещё прекрасней и радостней этого события? Да ничего. Я чувствовал себя человеком победившим стихию. Это особенное чувство. Я такого чувства не испытывал ни когда. Были аналогичные чувства удовлетворённости, когда меня хвалили на пионерской линейке и ставили другим в пример; когда первый раз повязали на шее пионерский галстук и вручили комсомольский билет и значок; когда мне вручали аттестаты, дипломы, и другие документы, свидетельствующие о достигнутых тобой вершин знаний или спортивных достижений. Были особые ощущения, которые несравнимы то же ни с чем, когда ты камнем летишь к земле, а потом благополучно над твоей головой раскрывается купол парашюта и твой

стремительный полёт к земле, резко обрывается динамическим тормозным рывком, и ты начинаешь парить под куполом, опускаясь к земле. Первые шаги после первого прыжка с парашютом такие же, как и после семидесятого. Это то-же особое, ни с чем несравнимое чувство.

Были и ещё особые чувства, когда я в очередной раз становился отцом.

Это невозможно описать. Это надо прочувствовать.

И вот он момент долгожданной встречи, когда я обнял жену и подхватил на руки дочурку, наконец, то наступил.

Итак, я в отпуске трёхмесячном.

Отдохнув дня три, беру свою сумку рабочую, кладу туда на дно паяльник с молотком и скрепками и иду на халтуру, потому что денег, которые я перевёл в семью надолго не хватит. Основной же заработок я должен буду получить только после Нового года, когда артель подберёт свои итоги и рассчитает чистый наш заработок.

За тот период времени, который я провёл в тайге конкурентов у меня развилось по части монтажа антенн полным - полно.

Пришлось начать работать с населением. Убеждать людей и рассказывать им о тех грязных приёмах, когда мои нечистоплотные конкуренты занимались вандализмом и жестоко обманывали многих доверчивых новосёлов.

Вспоминается такой случай.

Позвонил я в одну квартиру и предлагаю, как всегда провести антенну. Дверь открыла женщина бальзаковского возраста и отвечает, что провела уже антенну, но телевизор, почему, то не показывает. Просит меня посмотреть, что с ним. Я прошёл в квартиру. Стояк кабельный к усилителю подключен, а картинки на экране нет. К антенному кабелю совсем недавно припаян штекер. Тогда я потянул за кабель, который уходил одним концом в металлорукав к распаечному щитку и он, легко поддавшись через полметра закончился. Со стороны стояка и распаечной коробки такой же фокус был устроен. Когда я показал всё это хозяйке она, закрыв лицо ладонями, горестно заплакала. Услышав в её причитаниях, что она работает учительницей в начальных классах и, оглядевшись по сторонам на её бедное, но аккуратно ухоженное хозяйство сердце моё сжалось, и я успокоил её тем, что бесплатно помогу ей. Пришлось повозиться пару часов и сделать вставку в металлорукав из своего кабеля. Монтаж провёл добротнo на спайках, хорошо заизолировав с дополнительным фольгированным экранированием.

Зато когда на экране высветилась великолепная картинка по всем программам, и лицо её засияло радостью, то и мне стало приятно на душе от содеянного.

Но всё равно злоба на того выродка, который сотворил такое с бедной учительницей осталась.

За клиентуру мне приходилось бороться. Я убеждал людей, что работа мной будет выполнена с высоким качеством, и по весьма доступным ценам. Я брал на четверть, а то и на треть меньше остальных халтурщиков, и люди тянулись ко мне.

Не каждый день я возвращался домой с деньгами. Были дни и недели, когда только ноги истопчешь по этажам, без лифта протопав вверх и вниз, и ни одной квартиры не обработаешь.

Но всё равно на жизнь хватало.

Я всегда был равнодушен к алкогольным напиткам иногда, правда, любил пивка попить. Но это было редко и, то я сейчас жалею об этом.

Не могу не описать ещё две встречи, которые произошли у меня с интересными заказчиками и которые потрясли меня до глубины души от пережитого этими людьми.

Первая встреча.

Придя в одну из трёхкомнатных московских квартир, меня встретил красивый и какой-то знакомый мужчина. Он заказал мне в каждую комнату и на кухню по антенне. Когда я работу закончил, то он внимательно следивший за всеми моими действиями, предложил мне поужинать вместе с ним и его женой.

Я согласился, и, приведя себя в порядок, прошёл на кухню.

Не помню уже, с чего у нас началась застольная беседа, но шла она на тему о здоровье человека и мои собеседники внимательно выслушали мою историю про моих ближайших предках, потом переглянулись и начали рассказывать свою.

Тут глава семьи представился. Оказалось это супруги Запашные – известные цирковые артисты, которые под куполом цирка устраивали сложнейшие акробатические номера. Сам глава семьи был немного постарше своей жены, и он уже достиг своего пенсионного возраста в 35 лет, а жена в то время ещё нет. Но продолжать выступать вдвоём, им просто необходимо было до достижения пенсионного возраста жены. И вот супруга заводит себе маленькую собачку. Дрессирует её довольно таки успешно, и она выступает вместе со всеми под куполом цирка, делая стойку на передних лапах качаясь одновременно на качелях. Помимо

этого собачка прыгала и вытворяла вместе с воздушными акробатами под куполом цирка, что-то невообразимое, приводя в бурный восторг всех зрителей в зале.

И вот однажды когда Запашные были на гастролях в Ленинграде при переходе улицы, собачка на длинном поводке стала перебегать улицу, и попала под проезжавший тяжёлый самосвал. Самосвал раскатал её на асфальте на глазах у жены. И с женой тут же случился нервный приступ. Её помещают в самую лучшую клинику Ленинграда. Потом муж перевозит её в Москву и консультирует у самых лучших докторов. Но жене с каждым днём всё хуже и хуже. И вот она уже лежит, и у неё начинаются пролежни. Врачи констатируют, что она уже не жилец и отказываются её лечить. Однажды муж, вызвав к жене в очередной раз скорую, взмолился перед доктором сделать что нибудь. Доктор сказала, что она знает одну старушку – врача, которая может быть и взялась бы помочь им. На следующий день Запашный был уже у этой старушки, и она согласилась посмотреть больную. Осмотрев, сказала, что возьмётся ей помочь и будет лечить её травами, а не лекарствами. Но сразу же предупредила, что лечение продлится очень долго. Сказала, что сесть в постели жена сможет не раньше чем через год, а то и полтора.

И вот лечение началось. Лечились, выпивая стандартный питьевой сбор нервно-успокаивающий, который Красногорский комбинат успешно продаёт не первый десяток лет. Помимо этого стандартные витамины.

Через три месяца жена села в постели. Ещё через 2 месяца встала, и стала ходить. А ещё через 4 месяца вернулась под купол цирка и доработала до пенсии.

Вот что значить народная медицина, сила убеждения и как необходимо доверится и поверить в неё.

Вторая встреча.

Пришёл я один раз к командиру воинской части находящейся в ближайшем от моего дома месте, сам естественно не зная того.

Точно так же получил в трёхкомнатную квартиру заказ, на четыре кабельные разводки, включая и кухонное помещение.

Когда работал, то услышал, что кто-то из близких ему людей пришёл к новосёлу в гости.

Когда сдал работу хозяину и рассчитался, то вдруг увидел, как в комнату вошёл его товарищ. Меня сразу же поразила его внешность. Форма подполковника и стройная военная выправка. Фигуру сверху возвеличивала красивая голова с необычайно пышной без единого чёрного волоска шевелюрой. Он, взглянув на меня, пригласил присоединиться к их скромной мужской компании. Хозяин то же стал приглашать за стол.

Обычно я старался не обременять хозяев своим лишним ртом за столом, и почти постоянно отказывался от таких застолий, но, как и в прошлый раз у Запашных, так и в этот раз, почему то, не долго раздумывая, согласился. Какая-то неведомая добрая и спокойная сила притягательная исходила от этих настоящих и уже не молодых мужиков.

Помыв в ванне руки, я прошёл к импровизированному столу, накрытому по походному - на деревянных военных ящиках явно из-под каких-то деталей, которые удобно было использовать для складирования и перевозки домашних вещей.

Выпив по одной рюмочке хорошего коньяка за то, что бы телевизор всегда хорошо показывал бы по всем программам, стали закусывать, и за нашим столом установилась какая-то гробовая тишина. А я не люблю такого. Желая разрядить такое тягостное молчание решил военным людям рассказать про своих ближайших родственников, прошедших горнило военного лихолетья. Вернее про одного из них Александрова Сергея Александровича и его верную фронтовую подругу Лавровскую Аллу Вениаминовну.

А эта история, как две капли воды напоминала, по своей сложности и драматизму ситуации, ту историю, которая описывается в повести Константина Симонова «Живые и мёртвые».

Пока шёл мой рассказ осушили незаметно одну бутылочку.

Когда хозяин пошёл на кухню за другой, его гость в задумчивости от услышанного стал рассказывать про свою душевную рану, с которой он в то время жил, и с которой постоянно боролся всё это время.

Дело было в военном блокадном Ленинграде. Он выпускник военного училища в чине младшего лейтенанта был назначен во главе смотровой группы по поиску людей, в голодном блокадном Ленинграде, которые ели других умерших людей – людоедов.

В это время пришёл хозяин квартиры и тихонечко разлил всем по ещё одной рюмке. Он, услышав то, о чём рассказывает его товарищ, несколько замедлил свои движения, явно стараясь не шуметь и не мешать своему другу излить накопившееся в душе и мешающее жить. Чувствовалось, что он уже слышал этот рассказ, и каждый раз переживал его вместе со своим другом так, как будто эта история произошла и с ним то же.

-Так вот, - продолжал рассказ подполковник, - нас было подготовлено несколько групп по три человека в каждой. Готовили три дня. Рассказывали и показывали, как человеческие кости отличаются от костей животных и домашнего скота.

Потом наделили полномочиями и зачитали приказ Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина о том, что все лица, уличённые в людоедстве старше пяти лет, подлежат расстрелу без суда и следствия.

Искать таких людей в то время было легко.

В голодном замёрзшем Ленинграде любой запах варёного мяса распространялся на два квартала по ветру. Ходи себе и нюхай воздух.

Квартиры почти никто не запирали. Бесполезно было. Мародеров быстро вычислили и всех поставили к стенке. Квартиры, почему не запирали, – потому, что много сил и энергии надо было истратить, что бы подняться с постели и открыть дверь. А силы надо было экономить.

Один раз, через полгода, при очередном обходе по одной из улиц города, в нос ударил резкий запах варёного мяса. По этому запаху пришли в квартиру, в которой муж с женой и пятеро детей варили мясо, добытое в соседней квартире от умершей соседки. Отпираться они не стали и сразу же во всём сознались. Младшенькому сынишке исполнилось в этот день пять лет. Вот и они решили отметить это событие, тем более, что соседка, умирая сама им говорила об этом.

Лейтенант зачитал им затёртый уже до дыр Приказ Верховного Главнокомандующего и вывел всех во двор к стенке.

Когда солдаты быстро поняли ружья и стали стрелять то почему то, по самому младшему у которого был в этот день рожденья, никто не выстрелил.

Тогда лейтенант поднял свой пистолет и прицелился в парнишку.

Тот явно не хотел умирать, и стал, громко крича просить лейтенанта: - Дяденька, не стреляй в меня. Ведь мне только сегодня пять лет исполнилось!

Но сила инерции не умолима.

На какое-то мгновение раньше, чем сказанное дошло до извилин в подкорке головы лейтенанта, его палец уже нажал курок, и пуля сделала своё чёрное дело.

- Так вот как мне с этим теперь жить можно? – задал вопрос теперь уже седой как лунь подполковник.

- Как только непогода или давление меняется, так приходит ко мне во сне этот пацан, и кричит диким раздирающим душу голосом: - Дяденька, не стреляй в меня. Ведь мне только сегодня пять лет исполнилось! Я ещё жить хочу! Я ему тоже кричу: - Прости меня, не хотел я, поздно уже! Со мной уже жена из-за этого в одной да же комнате спать перестала? Закончил свой, потрясший меня, рассказ подполковник.

От услышанного мной этого страшного рассказа хмель от выпитого как то испарился.

Просидев некоторое время в стопоре, я засобирился домой.

- Если бы Вы товарищ подполковник не выполнили бы Приказ Верховного, то Вас бы самого расстреляли бы. И ваши же солдаты донесли бы на Вас. Вы ведь знаете это? – задал я ему вопрос.

- Да ведь никто из них не выстрелил тогда в пацана? Может быть, и не донесли бы? – вопросом на вопрос ответил подполковник.

Возразить мне было не чем.

Я тепло попрощался с мужиками и вышел на свежий воздух потрясённый и нисколько не захмелевший, а ошалевший от всего услышанного.

-----«»-----

В трудах и заботах время летит незаметно и так же незаметно прошёл мой отпуск.

Я стал собираться обратно в артель.

Лёшка мой старался во всю и вскоре под конец сезона должен был приехать домой.

Он позвонил ко мне домой и попросил заехать по дороге к нему в артель.

На самолёт опять билетов не было, и я взял билет на поезд из расчёта прибыть в Нерюнгри на недельку пораньше.

Расставание с семьёй прошло, как то не так, как мне хотелось. Слегка чувствовалось, что в отношениях у нас с женой пробежала между нами какая-то чёрная кошка. Я хорошо отдавал себе отчёт, что это чёрное предвзятое – семена, посеянные моей тещей, но совершенно не предпринимал никаких мер, пустив всё на самотёк. Думал, что перемелется всё и притрется – мука будет, и как пыль сама развеется. А ведь знал по своему прошлому печальному жизненному опыту, что разлука до добра не доводит. Недаром, в знаменитом

кинофильме Эльдара Рязанова «С лёгким паром» так проникновенно звучат призывные слова: - ... с любимыми не расставайтесь...

Итак, я в поезде Москва – Тында.

Сосед мой по купе – лицо кавказской национальности, как теперь принято выражаться. И как только отехали от перрона, так он полез под сиденье и достал от туда здоровую двадцатилитровую металлическую канистру с чачей.

- Ты пробовал, когда ни будь чачу? Из чистого винограда делаем? – задал он мне вопрос.

- Нет, не пробовал, - ответил я.

- Тогда обязательно попробуй.

С этими словами он придвинул один из четырёх гранёных стаканов которые стояли на откидном маленьком купейном столике и налил его почти полным.

Я, думая, что это какая-то виноградная настойка, стал её пить. Но после первого большого глотка у меня глаза вылезли на лоб от того количества спирта который был в этой чаче. Я ещё по инерции сделал такой же большой глоток как первый и остановился. Поставил стакан на столик и стал ошалевшими округлившимися глазами искать, чем бы закусить.

Пришлось быстро достать свою снедь, которую я взял в дорогу. И как следует закусить.

Всё, больше он меня этой чачей не соблазнил ни разу. Она мне противна стала.

Видя, что я ему плохой компаньон по части Бахуса, он стал бродить по всему вагону соблазняя пассажиров выпить с ним на халяву.

Так он время от времени и бродил со своей канистрой по вагону из одного купе в другое.

Попутчиков – балагуров в этот раз не было и время в пути пришлось каратать с газетами и книгами, которые я покупал на больших остановках.

Когда проезжали озеро Байкал, то скорость движения состава замедлилась до пешеходной, продлевая нам удовольствие от пейзажных картин великого чуда природы. С правой стороны были таёжные сопки, а с левой стороны буквально в нескольких сотнях метров разливалось во всей своей красе какая-то особая голубизна с переходом в глубинную синеву. Описать эту красоту словами не возможно – это просто надо видеть.

В Нерюнгри поезд пришёл по расписанию, и я вышел на перрон с одним рюкзаком. На этот раз я с собой такой уже тяжести не стал брать, как в прошлый раз - два чемодана здоровущих и мне было хорошо с одним рюкзаком.

На первый рейсовый автобус до г. Алдана билетов уже не было. Пришлось взять на второй и время коротать до отправления на вокзале. Была вторая половина сентября месяца. Основной поток пассажиров со школьниками перед началом учебного года уже схлынул, и на вокзалах чувствовалось некоторое послабление его. В зале ожидания были свободные места, и я уселся в одно из них и начал изучать местную газету. Потом заглянул в буфет перед отправлением автобуса и поехал в Алдан.

Приехав в город, сразу же зашёл в общежитие и встретился с ребятами.

Многих их не застал. Кто-то был на работе. Кто-то был в отпуску, в отъезде на Родине.

Переспав ночь, пошёл на следующий день в артель.

Лосева – заместителя – моего протезе нигде не было. Он оказывается уехал в командировку. Председателя Бестаева Владимира Костовича то же. Он был в тайге. Инспектировал один из участков. В конторе на хозяйстве был один царь. Я и зашёл к нему в кабинет.

- А, масквач объявился, - увидев меня начал он. Само его это пренебрежительное обращение настроило ход нашей беседы уже в недоброжелательное русло.

- Да вот приехал! – ответил я. Но мне бы хотелось у вас в артели продолжить работу горным мастером.

- Нет мастеров у нас достаточно, - отпарировал Царёв.

- Иди в снабженцы, - предложил он.

И вот тут-то я дал маху. Не согласился. Отношение к снабженцам у меня было в то время, какое-то предвзятое; как к людям второго сорта. Да и настроение было, какое-то поганое. Опять же из головы не выходило холодное и несколько безразличное расставание со стороны жены. Думалось, что если я буду рядом, то и союз наш будет крепче. Надеялся ещё на свои силы и на возможность возобновления халтуры с монтажом телевизионного кабеля в квартирах новосёлов от коллективных антенн.

- Нет, спасибо. Давайте расчёт. На зимник вторично сил нет ехать, - попросил я.

- Расчёт так расчёт, - несколько разочарованно протянул Царь и потянулся к ручке. Наложив короткую резолюцию на моей бумаге, протянул её мне.

- Окончательный расчёт получишь переводом уже на домашний адрес, - подытожил результаты нашей встречи Царь.

Я, согласно кивнув головой, взял у него бумагу из рук и, попрощавшись, пошёл к выходу.

Получив обходной лист и подписав у всех служб, я забрал свою трудовую книжку и двинул свои стопы в сторону объединения Северовостокзолота, сниматься с партийного учёта. Покончив со всеми формальностями и получив все документы на руки, я с облегчением каким-то вздохнул. Такое впечатление было, как будто гора с плеч свалилась. Подумалось. Теперь я свободен. Свободен, от этой добровольной каторжной работы. И вся ещё жизнь у меня впереди. Хватит этого одиночества в семье. Доченьке – моей лапушке, всё-таки нужен отец, а не бродяга. Она как раз «пошла в рост», как говорят в народе, и над ней то же нужен лишний глаз от дурного. С такими мыслями я толкал землю от себя, топая опять в общагу ребят.

Переночевав у ребят, я пошёл на автостанцию и поехал в тот посёлок, в котором работал мой протеже Алексей бульдозеристом в старательской артели Печёра, и не увидится с ним, я просто не мог. Когда он звонил мне домой, то подробно всё описал, как его можно будет найти. И вот я проезжая на автобусе мимо того места где он описывал, вижу, два бульдозера дорожат грунт на промывочный стол. Попросив водителя автобуса притормозить, выскакиваю из автобуса и топаю напрямки на перерез, к одному из бульдозеров. Чутьём, каким-то чувствую, что этот бульдозер с кабиной (второй был без) и есть Лешкин. И вот точно. Метрах в десяти бульдозер замирает и из его кабины высовывается довольная расплывчатая рожа моего Лёшки.

- Серёга? Ты! – орёт он радостный, раздвигая руки в медвежьи свои объятья.

- Лёха? Привет! – так же ору ему я в ответ. Раздвигая свои руки. Мы на радостях бросились друг к другу и обнялись.

- Ты как надолго ко мне в гости?

- Да на денёк, - отвечаю я ему. Я ведь с артели рассчитался. Хватит. Дома работать пойду и халтурить то же буду.

- Ладно. Всё ясно. Подожди меня немного вон там у того балка, - при этом Алексей показал на небольшой вагончик стоящий у края вскрыши.

Я потопал к нему, а Алексей запрыгнул в свой бульдозер и поехал будить своего напарника, что бы тот поработал за него на то время, когда я буду общаться с ним.

Разбудив напарника и договорившись с ним о работе Лёшка быстро вернулся ко мне и мы пошли в балок к горняку, что бы у того отпроситься с работы официально. Горняк – молодой на удивление парень с интересом взглянул на меня и, поздоровавшись не стал возражать Алексею и с пониманием кивнул ему головой сказав, что не возражает. Случай особенный, и это время Алексей потом отработает, сверхурочно.

Закончив формальности мы вышли из балка, остановив попутку, сели в самосвал и доехали до посёлка. Там у Алексея были уже свои знакомые. Одна интеллигентная семейная пара, у которой дети уже повзростали и разлетелись по городам и весям кто куда. С этой семьёй у него были, какие-то свои амамские дела и уже была давно достигнута договорённость на тот случай, если я приеду, то мы остановимся погостить и пообщаться друг с другом у них.

Зайдя по дороге в магазин, Лёха взял бутылку водки и закуску. Мне расплачиваться категорически запретил, да же частично.

Зайдя в дом, познакомились с хозяевами. Когда сели за стол и разговорились, я узнал, что жена у этого мужчины сама в прошлом москвичка и выехала из Москвы маленькой девочкой. Их выселили с отцом и матерью в 1937 году за пять колосков, которые подобрала её голодная мать, возвращаясь с подмосковного поля, куда её направляли на принудительные сельхозработы. Просто. Остановил милиционер на вокзале и потребовал вывернуть карманы. Тут же дружинники подошли, и свидетели быстро нашлись, что Государственная сельскохозяйственная собственность была расхищена. Этому милиционеру благодарность и повышение по службе, а голодная семья на выезд в Сибирь. Трудовым потом искупать вину за хищение Государственной собственности. На скором для этих целей суде бесполезно было доказывать, что колоски упали на дорогу в пыль с уборочной машины, вёзшей пшеницу с поля. Всё равно – не положено Государственное брать, и всё тут.

Хозяин был из семьи местных жителей, и он не участвовал в беседе так активно как жена.

Супруга же его, видя, как жадно я ловлю каждое её слово, решила излить мне всю свою душу. Эти истории я слышал не раз и от своих родителей. Но одно дело слушать их от тех людей, которые просто наслышаны о таких вот случаях, а другое слышать от тех людей, которых это непосредственно коснулось. Мне действительно было стыдно в то время, что я считал всегда себя москвичом.

Внимательно выслушав печальный рассказ хозяйки дома, нам не оставалось ничего другого как посочувствовать тому, что так случилось. При этом опять чувствовалась эта горечь от того, что мы москвичи. Всё звучало укором в наш адрес. Оставшись одни, мы помолчали минут пять и стали обсуждать наши последние события.

Лёша рассказал, что заработал много подёнок и золото хорошо добывается. Тут я услышал от него впервые фамилию его председателя Туманова Вадим Ивановича. Фамилия это мне тогда ещё ничего не говорила, но Алексей сказал, что этот Туманов пользуется авторитетом у старателей непревзойдённым. И там

где он берётся за дело, всегда хороший заработок у старателей бывает обеспечен. Надеется, что в конце года хорошо закроют подёнку. Я тоже рассказал, что наша артель хорошо заработать должна. Золото с того месторождения, к которому мы пробивали зимник, прёт как из ведра.

Потом Алексей изложил мне деликатную просьбу. Узнав, что я еду домой он попросил меня отвезти его жене небольшую передачу. Шесть шкурок соболя. Я не раздумывая, согласился. Дело в том, что я знал, что это преследуется по закону местными властями и всё равно согласился, потому что если человек задумал сделать это, он всё равно сделает. Если не я ему привезу эти шкурки, то ещё кто ни будь. И не в чистом рюкзаке, а может быть в промасленном ведре болтающимся, где ни-будь под кузовом, какого ни-будь самосвала. Да и отказать Лёхе я не мог, зная как много он для меня сделал.

Получив согласие, Лёшка исчез на целый час из дома. Потом появился с небольшим газетным свёртком. Мы открыли его, и я полюбовался чистотой выделенных шкурок и отливом меха с проседью.

Потом раскрыл свой рюкзак и достав свитер, закинув в его рукава по три шкурки в растянутом положении. Получилось незаметно. Я надеялся, что досматривающее лицо не будет доставать все вещи из рюкзака. Он ведь наполовину был у меня пустой. А свитер и остальные тёплые вещи будут в нём в куче незаметны.

Посидев допоздна и выпив всего полбутылки на двоих меня как то потянуло в сон.

Алексей покосился на бутылку и сказал, что пить больше не хочет и надо спать. Завтра утром надо как штык быть на полигоне. Его напарник пашет сейчас за двоих. Надо совесть иметь. С этим и легли спать.

На утро встали рано. Тепло попрощались с хозяевами друг с другом, и пошли каждый своей дорогой.

Леша на полигон вкалывать дальше. Я на автобус. Решил, что пока теплые сапожки детские, сшитые из оленевого меха, маленькой своей дочурке не достану – обратно в Москву не поеду.

На якутской трассе множество разных посёлков. В каком из них можно достать «якутки» - так ласково прозвали наши старатели женские сапожки, я не знал, и положился на хорошую старую поговорку: язык до Киева дотянет. Стал обращаться к людям, не встречал ли кто-то из них магазин, где можно было бы купить эти сапожки. И вот в одном магазине одна продавщица мне доверительно сообщает, что в посёлке «Ленинский» эти сапожки должны скоро появиться. Я, недолго думая, переночевав в общежитии на следующий день, рано утром поехал в посёлок Ленинский, успев на первый утренний автобус.

И вот я в посёлке. Бегом бегу с автобуса и ищу этот магазин. А он совсем не вдалеке оказался. Ввалился в магазин и, запыхавшись, спрашиваю про товар. Оказалось на моё счастье, что их завезли ещё вчера и одна пара сапожек, устраивающая меня, в наличии имеется. Быстро осмотрел её, выписал чек и оплатил товар. Только когда положил сапожки в рюкзак, я с облегчением вздохнул. Вышел на свежий воздух на улицу и направился к автобусной остановке в сторону г. Алдана. Там стал ждать автобуса. Снег, накануне выпавший, местные рабочие успели расчистить и солнышко ещё способное немного баловать землю своим теплом растопило остатки его, на тёмном асфальте. Задумавшись о чём-то о своём, я не сразу обратил внимание на группу молодых и красивых парней стоявших у сугроба и слушавших магнитофон. Лишь только когда из этого магнитофона раздалась песня любимой мной народной артистки Софии Михайловны Ротару, то я более пристально и уже внимательно стал разглядывать этих парней. Пять высоких и статных чуваков, одетых во всё самое лучшее, что у них было, стояли полукругом вокруг снежного сугроба сметённого с тротуара. На сугробе на его вершине лежал магнитофон «романтик». Из него разливалась песня «Лаванда, горная лаванда...». И тут взгляд мой падает на пять пузырьков из-под одеколона «Лавандовый» разложенных аккуратно в сугробе в виде пяти исходящих из магнитофона солнечных лучей. Молодые парни, работники местной золотодобывающей обогатительной фабрики, дружно все как один, лужали семечки и кожуру от них аккуратно сплёвывали в свёрнутые бумажные вороночки. Культурные, - подумалось мне.

Да. Красиво жить не запретишь. Опять подумал я, мотнув от удивления головой. В посёлке Ленинском и то фанфурят, да и то во всю открыто и по блатному эффектно. А что с ними через год или два будет? Продолжал я свои раздумья, и вспомнился мне Леший и баба яга 30 лет из общежития. Где они сейчас? И что с ними случилось? Может быть, лежит кто уже в сырой земле? А может быть мается, где ни будь в барачной районке на грязной вонючей койке, доживая свои последние дни?

Подожёл автобус, и мы стали садиться в него. Парни быстро подхватили свой «Романтик» и то же гуськом потянулись к входу в автобус. София Михайловна допела свою песню «Горная лаванда» и автобус покати к самому крупному городу – культурному центру золотодобывающей промышленности бывшего СССР.

Интересно куда эти парни сейчас едут? - продолжал я размышлять. В тот единственный кинотеатр в городе. В ресторан, какой ни будь. Так ресторан в Алдане кусается своими ценами. Скорее всего, куда ни будь на хату блатную, потанцевать с девочками и пофанфурить то же. Ничего другого существовавшая тогда система им предложить не могла. Да и сейчас не может. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Здесь мне вспомнилось как я, когда работал на стройке в пос. Вохтога Вологодской области Главным сварщиком столкнулся точно с такой же безысходностью в проведении молодёжного досуга по вечерам. Тогда ещё я был молодым комсомольцем и переживал за всё негативное, что проявлялось у нас в стране. Семь пядей в голове иметь не надо. С экранов телевизоров нам показывали молодёжные КВН-ы. И я захотел организовать такие же соревнования только не в такой умственной эрудированности между участниками, а с уклоном в физическое развитие его участников. Пришёл к Заказчику-застройщику на заседание комитета комсомола и предложил им провести свой КВН – трудоголиков. Изложил план действия. Получил одобрение, но с одним условием, что пойду сам к директору утверждать его и выбивать на это дело деньги. Сумма была смехотворная и я согласился. Директор выслушал меня, и глаза его загорелись. Он одобрил все мои начинания, и я получил «добро» от него.

Недели за две до этого мы начали подготовку к нашим соревнованиям. Выставили три молодёжные команды по одной от каждой организации участвующей в общей стройке. Каждой команде предстояло выполнить один и тот же комплекс упражнений: участник стоял на линии старта. Потом по команде он одевал на себя монтажный пояс и бежал к сараю возле клуба и там приставлял лежащую на земле лестницу и забирался на кровлю. Подцепив карабин страховочного фала, он должен был пробежать по ней и спуститься по такой же лестнице только с другой стороны. Отцепив страховочный карабин, через десять метров подбежать к бензопиле «Дружба» и заведя её распилить ровно и аккуратно три чурки мерной длины. Мерка лежала рядом. Потом каждую из них надо было расколоть колуном на четыре части. Через десять метров ещё одно упражнение. На небольшой высоте в сорок сантиметров от земли лежал длинный широкий швеллер. По нему надо было быстро пробежать, так что бы он не раскачался под ногами бегущего, и не соскользнул со своих опор. Потом назад бегом и сняв монтажный пояс положить его на землю. Тут же сразу же стартует следующий участник.

Было выбрано по десять человек от каждой команды. За две недели тренировок заготовили для десяти подворий бесплатно дров на целую зиму. Вот местные жители порадовались тогда этой бесплатной халыве. Долго нас потом добрым словом вспоминали.

Самое главное это кульминация нашего трудового праздника была. Само соревнование. Победила тогда с небольшим отрывом во времени команда Заказчика-застройщика. И самое главное травмированных не было ни одного. Заранее объявили, что на соревнования будут допущены только трезвые люди, как зрители, так, и тем более, участники. Дружинники чётко это выполнили, не допустив никого под сильным шафе. Потом в клубе чествование победителей, коллективное фотографирование участников команд и желающих болельщиков с участниками команд. Ну а потом, как всегда: танцы – манцы – прижиманцы до 24 ночи. Было весело. Со всех сторон слышался весёлый смех и радостные голоса. На соревнования заглянул и директор с парторгом. Было много взрослых. Они тоже переживали каждый за свою команду. Я после этого стал вхож в кабинет директора и парторга на особых привилегированных условиях.

Всё это вспомнилось мне, когда я раскачивался в автобусе, подъезжая к городу Алдану.

Вот бы и этих молодых так же бы завести. Выбрать из них лучших, что бы остальные на них равнялись. И привить к жизни интерес, что бы не в одном кайфе смысл в жизни видели. Что бы понимали, что и без кайфа в жизни всё хорошо должно быть.

Наша русская земля издревле была богата былинными сказаниями про богатырей. Илья Муромец, Алёшка Попович, Василий Никитович, которых мы видим на известной картине Виктора Васнецова «Три богатыря» написанной им в 1881 году. Но что мы знаем о них? Какие ратные подвиги они совершили? А что мы знаем о таких былинных богатырях как Святогор, Микуло Селянинович, Волх Всеславич, Сухан, Дунай Иванович, Потоке, Иван Гостинном сыне, Хотене, Солвей Будимировиче и многими, многими другими?

Наша школа бедна такими знаниями. Точно так же как и наша культура. Мы не чтим наших предков и стираем память о них. Не помним героев нашего, когда то Советского Союза в Великой отечественной войне.

Можно с большой помпой громогласно проводить разные компании о помощи ветеранам Великой Отечественной войны, вроде той, которая сейчас проводится по представлению отдельной квартиры для каждого ветерана к 65 летию её окончания. Конечно. Лучше поздно, чем никогда. Ветеранов осталось сейчас совсем мало. И мы видим, как на местах им завистливо, через силу, вынуждено, выделяют эти квартиры.

Можно устраивать помпезные парады на Красной площади и тут же через несколько дней после этого забывать о них – простых тружениках ВОВ, да и простых людей, чьими руками создавалось всегда богатство России.

Что-то с головами непонятное творится сейчас у высшего руководства нашей Страны.

Почему то после страшной головотяпной аварии на Саяно-Шушинской ГЭС никому в голову не пришло объявить траур в Стране?

Не был объявлен траур и после взрыва на шахте Распадская.

Зато после того как разбился президентский самолёт с Польской делегацией, тут как тут, мы это услышали и увидели наших двух правителей в церкви со свечками в руках. Как же, тут всё таки высокопоставленные иностранцы отошли в мир иной. Их надо уважать. Есть ещё и международные правила.

Вывод прост и ясен - простые труженики той же Саяно-Шушинской ГЭС или шахтёры шахты Распадская выходит дело, есть простое быдло, на которое ни стоит вообще обращать должного внимания.

По моему мнению, уже наступила вторая фаза деградации нашего общества. Общество, в котором не помнят, и не чтят своих предков - обречено на вымирание. Вот это то и вымирание уже началось. Пока в наших мозгах чисто психологически.

Ну да ладно об этом. Вернёмся к прошлому.

Приехав в Алдан, я сделал ещё одну очень слабую попытку остаться работать в старательской артели. Заехал на один участок артели не помню уже какой, и найдя начальника участка, стал ждать пока он освободиться.

Он в это время распекал во всю какого-то работягу, за то, что тот, отпросившись накануне в город, и проведя там, видимо со своей возлюбленной бурную ночь, еле-еле шевелится на работе. Узнав кто я, и зачем пришёл, ответил мне, что ему помощники не нужны. Он и один справляется с порученным ему делом. Разговор был закончен и я ни с чем пошёл в общагу.

Поговорив с мужиками, узнал, что надо было сунуть взятку одному прохиндею, что бы тот выписал бы мне справку о том, что я прошёл, курсы горных мастеров и могу им работать. Потом надо было сунуть ещё другому прохиндею, что бы тот запихнул бы меня в артель.

Денег у меня на это не было. Полный расчёт я ещё не получил и деньги от семьи отрывать в мои планы не входило. Поэтому уже на следующий день я был на вокзале и взял билет на обратный поезд в г. Москву.

Обратная дорога прошла спокойно и да же весело. В купе со мной ехал один балагур – знаток местных афоризмов и бесчисленного количества анекдотов. На третий день пути я стал от него бегать, так как мышцы моего живота с боков болели от смеха.

В соседнем купе ехала совсем молоденькая цыганка с двумя детьми. Ухо в отношениях с ней приходилось держать остро.

Так на весёлой ноте со своим попутчиком и закончилось моё возвращение из артели.

-----«»-----

Дома меня уже ждали и обрадовались моему возвращению.

Побыв дома дня три, я пошёл искать себе работу.

Обратился в Управление механизации ПСО «Трансинжспецстрой» и попросился на работу газоэлектросварщиком. Ко мне на собеседование вышел Главный механик. Молодой сравнительно человек. Узнав что у меня наивысший шестой разряд работы сразу же заявил, что работы по этому разряду у них нет. В лучшем случае возьмут по четвёртому разряду на работу. И то, оформление продлится три месяца. Пришлось согласиться и на эти условия. Хотелось иметь работу неподалёку от дома. А на работу нас доставлял служебный автобус буквально за десять минут.

Дав согласие и заполнив необходимые анкеты, я решил найти временную работу на период оформления моих документов в этой организации. Зашёл на Одинцовский опытно-экспериментальный завод, где работал ранее старшим инженером в отделе главного технолога. Туда требовался газорезчик, и я согласился им поработать в заготовительном участке. Многих рабочих я хорошо помнил и знал. Разметчиком у меня оказался тот же самый работяга, который уже сорок лет им работал на этом месте. Причём в мороз и в жару под навесом от дождя и снега или во внеотапливаемом помещении.

У начальника заготовительного цеха работал один газорезчик и он, узнав, что взяли меня к нему в помощь, засобиравшись на учёбу на оператора газовой котельной. Этот газорезчик умел работать с пропаном, а я нет. Я только с ацетиленом и с бензином. Нашли мне в инструментальном складе бензиновый бачёк, и я стал работать как в артели, по такому же старательскому принципу. Работу рвал у разметчика из-под рук. Мне нравилось работать быстро. Я и дед шевелил работать побыстрее. Темп старателя перенёс и сюда.

Через неделю случилось ЧП. Бензостойкий шланг с моего бензореза сорвало и струя бензина с бензобачка хлестнула сзади обдав меня с ног до головы струёй бензина. Почувствовав жар на спине, и увидев вспышку, я всё понял и кинулся на улицу, на снег. Дед мой, увидев это, кинулся ко мне и сбил меня с ног, повалив на землю. Он накинул на меня телогрейку свою и брезент, что оказался поблизости, и стал катать меня по земле, сбивая пламя. Секунд десять длилась эта борьба, и дед вышел из неё победителем. У меня же тряслись и ноги и руки от пережитого. Я поблагодарил деда и пошёл в раздевалку переодеваться.

На следующий день отозвали старого газорезчика с его учёбы. Теперь он меня стал учить, как работать с пропаном. Ничего особенно сложного там не было. Просто отверстие в смесительном инжекторе надо было рассверлить диаметром чуть-чуть побольше, чем для ацетилена. Правда, были некоторые технологические приёмы в самой работе с резак. Он показал мне как лучше настроить резак, что бы пламя не срывалось. Показал потом, как он пробивает отверстия в массе листа не с краю, а внутри. Я быстро всё повторял за ним и через шесть часов всё освоил. На следующий день он уже наблюдал за мной, всё ли я правильно делаю. Потом махнул рукой и сказал, что с обеда уже уйдёт домой. Работать я уже сам мог, правда, не совсем ещё уверенно, но безопасно по сравнению с бензорезом.

Дня через три мне такая работа надоела. Газорезчик во время работы со своим газорезательным резак испытывает большое напряжение в том, что ему надо постоянно удерживать его в одном и том же положении слегка перемещая горелку с открытой струёй режущего кислорода строго вниз. При этом чувствуется да же пульс сердца на конце резака. Резак в такт ударам сердца делает свои едва заметные колебания. Поэтому существуют определённые приёмы, когда руки газорезчик вынужден не держать на весу, а стараться их хоть как то зафиксировать в пространстве. Например, локоть руки держащей резак прижать слегка к корпусу тела, а локоть другой руки находящейся на вентиле режущего кислорода так же желательно к чему ни будь приткнуть. Или желательно в сидячей позе приткнуть его к своему колену. Так вот что бы качественно выполнить рез хотя бы на полметра мне приходилось подолгу приспосабливаться каждый раз, ища удобную позу. И тут я вспомнил про газорезательный циркуль. Вернее про её основную часть – тележку для резака. Пошёл к знакомому инженеру по инструментальному хозяйству. У него на складе ещё с далёких времён завалилась одна такая тележка с колёсиками, изготовленными из специальной твёрдосплавной стали. Я обрадовался, что нашёл то, что мне нужно, а инженер тому, что это его хозяйство, наконец, то стало востребованным. Выпросил полутораметровый кусок равностороннего уголка с полкой в сто миллиметров и наварил к одной из полок поперёк куски проволоки диаметром в пять миллиметров на расстоянии в полметра друг от друга. А на другой стороне ручки для того что бы этот кусок уголка легко было переносить с места на место. Прикрутил циркульную головку к резаку, так что бы он был строго посередине её. Кусок уголка стал у меня жёстким упором с одной стороны на расстоянии в 40 мм от линии реза.

Дед мой разметчик долго смотрел на меня, молча, с удивлением. А когда я начал резку, то стал активно мне помогать переставлять мой упор с места на место. Производительность труда возросла раз в десять. Мне только кислородные баллоны отдел материально-технического снабжения не совсем вовремя успевал завозить.

Через месяц вызывает меня начальник участка с утра к себе в кабинет и говорит: «Слушай старатель (такое новое прозвище мне дали здесь) иди-ка ты домой. Сиди дома, а я тебе рабочие дни ставить буду. Ты у нас весь запас листовой стали на трёхмесячную программу рассчитанный перерезал. Всё больше ничего не осталось. Как металл ещё подойдёт, позвоню к тебе домой и вызову тебя».

Я такому предложению обрадовался и, переодевшись, пошёл к себе домой. Дома пообедав, стал собираться на халтуру.

-----«»-----

Дня через три раздался у меня в квартире звонок. Позвонил Глушков Олег Николаевич мой бригадир, он был проездом в Москве и хотел со мной увидится. Я пообещал ему, что встречу с ним обязательно и попросил его перезвонить на следующий день. Когда пришла жена, я сказал, что к нам должен приехать мой хороший товарищ по работе в артели. Но она категорически не хотела его видеть. Она боялась, что начнётся пьянка, и маленькая моя дочь, увидев это, получит плохой жизненный урок. Все мои доводы и убеждения, что мы тихонечко посидим на кухне и разойдёмся, на неё не подействовали, и мне пришлось обратиться к моей маме. Она прошла фронт. Знала людей и их психологию, умела в людях разбираться. И конечно она на следующий же день согласилась принять нас в своей небольшой комнате, в квартире с подселением. Сама накрыла стол. И вот на пороге её квартиры, я увидел своего бригадира. Как только я его увидел, так был поражён. Куда девалась косая сажень в плечах? Куда девалась медвежья хватка? Вместо этого, передо мной был какой-то мешок. Плечи обвисшие; глаза потухшие. Сам как выжитый лимон весь. И это тот самый Олежка, который меня заводил на быстрый старательский темп работ? Совсем не верилось в это. Когда выпили по третьей рюмочке, я не выдержал и спросил: «Олег, что случилось? Почему ты так плохо выглядишь?» За столом он ничего не стал рассказывать при моей маме, и мы вышли покурить.

Тут его и прорвало. Оказывается, после того как я улётел с участка на вертушке со всем начальствующим выводком, оставшись один с двумя горняками, начальник участка дал себе во всю воли. Получив нагоняй от руководства артели за упавшую производительность труда при вскрышных работах, он совсем озверел. На каждого бульдозериста и на каждого рабочего кидался как озверевший пёс и костил его

по чём зря, раздавая на право и налево понижающие коэффициенты трудового участия. Люди злились и зверели вместе с ним. Многие не сговариваясь, стали работать «как положено по правилам техники безопасности». Разница между одним начальником участка, который начал освоение его, спланировал, и почти совсем построил и другим - была как небо и земля. Почти все старатели получили по два понижающих КТУ и должны были ожидать последнего с посадкой на вертолёт. Не было ни одного повышающего КТУ как при первом начальнике Владимире Васильевиче. Работая с этим человеком, действительно хотелось горы воротить. Работа была тогда для всех нас как песня. Её хотелось делать всё больше и больше, не замечая усталости и лишений. Она была для нас как потеха для добрых молодцев. И мы чувствовали себя каждый маленькой шестерёночкой в нашем часовом механизме, который всегда исправно ходил. При этом же начальнике было всё наоборот. Старики старатели говорили, что такого зверя они не помнили ещё никогда. Недели через две после того как мы улетели начальник участка распорядился всех собак уничтожить. Это не составило особого труда. На шею каждого приманенного подкормкой пса была накинута проволочная петля, и пока машина везла бьющееся в судорогах тело собаки, эта петля сдавливала шею и останавливала жизнь. Всё это было сделано за один день, когда основная масса рабочих была на полигоне, а ночная смена отдыхала в балках. Придя с работы старатели не нашли своих питомцев, с которыми они играли после работы и которых подкармливали. Зато свиньи ещё больше обнаглели и почувствовав, что некому их отгонять, стали всё больше и больше нападать на старателей, когда они кушали на улице. Мой пёс Кучум любил жить на воле в тайге, и его эта участь постигла не сразу. За ним целую неделю, охотился тот живодёр, которому это дело поручил начальник участка. Тот да же за него два подряд понижающих КТУ заработал. Но и его бедного голодного пса подманил живодёр, на большой кусок мяса и накинул ему петлю на шею.

Услышав всё это и представив перед собой свою верную псинку, которая сначала, когда была щенком большим, тыкалась своей головой в мои ноги и руки, пыталась довольно часто и не без успешно лизнуть меня в лицо, играя со мной. А потом представил себе, когда он озверело не щадя свой жизни как другие трусливые псы, кидался на медведя и рвал его за штаны, не давая подойти ко мне. И вот расплата от человечества - петля на шею и смерть.

Нервный комок захлестнул мне горло, слёзы сами как то повылезали из глаз и я, что бы не задохнуться, заставил себя дышать полной грудью. На месте не стоялось. Хотелось собственными руками разорвать этого гада, на мелкие кусочки.

Но Олег продолжал своё печальный рассказ дальше.

А потом, когда уже весь участок уже отмылся, и вертолёты были заказаны на две недели позже, чем была окончена работа, начальник участка собрал всех у мастерской и сказал, что ему не нравится как она стоит и что её надо перенести на десять метров дальше в сторону. Таким образом, он решил просто занять людей любой работой лишь бы они, чего ни будь не сотворили, от безделья. Здоровый домино нужно было разобрать по брёвнышку и перенести его в сторону на десять метров, предварительно связав заново и фундаментные лафетные брусья. Вот тут-то у Олега нервы уже и сдали. Он не стал кидаться на начальника и выяснять отношения, а замкнулся в себе. Все люди молча, сделали своё дело. Потом, прилетев в Алдан, стали то же все сутками караулить прилёта и этого начальника участка, устраивая дежурства на улицах, и у аэропорта. Потом, когда выследили, то окружили и стали его учить жизни по своим Сибирским законам по старательски. С каждым ударом кулака, каждый, кто его наносил, вспоминал этому поддону определённую свою обиду. Олечка рассказал, что и про мои обиды вспомнили ему, и про всех собак и про Кучума то же. Много их набралось. Били и приговаривали до тех пор, пока этот паразит не рухнул в дорожную пыль. Потом многие ещё и плюнули в него и только тогда степенно разошлись, дав возможность приехавшей милиции подойти к нему и поднять его. До этого времени милиция сидела в своём приехавшем УАЗике и не высовывала носа, потому что была предупреждена, о том, что разборка будет своих, и со своими.

Рассказ Олега потряс меня, и мы пошли после перекура к столу.

Мама моя, не о чём меня не расспрашивая, и так всё прекрасно поняла. Выпив ещё по одной или по две рюмашки, она молча взяла гитару, и стала петь. Стала петь те самые любимые мои песни, которые я очень часто слышал от неё. Те песни, благодаря которым в то послевоенное время многие люди выживали, и оставались людьми. Мы с Олегом то же пели, и делали это с большим удовольствием, бальзамируя свои души.

Часам к семи вечера Олег засобиравшись в дорогу. Он уезжал, уже другим человеком, сердечно благодарившем мою маму за тот душевный бальзам, который получил от неё, и от того, что увиделся со мной и узнал, что есть ещё и такие люди как моя мама, и он смог вылить мне всю свою накипь, очистившись от душевной скверны. Когда я его провожал на автобус, он всё время продолжал восхищаться моей мамой. Она на него произвела сильное впечатление.

Я, то же никогда не забуду материнской человечности, хотя жизнь на фронте сделала её крутой женщиной, но с особым, фронтовым, обострённым чувством справедливости. Больше всего эти люди

ненавидели и ни когда не прощали предательства и проявления его в любой форме. Поэтому иногда, когда я слышу современные высказывания о толерантности, то я вспоминаю своих предков и думаю, что бы они сделали бы на моём месте в той или иной ситуации.

-----«»-----

Но жизнь не стоит на месте. Нужно было продолжать жить, и на моих плечах была моя семья. Нужно было её кормить и о ней заботиться. Поэтому я опять повесил катушку с кабелем через плечо и пошёл по этажам искать свой заработок, и, беседуя с людьми, склонять их к тому, что бы именно у меня они размещали свой заказ на прокладку антенного кабеля. И я их в этом никогда не обманывал.

Похалтурил я недельки две, а там уже допуск мне пришёл, на новую работу вызвали.

Так я и встретил свой новый 1987 год, работая уже в Управлении механизации ПСО Трансинжспецстрой.

Числа 22 января ко мне пришёл долгожданный перевод из артели. На почтовом переводе значилась кругленькая сумма в 34 тысячи рублей. Это сейчас такая сумма совсем почти ничего не значить, а тогда я смог сменить себе всю мебель. Купил стенку. В квартире появилась и мягкая мебель и для дочурки пианино. Закрыли нам по 255 рублей подёнку в то время. Тариф свой по сто рублей в день я уже выбрал. А начислили мне из расчёта оставшихся 155 рублей x 248 подёнок = 38440 рублей. Когда я пошёл на почту с этим обычным талоном почтового перевода, почтовая работница удивилась такой сумме. Никогда в жизни ей не приходилось такие переводы выдавать клиентам. Столько денег на почте не оказалось, и меня попросили придти на следующий день. Деньги специально для меня заказывали в таком объёме.

Приятно было получить кровно заработанные таким нелёгким трудом деньги. Придя на почту, меня спросили, почему я один пришёл за такой суммой. На это я ответил, что дом мой напротив почты, и никто не знает кроме работников почты, что я должен получить такую большую сумму денег.

На новом месте работа так же сначала не пошла. При сдаче медкомиссии мне было заявлено, что сварщиком я работать не могу, из-за того, что нашли у меня, что-то со зрением. Опять надо было сунуть взятку, но я принципиально не стал этого делать, оформившись слесарем, а работать начал с первого дня электросварщиком. Потерял, правда, стаж за вредность – но что ж делать. Зато принципиально на лапу не стал давать никому, свои, кровно заработанные.

Выписывал я в то время газету Советская Россия. И вдруг в одном номере читаю заметку про то, как поносят в ней всё старательское движение. Прочитав её, я впал в шок. Написана она была Капелькиным и Цековым. Эти фамилии я запомнил, почему то на всю жизнь. Накинулись не только на председателя старательской артели Печёра Вадима Ивановича Туманова, где работал мой протеже Алексей, но и поставили под сомнение всё старательское движение.

Этого я уже стерпеть не смог и сел за перо и машинку. Ещё в ноябре 1971 года, работая на строительстве Монзенского ДСК в Вологодской области начальником участка, получив в своё распоряжение четыре сотни человек бывших заключённых, направленных на вольное поселение я не знал, что с ними делать. Решение пришло мгновенно, тогда, когда я сам пришёл к ним на встречу. Представьте себе, сорок деревянных сборных щитовых домов, в котором размещены по десять человек мужиков, бывших эков. Все эти домики огорожены чисто символическим колючим заборчиком. В двух местах оборудованы ворота с калитками для свободного входа и выхода. В одной стороне ближе к посёлку Вохтога стоит милицейский вагончик на небольшом возвышении над остальными. Вот возле него и собралась эта масса людей.

Выйдя к ним, я начал своё выступление с того, что мне совершенно без разницы, кто и по какой причине здесь находится. Самое главное, чего я хотел, это того, что никто, кто будет работать здесь не получит свои деньги просто так. Их надо будет заработать. Для этого все эти люди разбиваются на четыре участка по сто человек каждый. Из числа этих людей они сами должны будут выбрать себе четырёх мастеров; восемь бригадиров и шестнадцать звеньевых. Звеньевым назначаю я своей властью повышающий КТУ=1,2; бригадирам КТУ=1,4; а мастерам КТУ=1,6. Все они должны будут принимать активное участие в делёжке заработной платы всех, кто работал на выполнении этих объёмов работ.

Люди сами сбивались в свои группы и подбирались по своим законам и понятиям. Но самое главное было достигнуто. Никто так просто не получал деньги. Надо было их действительно заработать. Приписок никаких, да же и в мыслях не было сделать.

Через три дня замечаю, за мной постоянно стал какой-то длинный мужик ходить. Не отстаёт ни на шаг. Куда я туда и он за мной. И вот подхожу к блатным фраерам. Спрашиваю, почему они не работают и кто у них мастер. Смотрю один из кармана достаёт тонкий нож и говорит: «Мы тебе сейчас начальничек пропишем, кто у нас мастак». Не успел я ноги свои в коленях чуть согнуть и встать в стойку, как мой этот мужик коршуном на него накинудся. Применив к нему какой-то приём, выбил у него нож и отправил его в лёжку. Потом повернулся ко мне и говорит: «Вы извините его. Он не хотел этого сказать.» Так мы познакомились.

Оказалось, что братва, мне на сходке телохранителя из своей среды выделила, и я откровенно этому обрадовался. Не пришлось кулаками махать. Так и ходил этот Иван бывший инструктор морской пехоты за мной тенью. Я не знаю, за что осуждён был этот мужик и сколько он отсидел, пока ему не определили «на вольное поселение» потому, что считал их всегда себе равными и они, видя, что от меня никогда не несёт снобизмом, уважали меня за это. А это дорогого стоит.

Когда система заработала, из Вологды приехали изучать этот опыт, и я передал уже отработанную систему со всеми рабочими в службу Заказчика-застройщика. На всё на это ушло три месяца.

Я тогда не понял, почему мне разрешили такую самостоятельность. Обычно любая инициатива каралась в наших организациях строго. Тут сработал фактор страха перед контингентом людей уже осуждённых, и моему начальнику управления было ясно, что такая организованная мной система оплаты труда является самой эффективной и справедливой. Не знал я тогда, что в старательских артелях давным – давно, с первых дней их организации, уже существовал такой способ оплаты труда.

На следующий сезон этот начальник участка на Улохан-Мелемкён не поехал. Куда он делся – я не знаю. Но его уже там не было. Видно ума вложили ему не зря. Вот только человеком бы стал в общении с другими людьми, а не скотиной.

Несмотря на те лишения и трудности, которые я перенёс, я воочию увидел систему настоящей конкуренции среди рабочих за рабочие места потому, что они были хорошо оплачиваемы. Заработок был гарантированным. Каждая железка из металлолома шла в дело. Старые списанные бульдозера стоявшие чинно вряд на приколе потихоньку разбирались и из деталей их изготавливались другие детали. Так, например, из прослабленных пальцев гусеничных траков, вытачивались токарями болты и другие детали. Из гусеничных башмаков наваривались режущие ножи на бульдозерные отвалы. Новые материалы брались со склада только тогда, когда уже действительно не возможно было ничего сделать из старого. Разве где нибудь, на каком либо заводе это раньше увидишь?

Как яркий пример из своей жизни вспомню два случая.

Проходил я со своими ПТУшниками практику на заводе «Борец». Вижу, едет на электрокаре мужик и везёт ящики с болтами. Один от тряски сполз на край и свалился на дорогу. Разбился, и болты из него рассыпались с гайками. Так водитель электрокары обернулся, посмотрел равнодушно и дальше продолжил путь. Потом в конце дня, когда я шёл с ребятами после смены на электричку, болты уже были вкатаны в грунтовую дорогу с грязью облипшей. Ящик валялся в придорожной канаве. Так они там навсегда и остались.

И второй случай, в артели, когда у Семёна ящик с болтами упал на землю и развалился, он полчаса ползал на коленях, прощупывая мох ладонями рук и выискивая каждый болтик. Потому что знал, что если не досчитаются этих болтов, высчитают деньги с него, с Семёна. И поэтому, что бы не заработать пониженный КТУ, ползал на коленках.

Только совсем недавно я узнал историю жизни этого замечательного человека Вадима Ивановича Туманова, прошедшего такой нелёгкий жизненный путь от механика на судне до крупного золотопромышленника. Когда я закончил читать повесть о нём, на одном дыхании, то в этот же день, вернее в первую же ночь, мне приснилась ручная мясорубка, которую крутил Сталин И.В. и сыпал он в неё как горох людей. Они как человеческие эмбрионы в круглых шариках засыпались во чрево мясорубки и прокручивались. Мясорубка была прозрачная, и было видно, как все внутри борются за жизнь. Так вот очень мало людей выскакивало не перемолотых из этой мясорубки через эти ножи. Большей частью один фарш вылезал. А вот он выскочил. Выскочил и выжил. Выжил и притянул к себе множество далеко не безразличных к судьбе России людей. Мало того не на одних словах, а на конкретных делах доказал, что отработанная им артельская старательская система добычи золота, да и не только золота, а любых ископаемых и строительства зданий и сооружений, помимо того, что может существовать – ещё является и самой эффективной системой в мире, которую когда бы то ни было создавало человечество.

Никогда мне не забыть того, как старые старатели учили меня не просто работать, отрабатывая свои часы, а именно СТАРАТЬСЯ. А это значить делать всегда всё качественно и максимально быстро, не забывая в то же время, что в некоторых случаях нужно семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать.

Самым страшным наказанием было тогда, получить от такого авторитетного старателя замечание: «Ты плохо стараешься мужик. Тебе не место среди нас».

Теперь уже ясно, что высшее руководство страны решило голову себе не морочить, какой-то там новой формой организации труда. А просто, узнав, что Вадим Иванович раньше был, судим, неважно за то, что любил слушать запрещённые музыкальные пластинки; а раз сидел – значить и пускай себе ещё сидит, вот и всё. Нет человека – нет и проблемы. Подумаешь, какой-то блатной фраер, намыл 500 тонн золота за всё своё время пока он работал. Наша система самая гуманная и лучшая в мире. Мы не эксплуатируем рабский труд как в капиталистических станах, а у этого блатного фраера люди по 12 или 14 часов без выходных вкалывают. Разве это приемлемо для развитого социалистического общества? Да нет, конечно. Надо опять упрятать его за решетку – и всё там. Примерно в таком плане сработали тогда мозги у наших идеологических партократов.

Когда пошла команда «Фас» сверху, то тут же и борзописцы разных мастей нашлись. Бросились сломя голову выполнять пожелание руководства. Стали облаивать всё хорошее, наработанное с таким трудом потом и кровью людской. Найдутся и среди прокуроров всегда люди, которые ради карьерного роста из мухи слона сделают.

Я добился того, что бы мой материал забрали в редакции газеты Советская Россия.

Не помню уже кто, Капелькин или Цеков вышел ко мне и, представившись, взял у меня из рук написанную мной заметку. Он внимательно прочитал её и, взглянув на меня, с удивлением задал мне единственный вопрос: - «Вы что действительно работали раньше в центральном аппарате Минмонтажспецстроя СССР?»

На это мне захотелось ответить тогда, что в отличие от некоторых, я никогда в жизни не врал и не кривил своей душой. Но я сдержал себя, и спокойно ответил: «Да в Главларужестрое, Минмонтажспецстроя СССР». Он пообещал рассмотреть её и доложить своему руководству.

Напрасно я покупал номера этой газеты. Моей заметки так и не появилось. Но травля Туманова В.И. как, то со временем поутихла. И вот я только сейчас понял, что если бы не Марина Влади и не Владимир Высоцкий – лучшие друзья Вадима Ивановича, то ему может быть век бы свободы не видеть.

Теперь мне ясно, почему Высоцкий отказался в Париже, в то время, выступить перед Советскими дипломатами. Мне об этом мой отец с удивлением рассказал. Дипломаты собрались на вечер встречи с Высоцким, а он злой какой-то, им отказал в этом, укотив со своей Мариной неизвестно куда. Теперь мне ясно, что это был их демарш.

Слава Богу, Туманова В.И. освободили, но охоту возвращаться к золоту, к его добыче, на всю оставшуюся жизнь отбили. Он основал в Карелии, в Петрозаводске кооператив по строительству дорог. А вскоре после этого его пригласил поработать в Москву тогдашний мэр Гавриил Харитонович Попов. У него то - я и узнав домашний телефон Вадима Ивановича, позвонил к нему и, узнав, где находится его офис, приехал к нему и встретился с этой удивительной легендарной личностью. Жаль, что продолжить общение с ним мне не пришлось. Офис его перенесли, а куда – мне не известно. Сменились к тому времени и все его телефоны.

-----«»-----

Итак, очень короткая старательская эпопея моя закончилась. За это время я узнал и прошёл целую школу старательскую и получил своё кровно заработанное, за что старался. Вспоминается мне новый 1987 год, когда я вышел после традиционного новогоднего застолья на свежий воздух, то мне вспомнился Алдан и его общежитие. Те женщины, матери которых были сосланы и которые не по своей воле жили в этой Сибирской глуши. Что они там хорошего видят в своей жизни? У многих из них и телевизора никакого не было в то время. Какая-то щемящая без исходная тоска тогда на меня навалилась – словами не передать.

Более двух десятков лет прошло с той поры. И все эти годы мне пришлось работать с человеческим фактором. Сначала половину в строительной отрасли, а потом и в машиностроительной. После тех перестроек и потрясений, которые со мной произошли, как и с большинством Россиян, я уже ничему не удивляюсь.

Не стало моего протеже Анпилова Алексея. Он отошёл в мир иной из-за того, что не было у него денег на операцию. Не смог сразу дать во время на лапу хирургам, что бы те вскрыли ему брюшную полость и зашили бы порванные связки, когда его башенным краном скинуло с четырехметровой высоты. Он по комплекции был человеком тучным, вот приземлившись на ступни ног, он и порвал себе брюшные связки внутри. При вскрытии записали, что умер от сердечной недостаточности, а патологоанатом был поражён. Все органы в порядке.

Треснул и развалился мой семейный союз с Аллой Викторовной. Расширились микротрещины, возникшие в нём во время проживания тещи. Семена, посеянные ей дали неблагодарные всходы.

Время не стоит на месте. Я встретил женщину хоть и несколько старше себя, но намного умнее бывшей моей Аллы Викторовны. Несмотря на то, что мы не круглый год с ней вместе можем быть, но я и

этому в жизни благодарен. Эта встреча заново воскресила меня и подняла, на какую-то ещё большую высоту. Надеюсь теперь только на волю Господнюю. Как он сподобит – так и будет.

Дочка вышла замуж, вроде бы за хорошего парня. Во всяком случае, импонирует мне то, что родом он из Сибири. Там родился и рос первые годы. А сибиряки всегда были намного чище европейцев. Во всяком случае, если пообещают, то обязательно сделают. А там конечно видно будет. Только его величество ВРЕМЯ расставит всё по своим местам. Родила мне дочка внука Фёдора. Скоро ему будет уже пять лет.

Четыре года тому назад у меня порвался в сердце митральный клапан. Сказались частые заболевания ангиной в детстве. Спасибо доченьке. Она как ангел спаситель прилетела ко мне в больницу, увезла меня на обследование и организовала у Шумакова В.А. мне операцию. Сейчас стучит металлический напёрсток в груди и четыре аортокоронарных шунта гонят пока ещё кровь в нужном направлении. Продолжаю работать. Встаю, каждый день в пять часов утра и еду к восьми часам на работу. Правда делать это всё трудней и трудней становится. Буду трудиться, пока труд мой востребован. Правда использовать приходится только десятину тех знаний и практических навыков, которые в жизни получил.

-----«»-----

Что хотелось бы сказать в заключение моего повествовательного альбома. На что обратить внимание тех, кто его прочтёт. В особенности мне хотелось бы обратиться к молодым людям, только что начинающим свою жизнь.

Не бойтесь учиться хорошему в жизни всю свою жизнь. Помните и то, что привело вас к плохому, и не ходите уже этой дорогой. Помните, что знания вам даются для того, что бы вы уже не повторяли бы прежних ошибок, которые кто-то до вас уже совершил. Помните о хорошей японской поговорке на этот счёт: «Только дурак будет повторять ошибки другого человека в надежде, что у него получится всё по другому. Умный человек никогда не повторит прежних ошибок другого человека.»

Не думайте, что если вы получили какую ни, будь «корочку» о том или ином образовании, то вы уже действительно являетесь образованным человеком. Нет. Вы получили только допуск к системе применения тех знаний, которые вам были даны. А как правильно вы распорядитесь теми знаниями – вам решать. Или вы будете детально просчитывать все варианты своих действий, находя из множества вариантов действительно наиболее приемлемый, или вы примените наиболее стандартное решение, не задумываясь особо, и не паря себе мозги, над тем, правильно ли вы действуете. К сожалению, последнее сейчас наиболее часто применяемо становится.

И никогда не надо забывать о человеческом факторе. Там где о нём забывают, всегда происходят катаклизмы. Или самолёты сталкиваются в воздухе друг с другом или электростанции взрываются. Помните, что да же незаряженное ружьё один раз в жизни само стреляет. Да же в семейных отношениях, на самом нижнем уровне, и то, человеческий фактор является первоприемлемым.

В жизни принято считать, что добро уравнивает зло. То есть, сколько добра мы бы образно не положили бы на одну чашу весов, всегда на другой чаше весов столько же будет положено зла и без нашей воли. И стрелка весов всегда будет на середине. Поэтому творя добрые вещи нужно постоянно помнить и о том, что зло, где то обязательно вылезет и покажет вам свои зубы. Относиться только к этому надо совершенно спокойно. И быть в постоянной готовности - к встречи с ним. Вот этому-то искусству в жизни нам постоянно надо учиться у наших святых Отцов православных. У тех, кто выбрал себе дорогу и жизнь с Богом по его заветам. Однажды я задал вопрос своему духовному отцу Валериану Кречетову: «Батюшка. А почему так Господь некоторых из нас грешных так жестоко наказывает, отбирая у нас самое ценное – жизнь?» На это старец в Миру ответил: «Господь Бог наш никогда и никого не наказывает. Он вразумляет нас.» Этим я думаю всё сказано.

Молодым людям нужно учиться умению распознавать друг друга.

Одни люди воспитание получают в одном месте, другие в другом. Какие жизненные критерии получены у одних, какие у других? Не знает никто, когда люди только встретились друг с другом. Поэтому как поведут они себя, встретившись друг с другом, так и будут развиваться их отношения. К большому сожалению, под действием современного кинематографа и тех телевизионных многосерийных фильмов, шельмующих одно насилие на экранах с целью обогащения любыми ценами, включая шантаж и насилие. Население к этому уже привыкло. Не далее как вчера показали в передаче «Чрезвычайное происшествие» сюжет, по которому рассказывалось, что один рыбак, местный предприниматель, просто зарезал другого рыбака, чужого парня, потому, что тот пришёл и стал рыбачить на его прикормленном месте. Зарезал, снял с него хорошие сапоги и ещё что то, и упёр это домой. На этом то, в конечном счёте, и попался. Меня, например это поразило. Надо же, отобрали человеческую жизнь, из-за какого-то пойманного или не пойманного карася. И что ему не хватало разве на жизнь? Ведь предпринимателем всё-таки был. До чего мы деградировали уже?

Смотря на отдельные телевизионные передачи, я вижу, как среди молодых участников стало модным, покуражится над кем то, или над чем то. Хорошо если это носит трезвый не ущемляющий достоинство другого человека характер. А если это совершается в не трезвом виде и кураж идёт над другим человеком, унижающим его человеческое достоинство, то это - страшный грех.

Мой духовник - старец в Миру, отец Валериан Кречетов однажды разыграл меня. Подошёл ко мне и говорит: «А знаешь что Сергей, я ведь недавно вшился.» Тут у меня челюсть слегка отвисла от удивления, что ослышался или крыша уже поехала у меня. Стою и смотрю на него, оцепенев от удивления. Ведь вшиваются только конченные алконавты, а тут сам батюшка говорит такое. Но видя мою оторопь в глазах, и в застывшей от удивления позе, отец Валериан сжалился надо мной и продолжил: «Вот посмотри, - при этом он расстегнул молнию с маленького кармашка на своей куртке с левой стороны в области левой груди у сердца, - записку написал и ношу её, помня постоянно: « ЛЮБОВЬ СПАСЁТ МИР».

Вот так бы каждому человеку вшиться.

Вот какие правильные и хорошие слова были написаны своему сыну в завещании своего отца Вересаевым в 1879 году:

«Может быть в свете тебя не полюбят,
Но пока люди тебя не погубят,
Стой-не сгибайся, не пресмыкайся,
Правде одной на земле поклоняйся!...
Как бы печально не сделалось время,
Твердо неси ты посильное бремя,
С мощью пророка, хоть одиноко,
Людям тверди, во что веришь глубоко!
Мало надежды? Хватит ли силы?
Но до конца, до грядущей могилы,
Действуй свободно, не уставая,
К свету и правде людей призывая.»

Недостроенное двухэтажное общежитие для старателей

Базовый участок Алексеевский среди Алданских сопок на высоте 1200 над уровнем моря.

Байкало амурская магистраль

Два моих сменщика. С левой стороны электросварщик. Наконец то он сменил свой топор на родной держак, для сварочных электродов и приступил к сварке.

Из кабины вертолѐта